

# ОБЗРЕВАТЕЛЬ

---

# OBSERVER

**Эволюция политики военно-силового противоборства  
западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.)**

С. ИВАНОВ

**Сирия – эпицентр  
нестабильности  
в регионе**

А. СЕРЁГИН

**На реке Халхин-Гол:  
к 85-летию военного  
конфликта**

Р. РАЙНХАРД

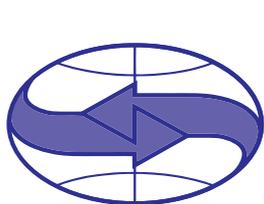
**Наука о дипломатии и  
для дипломатии**

Л. РОМАНОВА

**Новые вызовы  
евроинтеграции**

---

**Отношения России с соотечественниками за рубежом**



# ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

## Содержание номера

16+

---

### Политология

---

#### **«Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2**

5

А. Подберёзкин

Стратегия западной военно-политической коалиции во главе с США претерпевает серьёзные изменения. Этот период, начавшийся во втором десятилетии XXI в., будет характеризоваться эскалацией силовой политики Запада по отношению к новым центрам силы и отдельным государствам, которые пытаются защитить свой суверенитет и национальную идентичность.

Особенное значение в такой силовой политике принадлежит невоенным инструментам, которые будут применяться в комплексе с военной силой более часто, масштабно и эффективно.

#### **Сирийский конфликт – эпицентр нестабильности в регионе**

21

С. Иванов

В статье рассматривается ситуация в Сирийской Арабской Республике и её влияние на общую обстановку на Ближнем Востоке. Особое внимание уделяется анализу участия в сирийском конфликте региональных центров силы и внешних игроков. Автор приходит к выводу о необходимости активизации мирных переговоров по Сирии в Женеве и Астане. При согласии противоборствующих сторон допускается проведение миротворческой операции под эгидой ООН.

**Франция и новые вызовы европейской интеграции** 31

Л. Романова

Вопрос о создании евроармии встал в Европе сразу после окончания Второй мировой войны, за год до создания НАТО, пройдя этапы Брюссельского пакта, Западноевропейского союза и опоры НАТО в Европе. Обновлённая Э. Макроном идея была поддержана европейцами в целом, но её реализация под большим вопросом с учётом, что кризис мультикультурализма является реальной угрозой европейской безопасности и идентичности.

**Халхин-Гол – 1939 год в контексте истории** 39  
**К 80-летию военного конфликта: истоки и уроки**

А. Серёгин

В основу статьи положены архивные документы и современные исторические исследования, которые позволяют рассматривать этот период как провал захватнических притязаний милитаристской Японии на восточносибирские территории Советского Союза, начиная с русско-японской войны 1904–1905 гг. и вплоть до окончания Второй мировой войны. Военно-политические усилия СССР 30–40-х годов позволили защитить независимость Монголии и закрепить послевоенную расстановку сил в Дальневосточном регионе на международном уровне.

**Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии** 58

Р. Райнхардт

В статье рассматривается возрастание роли научной дипломатии в российской и зарубежной внешней политике. Проанализированы три её ключевых направления: выработка рекомендаций для целей международной политики, упрощение процесса международного научного сотрудничества, использование научных альянсов для улучшения отношений между государствами.

**Отношения России с соотечественниками за рубежом** 73  
**Проблемы конституционно-правового обеспечения**

А. Акимова

Автором предложена классификация россиян, постоянно проживающих за рубежом, в зависимости от самоидентификации лица как россиянина; направление совершенствования действующего законодательства, которое регулирует правовой статус соотечественников;

рекомендовано заключить ряд международных договоров о социальном обеспечении, трудовой деятельности соотечественников за рубежом и регулировании миграционных процессов.

### **Политика патриотического воспитания студентов в США и Китае** Сравнительный анализ

82

Л. Федорченко

Тема патриотизма всегда была интересна политикам, так как патриотизм связан с устойчивостью власти, доверием студентов – будущего страны – к существующему социально-экономическому порядку. Вопрос актуален и с точки зрения конструирования политических идентичностей, целевых аудиторий, ориентированных на те или иные политические субъекты страны – партии. Это осознают и политики за рубежом, зная, что на власть, которая не может опереться на патриотически ориентированные массы, всегда можно оказать давление в ущерб национальным приоритетам. Автор анализирует патриотическую политику США и Китая.

### **Госполитика России в сфере исторического образования** Воспитательный аспект

91

Е. Гузь

В статье рассматриваются особенности государственной политики России по обеспечению единства образовательной и воспитательной сфер на основе федеральных целевых программ по патриотическому воспитанию. Несмотря на ряд позитивных моментов, этот процесс противоречив и связан с рядом проблем, что не позволяет полностью использовать воспитательный потенциал общего исторического образования в социализации подрастающего поколения.

### **Выбор оптимальной избирательной системы – неотъемлемая составляющая феномена демократии**

106

Е. Носкова

Вопросы определения оптимальной для политической системы государства избирательной системы остаются острыми. В рамках исследуемого вопроса автор сопоставляет недостатки и достоинства существующих избирательных систем и делает вывод о возможности их применения в рамках демократизации политического процесса.

### **Содержание на английском языке / Contents in English**

114

## **Председатель Совета учредителей**

К. Ф. ЗАТУЛИН

## **Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)**

### **Редакционная коллегия:**

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н., член-корреспондент РАН; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯИС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕГИН А. В. – к. культурологии; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

### **Научно-редакционный совет:**

- |                 |  |
|-----------------|--|
| ГАБАРАЕВ Б. А.  | — доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ  |
| ГАЛОГАНОВ А. П. | — доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области   |
| ГРИБ В. В.      | — доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»   |
| ДЕЛЯГИН М. Г.   | — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации  |
| ИВАШОВ Л. Г.    | — доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, генерал-полковник   |
| КРЕМЕНЮК В. А.  | — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН  |
| ЛАДЫГИН Ф. И.   | — Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник                             |
| МУРАДОВ Г. Л.   | — кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым   |
| СУХАРЕВ А. Я.   | — доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ  |
| ТОРКУНОВ А. В.  | — доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО(У) МИД России, председатель РАС ООН |
| ЩЕРБАКОВ И. А.  | — доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН                      |

© Институт стран СНГ

# «Переходный период»: эволюция политики военно- силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.)\*

## Часть 2

**Алексей ПОДБЕРЁЗКИН**

В прошлом военная подготовка и военная теория строились на основе тщательного изучения всего лишь одной или двух кампаний. ...В физической области единственным неизменным фактором является то, что средства и условия непрерывно меняются.

*Бэзил Лиддл Гарт. Стратегия непрямых действий*

**З**ападная военно-политическая коалиция во главе с США с 2010 г. по настоящее время находится в постоянно и быстро меняющихся условиях формирования международной и военно-политической обстановки (МО и

---

**ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович** – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, академик Академии военных наук, директор Центра военно-политических исследований МГИМО – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». *E-mail*: podberezkin@gmail.com

**Ключевые слова:** «переходный период», технологическое соперничество, ВПК, политика силы, вооружённый конфликт, ВВСТ, «разоружающий» удар, стратегическая стабильность.

\* Продолжение. Начало см.: Обозреватель–Observer. 2019. № 4. С. 5–26.

ВПО). Ни НАТО, ни более широкая проамериканская коалиция не застыли в своём развитии. На этом отрезке «переходного периода» формирование как блока, так и всей коалиции шло очень быстрыми темпами, хотя для внешних наблюдателей присутствовала одна проблема – «расширение НАТО на Восток».

Весьма значимых особенностей в развитии коалиции и всей политики было несколько. Среди них можно выделить главное отличие «переходного периода» от других периодов в развитии военно-политической обстановки в мире (накануне Первой и Второй мировых войн, в годы холодной войны и «однополярного мира»), заключающееся в том, что чрезвычайно быстрая и качественная смена поколений вооружений и военной техники (ВВСТ) и, как следствие, способов их использования создаёт иллюзию (а отчасти даже и реальность), что с помощью прямого физического применения военной силы можно решить – быстро и радикально, но, главное, относительно безопасно – накопившиеся международные проблемы. Военная политика США в новом столетии в это время стала чётко ориентироваться на прямое использование военной силы против широкого круга государств, включая «технологически развитые» [1].

Этот вывод, однако, разделяется далеко не всеми политиками и экспертами, но нельзя не обратить внимание, что чем ближе хронологически эти оценки к сегодняшнему дню, тем больше у них сторонников. Условно можно считать, что начало процессу «возвращения роли военной силы» было положено в начале 90-х годов с исчезновением Организации Варшавского договора (ОВД) и СССР. Так, стремление применить прямо вооружённое насилие и быстрое развитие военно-политической обстановки (ВПО) в этом направлении привело к первой послевоенной бомбардировке европейского государства – Югославии, обеспечило победу в Афганистане США за два месяца, а в Ираке и в Ливии – за месяц\*.

Использование ВКС России в Сирии фактически подтвердило эту закономерность как достаточно универсальное явление, плодами которого, однако, стали пользоваться прежде всего США.

Приход к власти в США Д. Трампа ещё больше закрепил эту тенденцию, сделав её после 2014 г., по сути, безальтернативной: технологическое лидерство в военной области, всегда бывшее приоритетом для США (даже при политике стратегического сдерживания), стало формально закреплённой целью внешней и военной политики [2]. Так, в новой концепции развития ПРО (декабрь 2018 г.) стратегическое сдерживание не упоминается вообще ни разу, а ядерные силы достаточно откровенно ориентируются на нанесение первого «разоружающего» удара.

<sup>1</sup> Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель–Observer. 2018. № 11. С. 7–8.

<sup>2</sup> Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университет. 2018. Т. 43. № 6. С. 142–143.

\* Если полученный результат можно считать победой.

Такой «технический» результат вновь поставил не новый в политике классический вопрос о соотношении основных понятий «война» и «политика», которые, как казалось многим в 80-е годы прошлого века, были решены достаточно определённо в пользу «бессмысленности применения военной силы», чему были посвящены тысячи работ [3]. Модная тогда мысль о том, что «военная сила потеряла своё значение», повторялась многократно и на всякие лады самыми разными политологами (во многом под влиянием политики «безответственного романтизма» М. Горбачёва), которые забывали, что она была справедлива только при определённых условиях, которые, как говорил 100 лет тому назад Б. Л. Гарт, «непрерывно меняются».

Именно такое очередное и радикальное изменение внешних условий произошло в XXI в., когда ВПО в мире стало формироваться во многом под влиянием одного из цивилизационных лидеров, превратившегося в новом столетии в безусловного военно-технологического лидера – США. При этом общее правило военной науки, когда средства и способы военных действий зависят от уровня развития экономики (и технологий) и общества, в полной мере проявляются и в настоящее время: мы ежедневно становимся свидетелями достижений военно-технической революции, которые качественно меняют наши представления о средствах и способах ведения войн и конфликтов (только

за последнее десятилетие появились крылатые ракеты (КР) большой дальности и точности, гиперзвуковые летательные аппараты (ЛТА), ударные беспилотники, роботизированная бронетехника и т. д.). Но это общее правило во многом реализуется именно под влиянием США и их союзников, которые заняли лидирующие позиции в наращивании военных потенциалов в новом столетии, задавая темп производством и торговлей ВВСТ.

США только в 2018 г. заключили сделки на поставку вооружений на сумму 55,6 млрд долл., что на 33% больше, чем в 2017 г. Это стало возможным благодаря либерализации экспорта оружия администрацией Трампа.

По данным SIPRI, в период с 2014 по 2018 г. экспорт США по сравнению с российским был на 75% выше, т. е. разрыв был гораздо значительнее, чем в предыдущий пятилетний период (более 85% мирового производства и торговли) [4].

Уже с первого десятилетия нового века эти процессы привели к переосмыслению основных положений внешнеполитической и военной стратегии и военного искусства, когда традиционные представления о роли военной силы стали уступать новым концепциям. «Переходный период» – это период смены как материальной базы войны, так и радикальных изменений в способах применения новых вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ), превращение их в банальные («используемые») военные средства политики.

<sup>3</sup> Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2017. С. 653.

<sup>4</sup> Бершидский Л. В мировой торговле оружием Трамп одерживает победу, Путин проигрывает // Блумберг. 2019. 13 марта.

К концу второго десятилетия у ведущих стран мира появилось огромное количество качественно новых вооружений.

Только в США более 3500 крылатых ракет морского базирования, сотни новых аэробаллистических ракет, ударных беспилотников, которые по своей эффективности превосходят фронтовую авиацию, и т. д.).

Массовые достижения в области робототехники привели к созданию автономных беспилотных летательных аппаратов, которые начинают вытеснять пилотируемую авиацию, а в танкостроении – все виды бронетехники.

Началась качественная гонка вооружений во всех областях военной деятельности. Период 2010–2025 гг. является для России не просто очередным периодом реализации Государственной программы вооружений, но и периодом, когда в массовом порядке на вооружение будут поступать совершенно новые виды и системы оружия и военной техники, которые в 2019 г. уже превысили в некоторых видах и родах войск 50%, а в военном искусстве происходит принципиальное переосмысление основных положений. Россия вынуждена участвовать в этом ускоренном наращивании военных потенциалов. 11 марта 2019 г. глава Минобороны генерал армии С. К. Шойгу заявил, что «принятые меры позволили к 2019 году увеличить количество носителей высокоточного оружия большой дальности наземного, морского и воздушного базирования более чем в 12 раз, а высокоточных крылатых ракет – более чем в 30 раз». Он также отме-

тил, что ещё в 2012 г. в вооружённых силах практически не было высокоточного оружия большой дальности, в частности, было 30 исправных самолётов-носителей и 37 авиационных крылатых ракет» [5].

Иными словами, за шесть лет Россия была вынуждена создать фактически второй, более совершенный военный потенциал, что, естественно, требует не менее глубоких изменений в политике и военном искусстве.

Неслучайно, что ежегодные конференции, проводимые Генеральным штабом и Академией военных наук, показали, что военная мысль в России пытается осознать эти новые реалии и сделать соответствующие выводы.

Ситуация обостряется тем, что стремительное усложнение военнополитической обстановки в «переходный период» 2010–2024 гг. превратило эти годы в серьёзное испытание для экономики и военной промышленности страны, жизненно важный период осознания реальности и даже вероятности войны, своего рода «точку бифуркации», которая очень вероятно может завершиться прямым и масштабным военным столкновением, когда стороны будут преследовать самые решительные и бескомпромиссные цели. Это наиболее вероятный вариант развития военно-силового сценария, который (уже значительно менее вероятно) может иметь и более мягкий вариант, когда России удастся сохранить интенсивность противоборства на нынешнем военно-силовом уровне, не переходя гра-

<sup>5</sup> Шойгу о 30-кратном росте числа высокоточных крылатых ракет // URL: [https://www.rbc.ru/politics/11/03/2019/5c8630839a79474155eae6eb?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop](https://www.rbc.ru/politics/11/03/2019/5c8630839a79474155eae6eb?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop)

ницы, ведущей к прямому военному столкновению.

Важно в этой связи отдавать отчёт, что итог этого военно-силового столкновения ещё до 2024 г. во многом будет предопределяться соотношением уровней развития информационных, социально-когнитивных и иных технологий [6], который уже не может быть компенсирован простыми военно-техническими модернизациями систем ВВСТ, насчитывающих (как основные российские системы) 50 и даже 70 лет. Качественно новые системы ВВСТ в информационно-когнитивной области (киберкомандование, искусственный интеллект, социальные сети и самые различные средства радиоэлектронной борьбы) уже до завершения «переходного периода» фактически определяют будущего победителя [2].

Из этого следует, что принципиально важно попытаться определить будущую краткосрочную и среднесрочную перспективу военно-политической обстановки в мире и политику западной коалиции, так как способность противодействия России наиболее вероятным угрозам, которые возникнут в эти годы, будет достаточно трудно обеспечить, учитывая крайнюю ограниченность по времени и имеющимся в России военно-техническим возможностям [7].

Так, принятый военный бюджет США на 2019 финансовый год в совокупности превышает 900 млрд долл., а вместе с другими союзниками – более 1300 млрд, что позволяет западной коали-

ции развивать все основные направления военно-технического прогресса и технологии. Нетрудно прогнозировать, что суммарные масштабы военных расходов западной коалиции будут ежегодно увеличиваться до 2021 г. как минимум на 70–80 млрд долл.

Например, следует ожидать не только быстрого роста военных расходов США (в том числе на прямое противоборство с Россией, как это сделал Д. Трамп в марте 2019 г.), но и стран – членов НАТО (вероятно, уже не только до 2% ВВП, но в будущем и больше), Японии, Австралии, Саудовской Аравии.

Таким образом, общие военные расходы западной коалиции на развитие военной промышленности и технологий в «переходный период» возрастут как минимум до 900 млрд долл. Учитывая сохраняющееся технологическое отставание России и финансовые возможности (в 20–25 раз меньше, чем Запада), становится понятным, что решения по разработке и созданию сил и средств силового противодействия должны приниматься чрезвычайно точно и своевременно [2].

**С**уммируя имеющуюся на середину 2019 г. информацию и известные прогнозы, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в качестве наиболее вероятного варианта сценария будущего развития МО и ВПО предлагается гипотеза неизбежности глобального военно-силового противоборства западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) с китайской и рос-

<sup>6</sup> Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

<sup>7</sup> Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А. И. Подберёзкин, М. В. Александров, О. Е. Родионов [и др.]; под ред. М. В. Александрова, О. Е. Родионова. МГИМО(У) МИД Российской Федерации, Центр военно-политических исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018.

сиейской ЛЧЦ [8]. Эта гипотеза основывается не только на заявлениях Д. Трампа и представителей его администрации о готовности использовать эскалацию силовой политики до степени применения военной силы, но прежде всего на анализе реальных намерений, интересов и ведущейся материально-технической подготовке [9].

Все эти признаки указывают на стремление США в «переходный период» подойти вплотную к применению самого широкого спектра сил и средств силовой политики, включая военную силу. «Вплотную» – означает попытку использования военной силы против России на отдельных ТВД в региональных конфликтах на Украине, Кавказе и в Средней Азии.

Этому способствует не только наращивание их военной мощи, но и в немалой степени то, что процесс потери ими контроля над развитием ВПО в мире приобрёл определённое ускорение, которое может подтолкнуть их к выходу политики США к 2021 г. в зону бифуркации, когда они захотят перейти от силовой политики к военно-силовой [2]. Попытка «решительных» действий против России должна стать сигналом того, что США не допустят выхода развития ВПО из-под их контроля.

В силу именно этих обстоятельств развитие ВПО в «переходный период» будет реализовываться в трёх возможных вариантах одно-

го-единственного (наиболее рационального) военно-силового сценария:

– *оптимистическом* – когда военно-силовые элементы не будут доминировать над другими инструментами (невоенными) насилия в политике;

– *реалистическом* – когда будет происходить достаточно быстрое усиление доли военных инструментов в общем наборе силовых инструментов политики;

– *пессимистическом* – когда станут доминировать военные инструменты насилия [10].

В зависимости от военно-технической готовности правящих кругов США и их союзников к ведению военных действий, той роли, масштабов и способов использования ими военной силы среди других инструментов насилия, которые представляются им в данный период наименее опасными и наиболее эффективными, будет реализовываться один из этих вариантов одного сценария. Иными словами, если степень военно-технической готовности к войне к 2021 г. у США будет очень высокая, а России и КНР – низкая, то они, вероятнее всего, будут принимать решение об использовании военной силы по «пессимистическому» варианту сценария. Если же вероятные ответные действия России или Китая смогут увеличить до неприемлемого риски применения военной силы, то будут использованы нево-

<sup>8</sup> Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Washington, January 18.

<sup>9</sup> Выступление начальника Генерального штаба ВС России В. Герасимова 2 марта 2019 г. в Академии Генерального штаба ВС РФ // ИТАР-ТАСС. 2019. 2 марта.

<sup>10</sup> Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель–Observer. 2018. № 4.

енные инструменты насилия (санкции, кибероперации, информационно-психологические и когнитивно-идеологические меры).

Такие варианты сценария периодически становятся известными и регулярно просчитываются по заказу Министерства обороны США в различных (нередко альтернативных) организациях, например, ежегодно в *RAND Corporation*, как это произошло в марте 2019 г. (когда был сделан вывод о том, что США понесут огромные потери в случае прямого военного конфликта).

Несколько лет назад в работе «Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года» была сделана попытка обосновать в качестве такой версии наиболее вероятный сценарий развития ВПО и стратегии США, а также рассмотрены некоторые, самые вероятные, его варианты [11]. Последующие четыре года, в принципе, подтвердили эту логику развития военно-силового сценария и его варианта преимущественно в крайне опасном, «реалистическом», исполнении. Его главная опасность заключается в избранном стратегическом планировании, которое во многом автоматически влияет на военную политику США и формирование ВПО, т. е. прогноз, сделанный в 2014 г., оказался верен, а основан он был именно на предположении о начале «переходного периода» в развитии ВПО.

**В** настоящее время в этот вариант и сам сценарий вносятся некоторые коррективы, не меняющие, од-

нако, общего стратегического прогноза и базовой гипотезы, но подтверждающие их реалистичность. Модель такой гипотезы, основанной на возможной концепции противоборства западной ЛЧЦ в 2021–2025 гг., исходя из всей истории и логики развития ВПО в 2015–2021 гг., в несколько упрощённом виде дан на рис. 1. Эта модель, по сути, новый этап «переходного периода» к открытым военным действиям.

Как видно из рис. 1, к 2021 г. США должны взять под полный контроль развитие ВПО в мире, что неизбежно предполагает решение следующих наиболее важных и критически рискованных задач:

- пересмотра отношений в рамках западной военно-политической коалиции в пользу США для повышения возможностей (политических, военных, экономических, информационных и пр.) использования в своих интересах не только своих союзников по НАТО, но и всей широкой коалиции. Требования повысить военные расходы, консолидирование политики, участия в совместных операциях и т. д. будут до 2021 г. возрастать до степени, когда США смогут быть уверены в лояльности своих союзников, численность которых в Европе и мире должна существенно вырасти. Фактически систему союзов и партнёрств необходимо трансформировать на основе двусторонних договорённостей из коалиционной, даже союзной, в верхушечно-подчинённую США, которым уже не будет необходимости согласовывать свои действия [1].

<sup>11</sup> Подберёзкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО-Университет, 2015.



Рис. 1. Модель гипотезы информационно-когнитивного варианта сценария международной обстановки «Глобальное военно-силовое противостояние западной локальной цивилизации» с 2021 до 2025 г.

В эти же годы США смогут использовать либо даже дезинтегрировать те союзы, организации и договорённости, которые могут препятствовать этой цели (ТПП\*, ТАП\*\*, ЮНЕСКО, ООН и пр.);

– до 2021 г. США и их союзники попытаются взять под свой контроль оставшиеся вне его страны и регионы (Иран, КНДР, Россия и др.) либо максимально дестабилизировать в них внутривнутриполитическую ситуацию, внести хаос и лишить их способности к самостоятельной внешней политике;

– по отношению к ЛЧЦ и новым центрам силы будет продемонстрирована максимальная способность и готовность применения силовых

(прежде всего невоенных – информационных и иных) средств и мер, чтобы принудить их следовать курсу западной коалиции [12];

– по отношению к России, как наиболее актуальному противнику, будет полностью завершена подготовка перехода от силовой политики к военной политике: создана соответствующая военно-техническая база, подготовлены «облачные противники» и союзники, дестабилизирована внутривнутриполитическая ситуация (в том числе с помощью санкций) и т. д. [13].

Главное при анализе этих вариантов – попытка определения объективными средствами степени их

<sup>12</sup> Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии / А. И. Подберёзкин [и др.]. М.: Международные отношения, 2017.

<sup>13</sup> Подберёзкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015.

\* ТАП – Трансатлантическое партнёрство (Transatlantic Trade and Investment Partnership).

\*\* ТПП – Транстихоокеанское партнёрство (Trans-Pacific Partnership).

вероятности. Следует понимать, что такой сценарий развития ВПО и отношений с Россией до 2021 г. и дальше предполагает возможность реализации по нескольким направлениям.

С точки зрения использования военных инструментов насилия среди всего набора силовых инструментов американской внешней политики это означает, что вероятность реализации того или иного варианта этого сценария будет зависеть от многих факторов и тенденций, в том числе и выходящих за пределы стратегического планирования США. Однако роль собственно правящей элиты США в принятии решения об использовании военной силы нельзя недооценивать. Поэтому можно предположить с высокой степенью вероятности, что наименее вероятный – «оптимистический» вариант сценария – самый «мягкий» вариант военно-политических отношений, который предполагает, что и после 2021 г. силовое противоборство не будет формально и массово переходить границ и превращаться в прямое и открытое вооружённое противостояние. Иными словами, этот вариант допускает продолжение противоборства на уровне 2014–2018 гг.

Этот вариант допускает, что США, как и прежде, могут использовать военные и вооружённые инструменты политики в отношении России в ограниченных масштабах и не формально, не публично, сохраняя политические и дипломатические отношения на официальном низком уровне.

В «переходный период» наиболее вероятен «реалистический» вариант сценария, когда военно-силовое противоборство с Россией получит дальнейшее развитие даже по сравнению с 2018 г. (что уже находит своё подтверждение в начале 2019 г.), и не только в области санкционной политики, но и прямого вооружённого противостояния в отдельных регионах, а именно:

– *во-первых*, будет сопровождаться активными действиями экстремистских, террористических и иных организаций при поддержке западных сил специальных операций на различных ТВД (прежде всего юго-западном (украинском), кавказском, среднеазиатском);

– *во-вторых*, когда силовое противоборство перерастёт в противостояние на новых ТВД (в киберпространстве, космосе, социальных сетях и пр.);

– *в-третьих*, «пессимистический» вариант, когда силовое противоборство превратится в масштабное военное противоборство на разных ТВД и на разных уровнях военного конфликта либо войны, вполне допустимо, хотя военно-политические риски его реализации и крайне опасные последствия будут заставлять относиться к нему с осторожностью [14].

Во многом решающее значение при выборе того или иного варианта из этого сценария будет иметь политика правящей элиты США, которая в 2016–2019 гг. продемонстрировала свою крайнюю агрессивность. Но не только от неё будет зависеть реализация того или иного

<sup>14</sup> Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018.

варианта этого сценария. Это будет зависеть от самых различных внешних факторов, причём не только политических или военных, но и социальных, технологических, информационно-когнитивных и пр., формирующих ВПО. В этом смысле полезно ещё раз вернуться к структуре современной МО и ВПО, проанализировав все основные факторы и тенденции, влияющие на их формирование. В особенности те из них, которые прямо не зависят от правящих кругов США.

**П**рименительно к возможным решениям правящей элиты США необходимо помнить, что, учитывая высокую степень риска применения вооружённого насилия, военные средства и способы (в особенности массового поражения) будут использованы в следующих условиях:

- при высокой степени гарантии сохранения контроля над эскалацией силового противоборства, когда ситуация не должна выходить из-под политического контроля, т. е. всегда должен присутствовать момент и возможность «сделать шаг назад» в эскалации. Иными словами, в правящей элите США всегда будет присутствовать опасение «автоматической» эскалации военного конфликта и его самостоятельного повышения на новые уровни. Это объясняет, например, крайнюю озабоченность сохранением собственных систем боевого управления, связи и разведки и стремлением в первую очередь уничтожить аналогичные системы вероятного про-

тивника, нанести «обезглавливающий» удар;

- когда приоритет сознательно отдаётся силовым, но не военным инструментам политики (даже при условности их деления, например, в области киберопераций), когда результат может быть достигнут без массового применения ВС;

- когда используются в качестве «облачных противников» неформальные акторы либо союзники по коалиции, а не собственные ВС.

Известно, что при самом лучшем стратегическом планировании остаётся до конца недооценённое влияние двух групп факторов [14]:

- *во-первых*, объективных факторов и тенденций;

- *во-вторых*, субъективных, личностных факторов, связанных с психическими и иными способностями лиц, принимающих решения. Так, среди объективных факторов наиболее влиятельным является технологический фактор. Например, как считает *PW*, среди объективных факторов могут быть следующие пять основных, которые неизбежно окажут влияние на развитие политики отдельных ЛЧЦ, центров силы, их коалиций и отдельных государств:

- развитие технологий;
- демографические изменения;
- сдвиги в расстановке экономических сил;
- изменения в области климата и ресурсов;
- ускоряющиеся процессы урбанизации (рис. 2) [15].

Не ясно влияние экологического фактора на развитие ВПО, хотя пред-

<sup>15</sup> Tech breakthroughs megatrend: how to prepare for its impact / Tech breakthroughs megatrend.pdf // URL: [www.pwc.com/gx/en/issues/technology/tech-breakthroughs-megatrend.html](http://www.pwc.com/gx/en/issues/technology/tech-breakthroughs-megatrend.html). P. 1 // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?>

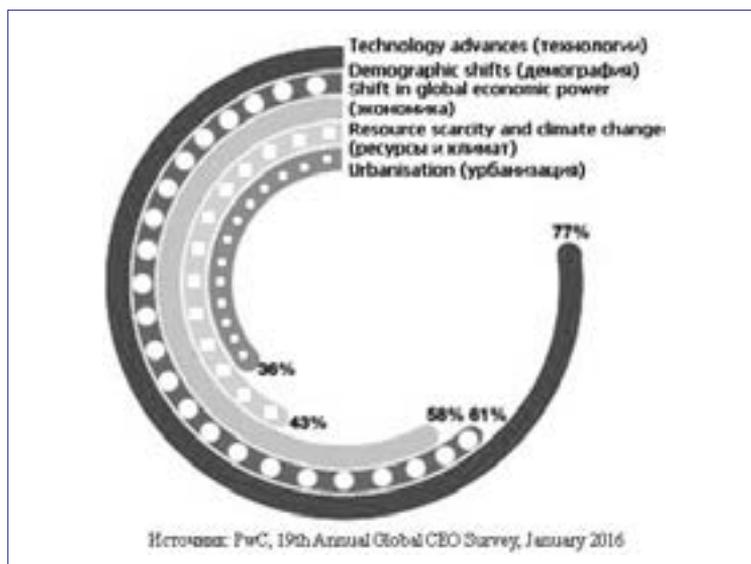


Рис. 2. Пять наиболее важных трендов, которые будут влиять в мире

положений, в том числе футуристических, множество. Очевидно также, что появление технологий гиперзвука и беспилотных летательных аппаратов откровенно провоцирует государства на ведение военных действий. Не менее провокационны и изменения в соотношении экономической мощи, которые ведут к радикализации не только экономических, но и торговых и политических отношений: «торговые войны» Д. Трампа в 2018 г. с КНР и другими странами прямо провоцируют обострение политических отношений в мире.

Но важны также и субъективные, в особенности информационные и когнитивные особенности подготовки и принятия политических решений.

Так, если речь идёт об информационных технологиях и социальных сетях, то яркие примеры – попытки обвинить Россию во влиянии на выборы

в США и Германии, в поддержке радикальных групп и прочие действия в киберпространстве, что стало фоном всей внешней политики США и Запада в 2016–2019 гг.

Следует особо отметить, что во всех возможных вариантах предложенного сценария отношений западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ усиливается силовой (в особенности информационный и кибернетический) и военно-прикладной компоненты, доля которых среди других средств взаимодействия неуклонно растёт. Это хорошо видно даже на краткосрочной динамике отношений США с Россией и Китаем в 2018 г. Достаточно привести примеры с регулярными попытками США обвинить российских и китайских хакеров во «взламывании» информационных ресурсов, публикации «специальных» докладов и других информационных действиях.

**И**нформатизация экономики и политической жизни привела к тому, что именно эта тенденция стала отражать прежде всего общую направленность развития МО и ВПО в мире, которую можно коротко охарактеризовать как «эскалацию» информационной политики «силового принуждения» США [16]. Эта силовая политика постепенно легализовалась в политике «новой публичной дипломатии», где собственно политико-дипломатические меры зачастую заменяются информационно-силовыми и даже информационно-военными.

Информационно-силовая политика изменила и свой пространственный охват. В последние два десятилетия отмечается резкий всплеск военных конфликтов низкой и средней интенсивности, которые несут в себе не только потенциальную угрозу перерастания в крупные, глобальные конфликты. Примечательно, что все без исключения международные конфликты и войны последних лет имели перед своим началом фазу «информационных войн».

Особенно заметным это стало перед бомбардировкой Югославии, когда США и НАТО создали специальный комитет по информационной подготовке к войне. В дальнейшем эта практика стала принципом действий западной военно-политической коалиции, выделяя следующие подготовительные этапы, которые отчётливо прослеживаются во всех конфликтах США:

- этап критики существующего правящего режима в стране;
- этап поддержки недовольных;
- этап официальной информационно-пропагандистской поддержки;
- этап информационно-политической поддержки (включая международные организации);
- этап военно-информационных действий.

Всё это хорошо видно на примере политики США по отношению к Венесуэле и её законному правительству, когда самый последний этап начался с провокаций на границе и нарушения работы электрических сетей.

Эта внешнеполитическая практика США, естественно, отразилась на общем состоянии в мире, когда ВПО стала характеризоваться наличием большого числа постоянно существующих и новых конфликтов и войн.

Так, в докладе «Глобальный барометр 2012» подтверждаются следующие тенденции, из которых видно, что конфликты «низкой» и «средней» интенсивности существенно увеличились в последние годы (рис. 3) [17].

Увеличение численности, интенсивности и длительности конфликтов резко возросло после 1990 г., когда, многим казалось, что закончилась холодная война, исчезли идеологические противоречия и мир превратился в «однополярную» структуру, которую полностью контролировали США.

Умиротворения и всеобщего благоденствия, как и отказа от полити-

<sup>16</sup> Подберёзкин А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017.

<sup>17</sup> Conflict Barometer. 2012. Heidelberg Institute for International Conflict, 2013. P. 2.

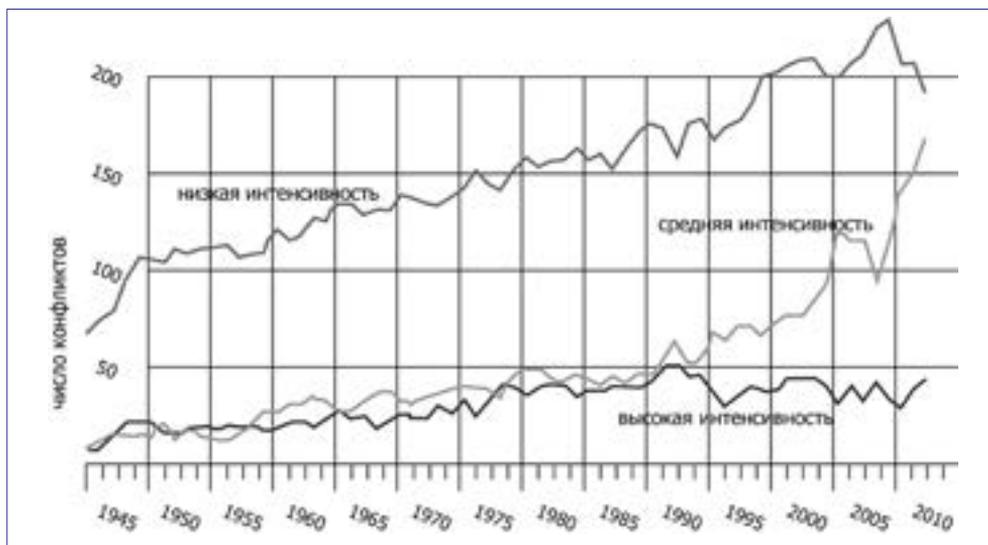


Рис. 3. Глобальные конфликты низкой, средней и высокой интенсивности с 1945 г. по 2012 год

ки силы, не произошло. Произошло обратное: господство США усилило напряжённость и интенсивность применения военной силы. Более того, перенесло эту напряжённость из области идеологии в область межкультурных отношений, о которых ещё З. Бжезинский говорил как о более конфликтных и бескомпромиссных. По сути дела, современная политика в мире, но особенно в Евразии, больше цивилизационно-ценностное мировое противоборство, всё более приобретающее уже не только силовые, но и вооружённые черты, а не простое соперничество государств, о котором в своё время говорили достаточно много [18].

Неслучайно и то, что число конфликтов высокой интенсивности

«растёт медленнее», чем другие конфликты. Военные и экономические риски становятся в XXI в. слишком высокими, а их эффективность – сомнительна. Поэтому предпочтение отдаётся «гибридным» войнам – прежде всего сетевым и сетевым, *проху*, война, когда собственно агрессор скрывается за спиной управляемых им субъектов МО – как государств, так и негосударственных акторов. Кроме того, относительное равновесие военных сил в мире, сложившееся ещё в XX в., оказывало сдерживающее влияние на политику США. Последние войны в Ираке, Афганистане, Сирии, Йемене 2012–2018 гг. ясно показывают, что эффективность выше, когда воюют «союзники» западной коалиции. Именно такой подход характерен

<sup>18</sup> Подберёзкин А. И., Боршшполец К. П., Подберёзкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 22.

и для развития конфликта на Украине в 2014–2018 гг. Если бы, допустим, в него прямо вмешались вооружённые силы США и НАТО, то они

получили бы решительный отпор внутри самой Украины, а русофобская политика превратилась бы в антиамериканскую.

Итак, изменение направления в развитии сценариев или их вариантов МО имеет для эволюции ВПО и планов военного строительства в России до 2021 г. очень важное, даже приоритетное значение, ибо отражает коренные изменения не только в фундаментальном характере МО и ВПО, но и в военной организации, военном планировании и военном строительстве. Такие изменения можно отчасти предусмотреть и даже запланировать, если внимательно анализировать эволюцию развития международной обстановки, а также пытаться прогнозировать её последствия.

Неслучайно, что ещё в феврале 2015 г. Б. Обама, презентуя конгрессу США новый вариант Стратегии национальной безопасности, подчеркнул смещение акцентов в военной политике страны с сухопутных крупных операций на другие формы использования военной силы: неудачи в военной области потребовали корректив во внешнеполитической стратегии. Это пример того, как не только изменения в МО воздействуют на ВПО, но и наоборот – изменения в ВПО и даже конкретной стратегической обстановки влияют на международную обстановку в глобальном масштабе. Д. Трамп потребовалось время, чтобы избавиться от этого «синдрома Б. Обамы» в отношении военной силы.

Вот почему необходимо тщательно следить за развитием других возможных сценариев развития МО и вытекающих из них вариантов ВПО, которые неожиданно могут превратиться в наиболее вероятный сценарий, конкретизированный применительно к отдельной стране. То, что он пока что остаётся гипотетическим, не должно вводить в заблуждение: смена технологических парадигм, особенно в области информатики и связи, может неожиданно, вдруг, привести к появлению нового варианта или даже сценария развития ВПО.

Как показывает история, нельзя совершенно точно прогнозировать развитие отношений между государствами с совпадающими стратегическими интересами и близкими социально-политическими системами. Так, Китай, помогавший Северному Вьетнаму в войне с США, уже через несколько лет напал на своего союзника, развернув полномасштабную войсковую операцию, а бывшие страны Социалистического содружества перешли из категории «союзники» в категорию «противники». Необходимо помнить, что политические намерения меняются значительно быстрее, чем интересы, а тем более «потенциалы».

## Библиография • References

Бершидский Л. В мировой торговле оружием Трамп одерживает победу, Путин проигрывает // Блумберг. 2019. 13 марта.

- [*Bershidskij L. V mirovoj trgovle oruzhjem Tramp oderzhivaet pobedu, Putin proigryvaet // Blumberg. 2019. 13 marta*]
- Выступление начальника Генерального штаба ВС России В. Герасимова 2 марта 2019 г. в Академии Генерального штаба ВС РФ // ИТАР-ТАСС. 2019. 2 марта.
- [*Vystuplenie nachal'nika General'nogo shtaba VS Rossii V. Gerasimova 2 marta 2019 g. v Akademii General'nogo shtaba VS RF // ИТАР-ТАСС. 2019. 2 marta*]
- Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии / А. И. Подберёзкин [и др.]. М.: Международные отношения, 2017. – 357 с.
- [*Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiya otnoshenij mezhdur lokal'nymi civilizacijami v Evrazii / A. I. Podberyozkin [i dr.]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017. – 357 s.*]
- Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: ЛКИ, 2010. – 344 с.
- [*Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiya / otv. red. A. V. Korotaev, YU. V. Zin'kina. M.: LKI, 2010. – 344 s.*]
- Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А. И. Подберёзкин, М. В. Александров, О. Е. Родионов [и др.]; под ред. М. В. Александрова, О. Е. Родионова. МГИМО(У) МИД Российской Федерации, Центр военно-политических исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.
- [*Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki po stranam i regionam: monografiya / A. I. Podberyozkin, M. V. Aleksandrov, O. E. Rodionov [i dr.]; pod red. M. V. Aleksandrova, O. E. Rodionova. MGIMO(U) MID Rossijskoj Federacii, Centr voenno-politicheskikh issledovanij. M.: MGIMO-Universitet, 2018. – 768 s.*]
- Подберёзкин А. И., Борিশполец К. П., Подберёзкина О. А.* Евразия и Россия. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 517 с.
- [*Podberyozkin A. I., Borishpolec K. P., Podberyozkina O. A. Evraziya i Rossiya. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 517 s.*]
- Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО-Университет, 2015. – 325 с.
- [*Podberyozkin A. I. Veroyatnyj scenarij razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki posle 2021 goda. M.: MGIMO-Universitet, 2015. – 325 s.*]
- Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 36–53.
- [*Podberyozkin A. I. Vzaimodejstvie oficial'noj i publichnoj diplomatii v protivodejstvii ugrozam Rossii // Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika / pod red. M. M. Lebedevoj. M.: Aspekt Press, 2017. S. 36–53*]
- Подберёзкин А. И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018. – 1596 с.
- [*Podberyozkin A. I. Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v XXI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. – 1596 s.*]
- Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. – 169 с.
- [*Podberyozkin A. I. Tret'ya mirovaya vojna protiv Rossii: vvedenie k issledovaniyu. M.: MGIMO-Universitet, 2015. – 169 s.*]
- Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университет. 2018. Т. 43. № 6. С. 141–158.

- [Podberyožkin A. I., Zhukov A. V. Oborona Rossii i strategicheskoe sderzhivanie sredstv i sposobov strategicheskogo napadeniya veroyatnogo protivnika // Vestnik MGIMO-Universitet. 2018. T. 43. № 6. S. 141–158]
- Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель–Observer. 2018. № 4. С. 22–34.
- [Podberyožkin A. I., Zhukov A. V. Strategiya «silovogo prinuzhdeniya» v usloviyah sohraneniya stagnacii v Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 4. S. 22–34]
- Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель–Observer. 2018. № 11. С. 6–26.
- [Podberyožkin A. I., Podberyožkina O. A. Politika sankcij kak chast' politiki «silovogo prinuzhdeniya» // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 11. S. 6–26]
- Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2017. – 824 с.
- [Shaposhnikov B. M. Mozg armii. M.: Obshchestvo sohraneniya literaturnogo naslediya, 2017. – 824 s.]
- Шойгу о 30-кратном росте числа высокоточных крылатых ракет // URL: [https://www.rbc.ru/politics/11/03/2019/5c8630839a79474155eae6eb?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop](https://www.rbc.ru/politics/11/03/2019/5c8630839a79474155eae6eb?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop)
- [Shojgu o 30-kratnom roste chisla vysokotochnyh krylyatyh raket // URL: [https://www.rbc.ru/politics/11/03/2019/5c8630839a79474155eae6eb?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop](https://www.rbc.ru/politics/11/03/2019/5c8630839a79474155eae6eb?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop)]
- Conflict Barometer. 2012. Heidelberg Institute for International Conflict, 2013.
- Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Washington, January 18.
- Tech breakthroughs megatrend: how to prepare for its impact / Tech breakthroughs megatrend.pdf // URL: [www.pwc.com/gx/en/issues/technology/tech-breakthroughs-megatrend.html](http://www.pwc.com/gx/en/issues/technology/tech-breakthroughs-megatrend.html). P. 1 // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?>

Статья поступила в редакцию 13 марта 2019 г.

# Сирийский конфликт – эпицентр нестабильности в регионе

**Станислав ИВАНОВ**

**Б**лижний Восток продолжает оставаться одним из наиболее нестабильных и взрывоопасных регионов на планете. Нерешённость палестинской проблемы и, как следствие, сохраняющаяся десятки лет напряжённость и враждебность в отношениях Израиля с арабским и мусульманским миром, гражданские войны и вооружённые конфликты в ряде арабских стран, активизация деятельности террористических группировок радикальных исламистов в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии, Ливане, других странах региона – всё это подрывает устои региональной и международной безопасности.

В последние годы власти ряда стран региона, оппозиция и внешние силы пытаются разжечь противоречия между мусульманскими общинами суннитов и шиитов, а также использовать в своих интересах нерешённость курдской проблемы.

Все эти процессы сопровождаются гонкой вооружений и милитаризацией ведущих стран региона, наращиванием группировок ВС США и других стран НАТО в акваториях Средиземного моря и Персидского залива. Нельзя забывать и о том, что Государство Израиль обладает ядерным оружием и триадой средств его доставки к целям, что может привести к региональному конфликту с применением ядерных боеприпасов.

---

**ИВАНОВ Станислав Михайлович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН. *E-mail*: s.ivanov@imemo.ru

**Ключевые слова:** Сирия, Ближний Восток, радикальный ислам, джихадисты, Иран, США, курды.

## «Арабская весна» – причина региональной нестабильности

Главным очагом нестабильности на Ближнем Востоке остаётся затяжной по времени и масштабный по количеству внешних участников сирийский конфликт. Возникший в период событий так называемой «арабской весны» 2011 г. [1], он привёл к ослаблению государственности Сирийской Арабской Республики (САР) и сопровождался массовыми жертвами и разрушениями экономики, инфраструктуры, жизненно важных объектов и жилого фонда.

По данным ООН, погибло свыше 500 тыс. сирийцев [2], около 2 млн стали инвалидами.

Побочными явлениями гражданской войны можно считать потоки мигрантов, беженцев и всплеск террористической активности, которые распространяются по всему миру и представляют собой всё большую угрозу международной безопасности.

Сегодня примерно треть довоенного населения Сирии (7–8 млн чел.) проживает в лагерях беженцев в Турции, Ливане, Ираке, Иордании, странах Евросоюза, несколько миллионов сирийцев считаются внутренне перемещёнными лицами [3].

В той или иной степени в трагические события в Сирии оказались вовлечены региональные центры силы и соседние страны (Иран, Тур-

ция, Саудовская Аравия, Иордания, Ирак, Ливан, Катар, Израиль), а также внешние игроки (Россия, США, Франция, Великобритания, ФРГ и др.).

Несмотря на победные реляции Дамаска и его союзников по поводу разгрома террористов и оппозиции в Сирии и переходу к восстановлению сирийского государства довоенного образца, реальных предпосылок к окончательному преодолению сирийского кризиса пока не просматривается. Безусловно, военное поражение наиболее крупной группировки джихадистов «Исламское государство» и освобождение столицы «Исламского халифата»\* г. Ракки стали важными этапами в общей борьбе с силами международного терроризма, но это не привело к прекращению политического и вооружённого противостояния в стране. Пробуксовывают пока и переговоры в Женеве и Астане по вопросам будущей конституции, формированию коалиционного правительства и организации всеобщих демократических выборов.

Коренные причины и истоки сирийской трагедии так и не были устранены, вовлечённые в конфликт внутренние и внешние силы сохраняют противоположные взгляды и подходы к путям и способам выхода из кризиса и модели построе-

<sup>1</sup> Печуров С.Л. Арабский Восток: от «весны» к хаосу? М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 115.

<sup>2</sup> <https://ria.ru/20170830/1501427522.html>

<sup>3</sup> <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201810191043-11zf.htm>

\* Деятельность данных и других террористических организаций, указанных в тексте, законодательно запрещена на территории Российской Федерации.



базах США дислоцируются армейская авиация и войска специального назначения [6].

Чтобы успокоить американскую общественность и региональных союзников, Пентагон подчёркивает, что вывод американских войск из Сирии планируется осуществить в течение нескольких месяцев в прилегающие к ней районы сопредельного Ирака. При этом армейская авиация, спецназ, группировки ВМС и ВВС США в Средиземном море и Персидском заливе будут находиться в постоянной готовности, чтобы при необходимости поддержать своих союзников в Сирии.

Вашингтон также ведёт интенсивные переговоры с Анкарой, Эр-Риядом, Лондоном, Парижем и другими своими союзниками, чтобы с их помощью сохранить в Сирии достигнутый на начало 2019 г. статус-кво.

Что касается победных реляций Трампа о победе над «Исламским государством», то они выглядят весьма спорными, так как разгром наиболее крупных группировок радикальных исламистов типа ИГИЛ, «Джабга ан-Нусра» и им подобных не может гарантировать, что через

некоторое время они не возродятся вновь, как птица феникс из пепла. Ведь корни и причины появления этого террористического монстра так и не были устранены. Уцелевшие главари и боевики «Исламского халифата» рассеялись в отдалённых районах Сирии и Ирака, других арабских странах. Часть из них вернулась в Европу и страны СНГ и пытается продолжить свою террористическую и вербовочную деятельность в подполье. По всему миру как грибы растут всё новые террористические группировки радикально настроенных исламистов.

Так, например, созданная в 80-х годах прошлого столетия не без помощи монархий Персидского залива и спецслужб США «Аль-Каида» продолжает уже десятки лет совершать всё новые теракты по всему миру.

Сомалийская «Аш-Шабаб», нигерийская «Бoko харам» и десятки других подобных организаций тоже дестабилизируют обстановку в отдельных странах и регионах.

По данным авторитетного справочного издания СИПРИ, «34% всех исламистских вооружённых конфликтов были зарегистрированы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки... В Сирии число жертв боевых действий превысило соответствующий показатель по всем конфликтам с участием исламистов» [7].

## Особенности борьбы с террористическими группировками радикальных исламистов

Практика показала, что эффективную борьбу с радикальными исламистскими группировками вести лишь военным путём явно недоста-

точно. Необходимы скоординированные политические, дипломатические, информационные, финансово-экономические и другие меры

<sup>6</sup> <https://news.mail.ru/incident/36168786/?frommail=1>

<sup>7</sup> Нильссон Д., Свенссон И. Сопоставление вооружённых конфликтов и исламистских требований // Ежегодник СИПРИ 2017. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 61–69.

заинтересованных стран и всего мирового сообщества на этом направлении. Крупные террористические группировки возникают в основном в условиях ослабления государственности отдельных стран и в зонах региональных конфликтов. У них, как правило, есть спонсоры и покровители во власти ряда стран региона, среди оппозиции, неправительственных организаций и различных исламистских фондов.

На Ближнем Востоке появление всё новых террористических структур провоцирует и активное вмешательство внешних сил во внутренние дела арабских стран (Ливия, Йемен, Сирия, Ирак, Бахрейн), нерешённость палестинской и курдской проблемы, сохраняющуюся враждебность в отношениях между Израилем, Турцией, монархиями Персидского залива и в целом мусульманским суннитским миром, с одной стороны, и шиитским Ираном – с другой.

Особенно опасно прямое вооружённое столкновение между Израилем и Ираном в Сирии. В последнее время ирано-израильское противостояние приобретает всё более «горячие» черты, переходя в прокси-войну на территории Сирии.

Руководство Израиля категорически выступает против присутствия иранских спецподразделений в Сирии, проиранских боевых группировок «Хезболлы», а также их сателлитов – шиитских вооружённых формирований афганцев, пакистанцев, иракцев, йеменцев, палестинцев. При этом для Израиля «красная черта» – это их сосредоточение вблизи израильских границ. В течение по-

следних лет Израиль нанёс около 200 ракетно-авиационных ударов по иранским и проиранским объектам на территории Сирии [8]. В основном эти удары наносятся по транспортам и складам с оружием и боеприпасами Корпусом Стражей Исламской революции (КСИР) Ирана и ливанской «Хезболлы», что сопровождается разрушением военных объектов САР и человеческими жертвами.

Иностранные государства, включая США, нанеся военное поражение ИГИЛ, так и не смогли устранить корни и причины его появления на свет как разновидности идеологии политизированного ислама. Во дворцах правителей, среди оппозиции и в умах мусульман суннитский джихадизм и шиитский шахидизм продолжают оставаться эффективным оружием в борьбе за свои интересы, власть, территории и ресурсы. Оказавшиеся под влиянием религиозных экстремистов мусульмане готовы не только убивать, но и умирать за внушённые им ложные идеалы. Под знаменем войны с «неверными» сотни тысяч мусульман в Сирии и по всему миру пополняют ряды террористических группировок. Этому способствует и так называемый ренессанс ислама на планете как одной из наиболее молодых мировых религий.

Борьбу с силами международного терроризма в Сирии и регионе затрудняют также двойные стандарты участников этой борьбы.

Так, Эрдоган считает террористами в Сирии Б. Асада и курдских ополченцев, Асад называет вторжение турецких войск на север страны актом государственного терроризма;

<sup>8</sup> <https://interaffairs.ru/news/show/21573>

Иран называет террористом в регионе Государство Израиль; Иерусалим и Вашингтон, в свою очередь, относятся к террористам КСИР Ирана, ливанскую «Хезболлу», «Хамас».

Иногда ярлык террористов навешивается властями на оппозицию, чтобы применить армию и тяжёлые виды оружия для подавления протестных акций и восстаний.

Для окончательной победы над ИГИЛ и ему подобными группировками, как представляется, целесообразно не только восстановить государственность Сирии и других распадающихся стран, но и разрешить мирным путём затяжные конфликты на Ближнем Востоке и в дру-

гих регионах мира. Очевидно, что настало время активизировать работу миротворческих инструментов ООН, поскольку при всех недостатках этой авторитетной международной организации других форматов по коллективному миротворчеству пока в мире не создано.

Если бы Вашингтон действительно проявил заинтересованность в выводе своих войск из Сирии и одновременно предложил провести миротворческую или гуманитарную операцию в этой стране в рамках полномочий Совета Безопасности ООН, то думается, что Россия и другие страны могли бы поддержать такое предложение.

## Роль региональных и внешних сил в сирийском конфликте

Правительство Б. Асада опирается в основном на всестороннюю помощь Исламской Республики Иран. Тегеран не только выделяет ежегодно из своего госбюджета от 8 до 10 млрд долл. Дамаску на содержание семьи Асада, госаппарата и силовых структур, но и поставляет ему безвозмездно оружие и боеприпасы. В последние годы иранское руководство мобилизовало около 80 тыс. боевиков-шиитов для непосредственной военной поддержки сирийской правительственной армии (подразделения «Аль-Кудс» КСИР, ливанская «Хезболла», иракские бригады «Хашд аш-Шааби», отряды афганцев, пакистанцев, йеменцев, палестинцев). Власти Ирака предоставляют свою территорию для транзита военных грузов из Ирана в Сирию, а также не возражают против участия иракских шиитских милицейских фор-

мирований в боях с оппозицией на стороне Б. Асада.

Сирийскую вооружённую оппозицию и радикальные исламистские группировки суннитского толка продолжают поддерживать Турция, Иордания, Саудовская Аравия, ряд других арабских стран. Лига арабских государств (ЛАГ) исключила САР из своего состава и предложила занять это место представителям сирийской оппозиции. Также ЛАГ признала террористической организацией ливанскую военно-политическую группировку «Хезболла», которая остаётся одним из основных военных элементов в структуре сирийских правительственных войск.

Участие России в сирийском конфликте сводится в основном к борьбе с крупными террористическими группировками и мирным инициативам:

- достижению соглашений Дамаска с оппозицией о прекращении огня;

- созданию зон деэскалации и условий для переговорного процесса в так называемом астанинском формате;

- разминированию населённых пунктов и решению гуманитарных вопросов.

23 февраля 2016 г. на авиабазе ВКС России Хмеймим в Сирии был создан Центр по примирению враждующих сторон и контролю за перемещением беженцев [9].

К сожалению, усилия России, ООН и других посредников на межсирийских переговорах в Женеве, Астане и Сочи по выработке «дорожной карты» мирного урегулирования сирийского конфликта до последнего времени значительного успеха не имели. Стороны по-прежнему избегают прямых контактов и ограничиваются передачей своих мнений и предложений через посредников. Больше года не удаётся согласовать списки членов будущего конституционного комитета, который бы мог обсудить проект нового Основного закона страны или внести коррективы в действующую конституцию и на этой основе приступить к подготовке всеобщих парламентских или президентских выборов.

Негативно влияли на попытки России найти консенсус между Асадом и оппозицией по разрешению сирийского конфликта и другие посредники – Анкара и Тегеран. Власти Турции и Ирана хотели бы иметь в Дамаске соответственно

протурецкое или проиранское правительство.

Итак, Д. Трамп официально заявил, что американские войска будут выведены из Сирии. С возможным уходом американских военных из Сирии ситуация на северо-востоке страны может кардинально измениться. Вряд ли немногочисленный контингент военнослужащих Франции, Великобритании и ряда других европейских стран, которые выполняют больше функции советников и военных специалистов, будет в состоянии заменить армейскую авиацию и спецназ США.

Сирийские курды оказались перед дилеммой: готовиться ли к отражению своими силами очередной военной агрессии Турции, или попытаться вступить в союз с Дамаском? Пока намечается второй вариант. Курды не принимали участия в гражданской войне в Сирии, не являлись сепаратистами и не требовали своего отделения от Сирии. Они лишь выступают за равные с арабами права и свободы в будущем сирийском государстве. Несмотря на игнорирование их интересов Дамаском, курды заявляют о своей готовности к диалогу с центральными властями. Их лидеров вполне бы устроил статус по типу Иракского Курдистана как субъекта федерации или даже автономного района [10].

Насколько далеко зайдёт Эрдоган в своих дальнейших провокациях на севере Сирии, покажет время. Но пока он с маниакальной настойчивостью добивается создания в приграничных районах Сирии так

<sup>9</sup> [https://syria.mil.ru/syria/refugee\\_center/more.htm?id=12214748@egNews](https://syria.mil.ru/syria/refugee_center/more.htm?id=12214748@egNews)

<sup>10</sup> <http://riataza.com/2018/12/30/chtto-skrivaetsya-za-lozungom-o-edinoy-i-nedelimoy-sirii/>

называемой буферной зоны глубиной до 35 км. Вряд ли Вашингтон полностью откажется от своей поддержки курдских ополченцев и их арабских союзников на сирийской территории. Очевидно, что какие-то договорённости на этот счёт между Вашингтоном и Анкарой уже достигнуты или состоятся несколько позже. Администрация Трампа контролирует ситуацию и корректирует сроки вывода американских вооружённых сил из Сирии в сторону их увеличения. Сообщается также, что выводимые подразделения будут размещены в соседнем Ираке вблизи сирийской границы [11].

По оценкам экспертов, состояние «ни войны, ни мира» в Сирии и наличие неподконтрольных Дамаску протурецкого и курдского анклавов может растянуться на неопределённое время, поскольку и Анкара, и Тегеран намерены и дальше вести непримиримую борьбу за влияние, власть, территории и ресурсы Сирии. Заинтересованные в разрешении сирийского кризиса другие государства (США, Россия, Франция, Великобритания, ФРГ, Израиль, Иордания, Ирак, Ливан, монархии Персидского залива) тоже пока не могут достичь консенсуса в отношении будущего сирийского государства. Большая часть западных и арабских государств по-прежнему не признаёт легитимность правительства Б. Асада, а некоторые из них присоединились к принятым Вашингтоном ограничительным санкциям в отношении Дамаска и Тегерана.

Более того, администрация президента Д. Трампа прилагает значительные усилия по ослаблению возможностей Ирана оказывать финансовую, военную и другую помощь Дамаску и шиитским общинам региона.

Власти США восстановили санкции [12] в отношении Ирана в связи с выходом американской стороны из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Д. Трамп требует включить в соглашение с Ираном пункт об ограничении программы создания иранских баллистических ракет, которая в настоящее время находится за рамками СВПД. Кроме того, он считает, что нынешние договорённости игнорируют тот факт, что иранское руководство поддерживает террористов и повстанцев на Ближнем Востоке. Ранее Министерство финансов США ввело финансовые санкции против Корпуса Стражей Исламской революции, который Трамп назвал «террористическим, коррумпированным личным подразделением иранского лидера» [13]. Позже президент США официально объявил о включении КСИР Ирана в список террористических организаций со всеми вытекающими последствиями. Вашингтон также активизировал усилия и по сколачиванию различных антииранских блоков и коалиций в регионе типа арабского «мини-НАТО» в составе монархий Персидского залива и Иордании. Параллельно США усиливают военный потенциал Израиля и Турции, наращивают группировки ОВС НАТО в регионе.

<sup>11</sup> [http://nvo.ng.ru/wars/2019-02-08/3\\_1033\\_syria.html](http://nvo.ng.ru/wars/2019-02-08/3_1033_syria.html)

<sup>12</sup> <https://ria.ru/20181102/1532041622.html>

<sup>13</sup> <https://www.meydan.tv/ru/site/opinion/29180/>

Таким образом, сирийский конфликт продолжает оставаться одним из основных факторов, дестабилизирующих общую ситуацию на Ближнем Востоке. В какой-то мере страна стала заложником регионального противостояния Ирана с Израилем, Турцией и арабо-суннитскими государствами во главе с Эр-Риядом. Агрессивная политика Вашингтона по изоляции Тегерана на международной арене и усилению давления на него не способствует поиску компромиссов между региональными и внешними силами для нормализации ситуации как в Сирии, так и регионе в целом.

В складывающихся условиях скорое примирение в Сирии между основными противоборствующими внутренними силами в лице арабо-алавитского правящего клана и оппозиционными ему группировками арабо-суннитского большинства выглядит весьма проблематичным. Отстранение от участия в обсуждении будущей конституции и государственного устройства страны политически активного курдского населения тоже контрпродуктивно. Но альтернативы продолжению переговоров между участниками внутрисирийского конфликта, лидерами курдов и представителями всех заинтересованных государств нет. Только за столом переговоров можно было бы ослабить сохраняющуюся напряжённость в стране, создать условия для восстановления единого сирийского государства и возвращения миллионов беженцев.

После принятия новой конституции, проведения всеобщих выборов и формирования коалиционного правительства объединённые вооружённые силы Сирии могли бы самостоятельно надёжно защищать границы страны от вторжения новых бандформирований радикальных исламистов-джихадистов.

С разгромом «Исламского халифата» вывод из Сирии всех иностранных военных контингентов становится всё более актуальным, поскольку всё очевиднее различие в позициях и взглядах руководств Турции и Ирана на будущее государственное устройство Сирийской Арабской Республики. Преодолеть противоречия между региональными державами можно было бы за счёт расширения формата участников переговоров по Сирии или активизации Женевских переговоров под эгидой ООН. При необходимости и с согласия сторон сирийского конфликта можно было бы провести также миротворческую или гуманитарную операцию в Сирии с задействованием нейтральных государств под эгидой ООН.

## Библиография • References

Ежегодник СИПРИ 2017. М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 742 с.

[Ezhegodnik SIPRI 2017. M.: IMEMO RAN, 2018. – 742 s.]

Печуров С. Л. Арабский Восток: от «весны» к хаосу? М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 120 с.

[Pechurov S. L. Arabskij Vostok: ot «vesny» k haosu? M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2013. – 120 s.]

<https://interaffairs.ru/news/show/21573>

<https://news.mail.ru/incident/36168786/?frommail=1>

[https://nvo.ng.ru/wars/2019-02-08/3\\_1033\\_syria.html](https://nvo.ng.ru/wars/2019-02-08/3_1033_syria.html)  
<https://ria.ru/20170830/1501427522.html>  
<https://ria.ru/20181102/1532041622.html>  
<https://riataza.com/2018/12/30/chto-skryivaetsya-za-lozungom-o-edinoy-i-nedelimoy-sirii/>  
<https://rusvesna.su/news/1543684659>  
[https://syria.mil.ru/syria/refugee\\_center/more.htm?id=12214748@egNews](https://syria.mil.ru/syria/refugee_center/more.htm?id=12214748@egNews)  
<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5882534>  
<https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201810191043-11zf.htm>  
<https://www.meydan.tv/ru/site/opinion/29180/>

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2019 г.

***Уважаемые читатели!***

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель–*Observer*» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

# Франция и новые вызовы европейской интеграции

Людмила РОМАНОВА

## Евроармия – Perfect Continuous Tenses\*

Вопрос об обороне, создании вооружённых сил всплыл в повестке западноевропейских стран практически сразу после окончания Второй мировой войны. В этой кампании были как потерпевшие поражение от Третьего рейха, так и от антигитлеровской коалиции. Конечно, и победителей и побеждённых впечатлял мощный потенциал Советской армии, нацеленный на победу. И никто из них не считался с тем, что вся европейская часть страны лежит в развалинах, что СССР понёс огромные людские потери и рассчитывать на западную помощь, прежде всего по геополитическим и идеологическим соображениям, не собирался. А восточноевропейские страны-лимитрофы надо было

«кормить, поить и одевать», чтобы слишком рьяно не стремились в «европейский дом».

Первым документом, оформившим военно-политический союз в Западной Европе, был Брюссельский пакт, подписанный Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом (17 марта 1948 г.). Его инициатором была Великобритания, стремившаяся укрепить своё влияние в послевоенной Европе, а через неё и США.

Брюссельский пакт можно рассматривать, с одной стороны, как декларацию о намерениях, так как он не содержал каких-либо конкретных положений по своей реализации, а с другой – это была подготовка европейского общественного

---

**РОМАНОВА Людмила Андреевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: romanovala2011@bk.ru

**Ключевые слова:** Франция, НАТО евроармия, миграция, Ахенский договор, Э. Макрон, А. Меркель.

\* *Perfect Continuous Tenses* – глагольная форма английского языка выражает длительное действие, начавшееся до определённого момента в настоящем, прошедшем или будущем.

мнения к созданию Североатлантического блока и ответ на вопрос, согласны ли европейцы поступиться одной из важнейших составляющих национальной независимости – своей безопасностью. Оказалось, что согласны.

Вашингтонский договор 1949 г., оформивший создание Североатлантического альянса, поглотил участников и положения Брюссельского пакта, чётко прописав обязанности союзников. Но несмотря на это, вопрос о создании евроармии не был окончательно закрыт.

Существенные изменения во взглядах на европейскую оборону внесло Парижское соглашение (октябрь 1954 г.), на основании которого создавалась специальная структура – Западноевропейский союз (ЗЭС). При этом в европейской позиции произошли значительные изменения: к договору присоединились Западная Германия и Италия, об участии которых в военно-оборонной сфере Запада речь раньше не шла.

В годы жёсткого блокового противостояния деятельность ЗЭС полностью ушла в тень НАТО, и только после распада биполярной системы мира о Западноевропейском союзе как военной структуре снова вспомнили. Начиная с середины 90-х годов ЗЭС приступил к выполнению функций в сфере коллективной безопасности на основе Амстердамского договора (1997 г.), включая так называемые Петербургские задачи (миссии) (в частности, на Балканах), – гуманитарные, поисково-спасательные и миротворческие миссии, задачи кризисного регулирования, в том числе принуждение

к миру в интересах всего Евросоюза, а также охрана окружающей среды. Указанные задачи всеобъемлющие и как бы расплывчатые. Однако их чёткий регламент не позволял странам, входящим в ЗЭС, проявлять инициативу.

Как пишет проф. В. В. Штоль, «принятые решения не только заложили основу оперативной разработки общей европейской политики обороны, но и сформировали её идеологический фундамент, основу которого составило представление о неизбежности и полезности ограничения национальных суверенитетов (курс. – Авт.), необходимости контроля над ними со стороны глобальных “сетевых” институтов и западной ценностной экспансии, разрушающей цивилизационные идентичности» [1, с. 223].

Ещё в 1994 г. Брюссель принял решение о создании в рамках альянса Европейской составляющей безопасности и обороны. Появившийся механизм позволял НАТО поддерживать военные операции, проводимые ЗЭС, в частности, предоставлять в его распоряжение натовские силы и средства. В дальнейшем сотрудничество двух военных организаций только усиливалось при безоговорочном лидерстве Североатлантического блока. Таким образом, «Западноевропейский союз развивался одновременно и в качестве оборонного компонента Европейского союза, и как средство укрепления европейской “опоры” НАТО...» [1, с. 224].

В последующие годы появились цели и задачи, которые трансформировали НАТО из региональной организации Северной Атлантики,

<sup>1</sup> Штоль В. В. Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010.

согласно Вашингтонскому договору 1949 г., в глобальный блок со своими военно-политическими интересами по всему миру (за начало отсчёта можно принять Стратегию НАТО 1999 г.), а задачи ЗЭС ограничивались рамками европейского ТВД, т. е. локального значения.

Многолетние дискуссии об европейской обороне наконец конкретизировались в Декларации Сан-Мало (декабрь 1998 г.), в которой институциональные теоретические построения наполнились реальным содержанием [2].

Идеи Декларации Сан-Мало получили продолжение в решениях Европейского совета в Кёльне (июнь 1999 г.), в итоговых документах которого говорилось о достижении «большей взаимозависимости. Сотрудничества и взаимодействия» между НАТО и ЕС [3].

Рекомендации кёльской встречи сводились к «развитию “эффе́ктивных консультаций, сотрудничеству и транспарентности” между ЕС и НАТО, а не к тому, что ЕС заменит НАТО в Европе» [3]. Эти проблемы обсуждались и на последующих встречах, в частности, в Хельсинки (1999 г., декабрь) и Ницце (2000 г., декабрь).

Итак, как же трансформировались взгляды в Западной Европе на европейские вооружённые силы и систему безопасности во времени?

1. 1950 г., август – У. Черчилль предлагает создать «европейскую армию, подвластную демократии Европы».

2. 1950 г., октябрь – Франция выдвинула свой план («план Плеве-

на») создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) в составе вооружённых сил Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. План остался на уровне идей, но в дальнейшем они были учтены при создании Западноевропейского союза с тем же составом участников (Парижское соглашение, 1954 г.).

3. В 80-х годах ЗЭС был определён как «европейская опора» системы безопасности в рамках НАТО.

4. 1992 г., февраль – Евросоюз приступил к формированию военных структур после одобрения концепции и целей Общей внешней политики и политики безопасности – ОБПБ (*Common Foreign and Security Policy – CFSP*).

5. 1992 г., июнь – «Петерсбергские миссии» конкретизируют военные задачи, стоящие перед ЗЭС.

6. 1993 г., октябрь – создан Еврокорпус, достигший оперативной готовности только в 1995 г. Единственным его постоянно действующим формированием являлась франко-германская бригада.

7. 1995 г., ноябрь – создание Сил быстрого реагирования ЕС (*European Rapid Operational Force – EUROFOR*). В дальнейшем пришли к мнению о целесообразности формирования как национальных, так и многонациональных боевых групп.

Однако события последнего десятилетия, связанные с общей кризисной обстановкой в мире, а также желанием повлиять на ситуацию на Украине, оказывая силовое давление на Россию, реанимировало идею создания именно европейской

<sup>2</sup> SIPRI Yearbook. Oxford University Press, 1999. P. 265.

<sup>3</sup> Ежегодник СИПРИ 2000. М.: Наука, 2001. С. 208.

армии, а не отдельных воинских контингентов.

В ноябре 2018 г. с предложением о создании евроармии для защиты от США, России и Китая выступил президент Франции Э. Макрон. Президент США Д. Трамп, посчитав эту идею совершенно неуместной, вновь напомнил европейским союзникам, что они свою безопасность обеспечивают за счёт США, вклад которых в бюджет НАТО несопоставим с их взносами в течение всего времени существования альянса.

Если идею Макрона удастся осуществить, то Франция выйдет в военные лидеры на континенте как единственная страна Западной Европы, обладающая ядерным оружием и всеми средствами его доставки. Великобритания в этом раскладе уже не учитывается как из-за «брексита», так и потому, что не видит себя вне англосаксонского военно-политического союза, т. е. без США.

Все страны – члены ЕС в целом выразили готовность к созданию евроармии, приняв (ноябрь 2018 г.) программу Постоянного структурированного сотрудничества в сфере безопасности и обороны (*Permanent Structured cooperation – PESCO*). Правда, как это осуществить, есть различные мнения с учётом существующей полной военно-политической зависимости Европы от США. При этом необходимо учитывать, что «старая Европа» за почти 70 лет привыкла к «зонтику» старшего американского «брата». Для неопитов (Польша, страны Балтии и т. п.) существуют только США. Они к этому стремились. А как отнесутся к «атомному зонтику месье» остальные партнёры? В этом вопросе на-

вряд ли кто-нибудь признает, что Франция – первая среди равных даже в «старой Европе». Скорее всего, сейчас это просто поддержка идеи и только до тех пор, пока дело не коснётся вопросов финансирования, за счёт социальной сферы.

В этом свете интересны отношения Франции и Соединённых Штатов в рамках Североатлантического альянса. Для её вступления в НАТО было достаточно оснований с учётом того, что в Совет Безопасности ООН она попала против воли Вашингтона и Лондона, которые весьма критически относились, если не сказать больше, к генералу де Голлю – лидеру «Свободной Франции», и уступили лишь под давлением Москвы. Парижу после войны необходимо было укрепить свои позиции среди западных союзников, и поэтому, когда создавалась НАТО, перед ним не стоял вопрос выбора: вступать или нет. Были и другие достаточно веские причины, а именно:

1. Общенациональная травма от поражения в 1940 г., когда страна ничего не смогла противопоставить агрессору, и потеря имиджа как страны на протяжении веков на правах лидера, участвовавшей в определении мировой политики.

2. Для того чтобы восстановиться после войны, страна приняла «план Маршалла», который можно рассматривать одним из экономических элементов холодной войны, привязавшим её к антисоветскому блоку.

3. Часто сменявшиеся у власти представители французской элиты боялись влияния идей коммунизма (Компартия Франции была в то время одной из сильнейших в мире), поэтому вступление в НАТО было со-

вершено оправданным, с их точки зрения, что и подтвердил переезд штаб-квартиры альянса в 1952 г. из Лондона в Париж.

В Североатлантическом блоке тон задавала англосаксонская связка Вашингтон – Лондон. При этом США несли основную нагрузку по «ядерному» сдерживанию СССР и другим видам вооружения и вооружённым силам, тем самым всё в большей степени подчиняя союзников.

Но когда в 1958 г. во главе Французской Республики встал генерал де Голль, который всю жизнь придерживался взгляда, что Франция может быть и должна быть только великой, позиция Франции изменилась. Поэтому его, конечно, не устраивал её статус в НАТО без права участвовать в принятии важнейших решений. В качестве одного из шагов он предложил модель равноправного с США и Великобританией принятия решений по использованию ядерного оружия (трёхсторонний директорат США – Франция – Британия) с правом вето каждой из стран на применение ЯО. Но Вашингтон этого не принял.

Ещё одним из моментов, способствовавших обострению отношений с американцами, стали успешные разработки в СССР баллистических ракет. Как следствие, Франция могла стать жертвой американских политических провокаций.

Итак, с одной стороны, Франция не желала терпеть ущемление своих прав в альянсе, а с другой – быть заложницей политики США. Поэтому в конце 50-х годов в Париже было принято решение, запрещавшее американцам размещать атомное оружие на французской территории, а с 1958 г. такой же запрет рас-

пространился и на американские баллистические ракеты средней дальности, затем к 1963 г. из-под командования НАТО были выведены военно-морские силы Франции. В 1966 г. президент Франции Шарль де Голль выдворил все американские объекты с территории страны, а заодно и штаб-квартиру НАТО из Парижа.

Все последующие руководители страны не столь последовательно и твёрдо отстаивали независимость внешнеполитических решений, что в конце концов привело в 2009 г. (при Н. Саркози) к возвращению Франции во все структуры Североатлантического альянса, хотя это чистая формальность, так как Париж участвовал в работе большинства комитетов военного командования, её финансовый взнос в бюджет блока входит в пятёрку основных, её вооружённые силы принимали участие во всех основных операциях блока (Босния, Косово, Афганистан).

По мнению президента Н. Саркози, возвращение Франции в НАТО должно было способствовать приданию большей динамики европейской политики обороны и безопасности. Но это решение, по мнению его противников, могло нарушить «консенсус французских элит» по вопросу внешней политики, так как некая отдалённость Франции от альянса подчёркивала специфичность её позиции на международной арене.

Как показали следующие десять лет, в НАТО ничего не изменилось: решения по кардинальным вопросам остались за американцами, большей самостоятельности в вопросах собственной безопасности

объединённая Европа не получила, усилились только требования о большей финансовой ответственности европейцев, особенно жёстко это стало звучать с приходом в Белый дом президента-бизнесмена Д. Трампа.

В такой обстановке Э. Макрон в конце 2018 г. выступил с предложением о создании евроармии. Но если встал вопрос о создании армии, то есть и враг. И кто противник? Россия, Китай или США? С учётом возможностей Европы и военного потенциала указанных государств всё это выглядит как-то легковерно с точки зрения реализуемости и эффективности.

Если вспомнить историю, то вопрос об евроармии всегда реанимируется, когда у европейцев начинаются трения с США (1999 г. – агрессия США и НАТО против Югославии; 2003 г. – вторжение американцев в Ирак; сейчас, когда военно-политическими усилиями США внутренний конфликт в Сирии приобрёл хронический характер; кризис на Украине, подогреваемый Западом, но особенно США; торгово-экономическая политика Трампа, пренебрегающая элементарными правилами диппротокола).

Ответ США на предложение Макрона – они не поддержат идею создания евроармии, если это будет в ущерб НАТО и, соответственно, против легитимного присутствия американцев в Европе.

Французское предложение о создании евроармии было с пониманием встречено в Берлине. В январе 2019 г. Э. Макрон и А. Меркель подписали Ахенский договор об углублении сотрудничества и интеграции, который говорит об их наме-

рении усилить взаимодействие, в частности, в сфере экономики, военной политики и обороны, включая защиту от третьих стран. Этот документ как бы развитие положений Елисейского договора, подписанного Ш. де Голлем и К. Аденауэром в 1963 г.

По мнению отечественных и зарубежных аналитиков, это ответ на политику Трампа в отношении европейских союзников и объединение против евроскептиков, численность которых год от года растёт, привлекая в свои ряды политическую элиту западноевропейских стран, не говоря уже о рядовых гражданах. Стоит отметить, что договор подписан в городе Ахене, бывшем столицей империи Карла Великого, куда входили территории обеих стран.

Вопрос о евроармии находится всё-таки больше в гипотетической плоскости, а перед Францией стоят вполне реальные внутренние проблемы, требующие незамедлительного решения. И одна из них связана с мигрантами. В своё время страна, утратив колонии, не хотела потерять их экономически и ввела достаточно упрощённую процедуру получения французского гражданства для выходцев из своих колоний. Уже в те годы в метрополию хлынули переселенцы из Африки и Индокитая, не говоря уже о заморских территориях. Но после «арабской весны» Франция, как и Германия, открыла свои границы для беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. И это был совершенно иной контингент, чем раньше. В большинстве своём это люди, которые хотели жить на европейское (весьма нескладное)

пособие. При этом отличить реальных беженцев, пострадавших от войны, от террористов и бандитов не представлялось возможным, что сразу сказалось на криминогенной обстановке в экономической, межнациональной и конфессиональной сферах. Но если бы даже беженцы захотели работать и имели бы соответствующие профессиональные навыки, то экономика Франции просто не в состоянии была предоставить столько рабочих мест. Сегодня в стране нарастает конфликтный цивилизационный потенциал, а политика мультикультурализма себя, как показало время, не оправдала и осталась лишь маниловской прекраснотушной идеей.

С середины прошлого века численность мусульманского населения увеличилась почти в 30 раз: в 1950 г. было 230 тыс. мусульман, в 90-е годы – около 4 млн а в 2010 г. – уже более 6 млн [4]. Согласно данным *Pew Research*, в середине 2016 г. во Франции мусульманское население составляло около 9% [5].

По большей части выходцы из мусульманских стран живут закрытыми общинами и по своим законам и традициям. Они совершенно не хотят приобщаться к общеевропейским ценностям и «общеευропейской идентичности», что составляет основу политики мультикультурализма.

К этим цивилизационным и конфессиональным проблемам добавилось ещё и очень разнородное по этническому и культурному составу движение «жёлтых жилетов», в кото-

ром недовольство экономической политикой Э. Макрона и явно провокационные выступления тесно переплетены.

В этой связи, даже не увязывая события во Франции с конспирологической теорией, можно напомнить выступления студентов в 1968 г., к которому примкнула значительная часть интеллектуальной элиты страны. Президент Шарль де Голль, политика которого вызывала недовольство в Вашингтоне, ушёл в отставку. Все последующие руководители Пятой республики были весьма покладисты и явных антиамериканских выпадов себе не позволяли.

В более близкой по времени истории «длинная рука» Вашингтона видна в развале Югославии (да и СССР не миновала), событиях «арабской весны», «цветных революциях» на постсоветской территории и т. д.

Может быть, робкие поползновения Э. Макрона проявить хотя бы на словах некую независимую политику объединённой Европы вызвали недовольство за океаном, где сочли целесообразным выделить некие финансы, чтобы проучить «инициатора»: во Франции почти сразу возникли внутренние проблемы, когда пришлось забыть о всяких внешнеполитических инициативах.

Вызвать недовольство Вашингтона – «как минимум это отставка кабинета министров и смена правительства во Франции, Это американцы научились делать ювелирно,

<sup>4</sup> Standard Eurobarometer // URL: [http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61_en.pdf)

<sup>5</sup> 5 facts about the Muslim population in Europe // URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/>

техника апробирована на десятке государств. Так что Макрон и в более широком смысле Франция находятся сегодня в зоне опасности» [6].

Но несмотря на это, Париж будет и в дальнейшем стремиться играть роль лидера ЕС, согласовывая с Берлином свои основные внешнеполитические инициативы. Но вероятность реализации европейских инициатив в сфере внешней политики надо рассматривать с учётом полной военно-политической зависимости Европы от Соединённых Штатов Америки.

## Библиография • References

- Ежегодник СИПРИ 2000. М.: Наука, 2001. – 876 с.  
[Ezhegodnik SIPRI 2000. M.: Nauka, 2001. – 876 s.]
- Штоль В. В.* Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010. – 384 с.  
[*Shtol' V. V.* Armiya novogo mirovogo porjadka. M.: OGI, 2010. – 384 s.]
- Штоль В. В.* Обретёт ли Европа свою армию? // Красная звезда. 2018. № 143. 21 декабря.  
[*Shtol' V. V.* Obretyot li Evropa svoyu armiyu? // Krasnaya zvezda. 2018. № 143. 21 dekabrya]
- 5 facts about the Muslim population in Europe // URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/>
- SIPRI Yearbook. Oxford University Press, 1999. – 800 p.
- Standard Eurobarometer // URL: [http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61_en.pdf)

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2019 г.

<sup>6</sup> *Штоль В. В.* Обретёт ли Европа свою армию? // Красная звезда. 2018. № 143. 21 декабря.

# Халхин-Гол – 1939 год в контексте истории

К 80-летию военного конфликта: истоки и уроки

**Александр СЕРЁГИН**

Война показала нам, что эта страна храбра, решительная до отчаяния, и не останавливается ни перед какими нравственными препонами...

*А. Е. Снесарев. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия*

**С**конца XIX в. в соседнем самурайском государстве – Японии – стали завистливо поглядывать на Запад, мечтая превратить Тихоокеанский регион в свою вотчину. Их внимание привлекал и русский Дальний Восток, край, позволявший расселить избыточное население островов, использовать его богатейшие запасы природных ресурсов, обещавший широкие экономические возможности.

Ресурсно бедная Страна восходящего солнца во всём этом отчаянно нуждалась, завозя для своих растущих нужд и лес, и нефть, и уголь, и металл, и продовольствие. И становясь всё более значимым региональным государством, принялась искать возможности исправить географическую «несправедливость».

---

**СЕРЁГИН Александр Васильевич** – кандидат культурологии, профессор МГИМО МИД России. E-mail: a\_seregin06@mail.ru

**Ключевые слова:** СССР, Япония, р. Халхин-Гол, Монголия, Дальний Восток, оз. Хасан.

Политическая мысль Японии всё глубже погружала страну и её самобытный народ во тьму непредсказуемых военно-политических борений за новые территории и ресурсы. Унаследовавший императорский трон Сёва Хирохито окончательно развернул страну в сторону наращивания военной мощи. Япония методично готовилась расширить зоны влияния в Восточной Азии, сделав ставку исключительно на военно-политическое решение дальневосточных проблем. Её правящая элита, впитав в себя идеологию паназиатизма, нацеленного на создание «Великой Восточной Азии» с главенствующей в ней ролью Японии, обильно сдабривала этими идеями умы своих подданных. Прозорливый С. Ю. Витте, министр финансов царской России, одним из первых почувствовавший угрозу, заметил, что если допустить японцев на континент, то для охраны российских владений потребуются сотни тысяч войск, силы флота, так как рано или поздно столкновение с японцами окажется неизбежным.

К концу XIX – началу XX в. обрели законченную форму интересы к Дальнему Востоку Великобритания и США, владения которых появились на Тихом океане во второй половине XIX столетия. И уже на рубеже XIX–XX вв. возник новый восточный вопрос, едва ли не более грандиозный, нежели неразрешённые проблемы соперничества доминантов тех лет в империи турецкого

султана. Победа в борьбе за регион с эпицентром в Китае сулила претендентам невиданные перспективы обогащения. Круг участников борьбы за китайский рынок и Тихоокеанский регион был шире, чем в Османской империи, включал не только европейские страны и Соединённые Штаты, но и рвавшуюся к великодержавию Японию [1].

Россия не могла остаться в стороне и пассивно созерцать, как на её глазах намечаются распорядиться судьбой региона, который не покидал сферу её национального внимания, а Дальний Восток – суверенной принадлежности. Конфликт обостряющихся интересов в отношении Дальнего Востока, в котором роль вершителя судеб пыталась присвоить себе Япония, неминуемо должен был привести к военному столкновению. И оно произошло.

Как ни готовилась к войне 1904–1905 гг. с японцами русская армия, а готовилась она к ней из рук вон плохо, Россия не победила вероломно начавшего военные действия врага. Но и безоговорочной победы Японии не случилось.

В своих мемуарах канцлер Германии Б. Бюлов (1900–1909 гг.) на основании анализа, сделанного немецким генеральным штабом о создавшемся положении на Дальнем Востоке, писал, что японцы могут захватить и Сахалин, и Владивосток, но обязательно остановятся где-то в сибирских просторах и будут с колоссальными затратами дожидаться, пока русская армия не сделается более боеспособной. Решающий удар останется за Россией [2].

<sup>1</sup> *Игнатъев А. В.* К вопросу о характере войны 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке // *Россия в международных конфликтах начала XX века (Русско-японская и Первая мировая война)*. М., 2009. С. 10.

<sup>2</sup> *Бюлов Б.* Воспоминания / пер. с нем. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. С. 301.

Но была ли Россия побеждена Японией?

Был разгромлен русский флот на Тихом океане? Да.

Японцы получили почти полное господство на тихоокеанском морском театре войны? Да.

Однако русская сухопутная армия оставалась мощной и боеспособной.

Мирный договор, а не позорная капитуляция с неизбежной военной контрибуцией был подписан между двумя равноправными сторонами. Что до утраты южной части Сахалина (она по договору отошла японцам. – *Авт.*), то это выглядело скорее уступкой, чем платой за военное поражение [3].

Конечно, Портсмутский мирный договор (1905 г.) ущемлял интересы России. Забегая немного вперёд, заметим, что он был подтверждён большевистским правительством при установлении дипломатических отношений с Японией (1925 г.). У разорённой страны, по которой прокатилась революция, Гражданская война и интервенция Антанты (в 1920 г. на Дальнем Востоке в ней приняли участие не только США, но и Япония), не было сил для борьбы. Но заявить, что СССР не несёт ответственности за заключение этого договора царским правительством. Точка напряжённости в двусторонних отношениях была определена.

**П**ервая мировая война (1914–1918 гг.) ожидаемо усилила Японию, которая принимала в ней весьма пассивное участие, сосредоточив внимание на колониальных захватах

и незначительных поставках оружия. Её территориальные завоевания после Первой мировой войны простирались к югу от мыса Лопатка на Камчатке до мыса Ритидиан на Гуаме. На Азиатском континенте ей принадлежали Корея и часть Китая.

Определённо Страна восходящего солнца встала вровень с колониальными европейскими державами и США. Однако это обострило и соперничество с ними в Тихоокеанском регионе. На десятилетия затягивался узел конфронтационных интересов Японии с США, Великобританией и рядом европейских стран, нарастало её геополитическое противостояние с Россией, к которому добавилось новое, идеологическое, после революционных событий 1917 г., что дало захватнической политике Токио в отношении России дополнительные политические резоны.

В 1918 г. Япония начала военную агрессию против Советской России. Основанием послужило принятие 18 февраля 1918 г. Верховным советом Антанты решения об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также зоны КВЖД. Вместе с тем, опасаясь роста влияния Японии в регионе, в частности в северо-западной части Тихого океана, США, преследующие те же цели, обязали Японию не предпринимать операций без согласия Антанты. Почти месяц японское правительство обдумывало, что ответить. Предпочтя не обострять отношения с американцами и союзниками по Антанте, японцы в конечном итоге согласились. Но обещания не сдержали и в ночь на 5 апреля 1920 г. снова начали военные дей-

<sup>3</sup> Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001. С. 359.

ствия против России, внезапно открыв артиллерийский и пулемётный огонь по Владивостоку, Никольску-Уссурийскому, Хабаровску, Шкотову и другим населённым пунктам Приморья. Особенно жестоко японские солдаты вели себя в Хабаровске, убив и ранив там около 2500 бойцов и мирных жителей.

Русский и советский, учёный и военачальник А. Е. Снесарев писал в отношении русско-японского противостояния тех лет: «...Русский Восток есть первый буфер, смягчающий удар жёлтой волны о берега Белого моря; он является первой дверью, в которую будет стучать жёлтый властелин, прежде чем вступить тяжёлой ногой на поле европейской культуры. Это обстоятельство придаёт Русскому Востоку провиденциальное значение и делает из него тему не только лишь русского, но и общемирового значения» [4].

После вывода войск Антанты с дальневосточных территорий СССР в Токио пришли к пониманию необходимости иметь устойчивые отношения с Советской Россией. Японии надо было обеспечить безопасность своего тыла, чтобы сконцентрироваться на отпоре другим претендентам (США и европейским метрополиям) на захваченные ею ресурсы на азиатско-тихоокеанском пространстве. После длительных переговоров, проходивших в Пекине, 20 января 1925 г. была подписана советско-японская Конвенция об основных принципах взаимоотноше-

ний. Спустя месяц её ратифицировали обе страны.

Таким образом, Япония стала 21-й страной, признавшей Советскую Россию. Стороны обменялись посольствами, хотя эти шаги отнюдь не означали урегулирования всех спорных проблем двусторонних отношений, что прекрасно понимали в обеих столицах и не скрывали их наличие.

Япония динамично развивалась, милитаризуя свою промышленность и ориентируясь на военный реванш после Вашингтонской конференции (1921–1922 гг.)\*.

Её промышленная продукция с 1929 по 1936 г. возросла в 1,7 раза, а продукция тяжёлой промышленности увеличилась более чем в 2,6 раза. Производство чугуна в 1936 г. почти в 2 раза превысило показатели семилетней давности и достигло 2,8 млн т. Япония выплавляла 5,6 млн т стали, увеличив её производство почти в 3 раза. К этому можно добавить и импорт, который был равен количеству металла, выплавляемому на собственных предприятиях.

При этом нефти ввозилось 90% от всего объёма, потребляемого в стране.

Цветных металлов завозили 70% от используемых в промышленности.

Картина экономического обеспечения военной подготовки получалась весьма внушительной.

Эти действия не ускользали от внимания многочисленных наблюдателей.

<sup>4</sup> Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М.: Военный университет, Русский путь, 2003. С. 97.

\* Вашингтонская конференция (1921–1922 гг.) представителей США, Великобритании, Китая, Японии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии и Португалии была посвящена ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам. На ней присутствовали делегаты, выступавшие от имени британских доминионов и Индии. Конференция была созвана по инициативе США и перед ней стояла задача завершить передел мира на Дальнем Востоке после Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

Один из зачинателей российской японистики, профессор Х. Т. Эйдус, писал в те годы: «...Японское правительство направляет в тяжёлую и военную промышленность максимальные средства, сильно ограничивая лёгкую промышленность и, в особенности, промышленность, работающую на внутренний рынок. Это придаёт японской промышленности однобокое, военное направление» [5].

Готовилась и обучалась армия. У японских солдат воспитывалась неприхотливость, агрессивная тактика, фанатичная храбрость и несокрушимая дисциплинированность, которые они проявили во время последовавшей войны с Китаем и в более поздних сражениях против американских, британских и голландских войск в Азии и на Тихом океане в 1941–1942 гг.

**Я**понские планы военного вторжения в СССР были, конечно, засекречены, но её генералы, то ли по рассеянности, то ли по легкомыслию, не скрывали их и часто прибегали к выступлениям в периодике, чтобы хвастливо поделиться своим грядущими победами в завоевании русской дальневосточной земли.

Одно из таких откровений появилось 16 ноября 1933 г. на страницах японского журнала «Хонде». В нём был размещён материал в формате исторической дискуссии, где её участник, генерал-майор Сайто, размышлял, что «через 100 лет население Японии будет равно примерно 200 млн человек, а для его прокорма необходимо занятие не только Маньчжурии, но и территорий вплоть до

равнин Сибири... и поэтому в конце концов ...произойдёт столкновение... Я думаю, что столкновение неизбежно в районе или Байкала, или на западе, или на востоке от него...» \*.

Советская разведка неоднократно докладывала о существовании таких настроений у правящих кругов Японии. 29 января 1938 г. Разведывательное управление штаба РККА сообщило наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову следующее: «По словам английского консула в Харбине, располагающего якобы достоверными данными, японцы в случае войны с СССР будут вести оборонительные действия на Забайкальском и Благовещенском направлениях, а активные операции развернут в Приморье, от Дунина на Ворошилов с целью овладения Владивостоком» [6].

В меморандуме генерала Танаки Гиити, который предоставил императору Хирохито в 1927 г. стратегию завоевания мира, говорилось, что придёт время, и мир поймёт, что Восточная Азия принадлежит Японии, и никто не осмелится оспаривать её права. Следует заметить, что в 30–40-е годы этот документ воспринимался как вполне реальный, так как его положения совпадали с агрессивными действиями Японии.

Например, можно вспомнить Мукденский инцидент (1931 г.), Японо-китайскую войну (1937 г.), бои на Халхин-Голе (1939 г.), японское вторжение во Французский Индокитай (1940 г.), нападение на Перл-Харбор (1941 г.).

В 1936 г. И. В. Сталин заявил о возникновении очага военной опасности на Дальнем Востоке со стороны Японии, в частности в Монголии.

<sup>5</sup> Эйдус Х. Т. Япония от Первой до Второй мировой войны. М., ОГИЗ Госполитиздат, 1946. С. 173.

<sup>6</sup> Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Коллекция документов.

\* Материал по дискуссии был доложен наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову (РГВА. Коллекция документов).

Попав в начале XX в. в сферу японских захватнических интересов, Монголия оказалась в весьма сложном положении. Что могла противопоставить аграрная страна с небольшим по меркам Юго-Восточной Азии населением рвущемуся к её захвату (по тем же меркам) гиганту с развитой и милитаризованной экономикой и грезящим войной обществом? Японская пропаганда, подыгрывая правящим кругам, сервильно направляла массовые настроения в необходимое им русло.

Токийский корреспондент ТАСС А. Наги общал в секретной записке руководителю ТАСС Я. Г. Долецкому (январь 1935 г.), «...что глашатаи советско-японской войны... отравили общественное мнение непрекращающимися криками о вооружениях СССР на Дальнем Востоке и, в особенности, на советско-маньчжурской границе...» (документ был направлен Сталину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Орджоникидзе) [7, Л. 36, 36 об., 37].

В этом же году газета «Правда» поместила сообщение о речи японского министра иностранных дел, в которой он «по-дружески» призывал СССР «ослабить оборону своих границ на Дальнем Востоке». Министр уверял, что советская сторона избыточно укрепляет свою оборону на границах Дальнего Востока, что это делается не для обороны, а для «нападения СССР на Японию» [8].

Однако «пацифистские» размышления японского министра противоречили реальной, тревожной ситуации, складывающейся на Дальнем Востоке.

1 марта 1932 г. по решению Все-маньчжурской ассамблеи было образовано государство Маньчжурия (Маньчжоу-Го). Его тут же признала Япония, ибо она же и стояла за об-

разованием этого марионеточного государства, введя войска в его важнейшие города. Плохо скрывая, или, вернее, не скрывая вовсе, свою роль, японцы оповестили Лигу Наций, что происшедшее является якобы результатом давнишних чаяний местного населения, хотя никакого волеизлияния народа и в помине не было. Напротив, в стране вспыхнула партизанская война, начались военные столкновения между японскими и китайскими вооружёнными формированиями, которые продолжались несколько лет.

В создавшихся условиях советскому руководству требовалось время, чтобы выработать позицию в связи с непростыми геополитическими изменениями в регионе, расчитать и увязать в единый комплекс понимание последствий принимаемых шагов. Забегая вперёд, заметим, что Советский Союз де-факто признал Маньчжоу-Го. С таким шагом, очевидно, трудно не согласиться, учитывая необходимость сохранить советское государственное имущество в Маньчжурии, обеспечить там безопасность советских граждан и иметь возможность продолжить экономическое и хозяйственное обустройство региона в мирных условиях, используя сухоходные реки для транспортировки грузов. Де-юре Советский Союз не признал Маньчжурию.

Япония опасалась, что авантюра создания марионеточного государства, приращение за счёт Маньчжурии своей экономической мощи и одновременно создание военно-стратегического плацдарма для

<sup>7</sup> РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1383.

<sup>8</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 5, 6.

дальнейшего продвижения на Запад в Советском Союзе может быть воспринято резко отрицательно. Поэтому министр иностранных дел Японии дал излишне умиротворяющее интервью японским газетам, распространённое ТАСС 9 мая 1932 г. В нём отмечалось: «...Не думаю, что СССР собирается осуществить наступательные военные действия... Взаимные интересы Японии и Советского Союза требуют устранения каких бы то ни было недоразумений между ними в маньчжурской проблеме, ...следует рассеять неправильное мнение, что Япония имеет агрессивные цели в Маньчжурии» [9].

Однако сразу же после него ТАСС (отнюдь не в просветительских целях) разослал для советских газет мнение «эксперта по русскому вопросу» Камаици, опубликованное в крайне правой японской газете «Нихон». Статья называлась «Японо-американская или японо-советская война».

По Камаици, выходило, что японо-американская война может подстегнуть сотрудничество между США и Китаем. «...Китайский рынок является основной причиной противоречия между США и Японией. Поэтому необходимо добиваться компромисса в виде разделения китайского рынка между США и Японией...».

Но не это было главным. Общественное мнение Японии, продолжал он, «...сосредоточено ныне на Маньчжурии и Монголии... Разрешение маньчжуро-монгольской проблемы зависит от разрешения сибирской проблемы... и означает помощь сибирскому народу, населяющему район восточнее Байкала, в осуществлении независимости и установлении в Сибири принципа открытых дверей для всего мира» [9].

На выступление Камаици резко откликнулась «Правда». «Судя по его статье, он добивается войны против Советского Союза... Эксперт газеты "Нихон" со свойственной ему невежественной развязностью, пишет: "Между Японией и СССР не может быть дружбы, так как их идеалы диаметрально противоположны"... Господину Камаици нужна вовсе не дружба, о которой он распинается. Ему нужна... Сибирь! И во имя этого он призывает к войне против Советского Союза...»

В самом деле, чем подкрепляет «эксперт по русскому вопросу» своё утверждение о том, что СССР «стремится подчинить себе весь мир». Мы могли бы спросить: «Где и когда СССР участвовал в интервенции в Японию и пытался присвоить себе часть японской или чьей-либо другой территории? Где и когда СССР посягал на владения Японии на Азиатском материке? Кем, наконец, захвачена Маньчжурия, не Советским ли Союзом, господин Камаици? И в заключение разрешите у вас спросить, господа редакторы из газеты «Нихон», – где и когда в советской печати печатались статьи, хотя бы в отдалённой степени напоминающие статьи господина Камаици? Где и когда советская печать призывала к войне, к отторжению от Японии каких-либо частей её территории, как это делает в отношении СССР провокатор – «эксперт» Камаици...» [9].

**В** Москве, конечно, имели возможность судить об истинных намерениях японцев на Дальнем Востоке. Работала советская разведка, ко-

<sup>9</sup> Правда. 1932. 9 мая.

торой необходимо было ответить, решится ли Япония начать войну против СССР, и если да, то когда это может произойти. В апреле 1933 г. разведка предоставила Ворошилову, по её оценке, «исключительной важности» документ – ответ генштабу Японии, разославшему своим военным атташе директиву «представить мотивированные соображения о политической ситуации в данный момент».

Японский военный атташе в СССР сообщал: «...Некоторые лица, говоря о позиции Империи в условиях нынешней международной обстановки, выступают в пользу установления согласия между Германией, СССР и Японией. Союз с Советским Союзом, политическая организация и политика которого диаметрально противоположны нашей Империи, ...не даст никакого эффекта... Он приведёт только к возбуждению подозрений у других государств. Мы должны... пойти прямо к осуществлению Великой миссии Империи, стать гегемоном Востока. Это единственный путь для нашей Империи... Единственной помехой для Империи при осуществлении её великой миссии – создания вечного мира на Востоке – является Советский Союз. Поэтому наша Империя, не дожидаясь того момента, когда СССР закончит программу усиления национальной мощи и вооружения, должна обратить все свои силы на подготовку к захвату дальневосточных владений Советского Союза» [6].

Японский военный дипломат явно переусердствовал. Не ответив на поставленные генштабом вопросы, высокопарно предложил своё видение «великой миссии» Японии

на Востоке. Наверное, это могло бы вызвать улыбку чиновника, прекрасно представляющего, что своё руководство следует информировать строго в рамках, установленных заданием. Однако не всё так просто. Недавно назначенный министром обороны Японии Садао Араки разделял такие убеждения полностью. Атташе знал это, знал и то, что эти взгляды близки правящей верхушке, и попросту делал карьеру.

В начале июня 1933 г. начальник IV управления Штаба РККА Я. К. Берзин и начальник III отдела А. М. Никонов сообщили руководству СССР агентурные данные о том, что в военных кругах Японии продолжается обсуждение вопроса о степени готовности Маньчжурского ТВД и японской армии для войны против СССР. В этом вопросе стали очевидными большие расхождения между группой «молодых военных» во главе с Араки и командованием оккупационной армии в Маньчжурии. Араки и «молодые» подталкивали руководство страны к более решительным действиям вплоть до войны с СССР. Напротив, оккупационное командование в Маньчжурии настаивало на отсрочке столкновения с СССР до полной реорганизации армии и завершения подготовки маньчжурского плацдарма, предлагая заключить с СССР хотя бы временный пакт о ненападении.

Советские аналитики делали вывод, что «наличие подобных расхождений в верхах командования японской армии, а также среди правительства и деловых кругов Японии даёт полное основание сделать вывод о недостаточной готовности

Японии к большой войне» [10, Д. 501. Л. 82].

Здесь небезынтересно заметить, что в выводах документа главная цель Японии – развязать захватническую войну против СССР – умалчивается вовсе, так как это уже существовало как данность. На основании многочисленных материалов подобного рода из различных адресов отправления у советского руководства уже было сформировано устойчивое убеждение: войну японцы развяжут. Речь могла идти лишь о сроках.

Тремя месяцами позже Я. К. Берзин вновь сообщил, что большинство японских политических деятелей считает, что столкновение с СССР в данный момент крайне невыгодно для Японии. Следует и дальше продолжать подготовку страны к войне с СССР и выжидать наиболее выгодного момента для реализации намеченной политики на Дальнем Востоке [10, Д. 375. Л. 165, 170].

В 1934 г. сообщения советской разведки о возможных перспективах войны Японии с СССР стали несколько иными. Отмечалось, что за последний месяц (март) в различных политических кругах укрепилось мнение, что японцы отложили войну на некоторое время. Да и в одной из передач ВВС прозвучало, что «если недавно была полная уверенность, что японо-советская война начнётся этой весной, то сейчас, если война и будет, то в этом году она, вероятно, не состоится» [10, Д. 485. Л. 196–200].

Однако мысли о скором военном столкновении Японии и СССР так глубоко укоренились в сознании

высших военных чинов Страны восходящего солнца, что они даже не пытались скрывать их на публичном уровне. Вопрос о войне для японских генералов был решённым. Оставалось заручиться поддержкой союзников, обсудить частности подготовки к ней с обеих сторон, выявить слабые позиции, свои и противника, проанализировать их и в грядущем военном столкновении указать на СССР как на провоцирующую военное противостояние сторону. Опыт подобного рода у японцев имелся.

22 октября 1937 г. М. М. Литвинов информировал И. В. Сталина, что в связи с военными операциями в Китае (и там война не была объявлена и начали её опять-таки японцы) Япония прилагает огромные усилия к вовлечению новых государств в так называемое антикоммунистическое соглашение [10, Д. 1037(2). Л. 149]. Япония расширила свои контакты с Италией и Германией по военной линии. Ворошилову сообщали (14 января 1938 г.), что в порт Дайрен прибыла группа итальянских лётчиков для работы в качестве инструкторов японской авиации.

«Итальянцы будут использованы для обучения японских воздушных сил действиям против советской авиации» [10, Д. 1123. Л. 15].

29 января 1939 г. Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову по линии Разведывательного управления Штаба РККА было вручено сообщение несколько иного содержания. В архиве оно без подписи, но можно предположить, что его авто-

<sup>10</sup> РГВА. Ф. 33987. Оп. 3.

ром является Рихард Зорге. «По полученным из Токио агентурным данным, германский военный атташе в Японии полковник Отт получил в январе распоряжение своего генштаба запросить японский генштаб, намерено ли японское командование немедленно после завершения войны в Китае начать войну против СССР. ...Японский генштаб считает минимально один год, максимально два года» [10, Д. 1123. Л. 15].

От источника, близкого к германским кругам в Токио, стало известно, что германский военный атташе в Японии полковник О. Отт отправил в Берлин доклад о своей встрече с Садао Араки и работниками японского генштаба. Беседа касалась вопроса японской политики в отношении СССР.

В докладе Отт сообщал о заявлении Араки, что «война против СССР остаётся единственным путём для Японии». В информации также говорилось, что японцы затрагивали вопросы о возможном развитии военных действий против Советского Союза. Японские генштабисты считали летнее время более выгодным для ведения боевых действий против СССР, признавая, однако, что покрытые льдом реки зимой дают определённые преимущества для более стремительного наступления, а зимние морозы не станут помехой действиям японского воздушного флота [10, Д. 1123. Л. 5].

На смену Отту в Токио прибыл новый германский военно-морской атташе В. Канарис, у которого было поручение создать в Японии разведывательную сеть, а также организовать там получение материалов об СССР.

Советская разведка докладывала также и о том, что «бывший герман-

ский посол в Японии Дирксен и военный атташе Отт ратовали за войну Японии против СССР, однако они предупредили японцев, что пока Германия не будет сама готова к войне, выступление Японии явится преждевременным. Дирксен и Отт рекомендовали японскому правительству начать эту войну, по крайней мере, через два года, ведя к ней тщательную подготовку. В связи с этим они недовольны японо-китайской войной, которая, по их мнению, только ослабит Японию в предстоящей войне против СССР» [10, Д. 1123. Л. 5].

В марте 1938 г. заместитель начальника Разведывательного управления РККА С. Г. Гендин доложил К. Е. Ворошилову следующее: «Германские военные круги в Японии убеждены в том, что дальнейшее ведение боевых действий в Китае будет ослаблять военную мощь Японии и что в 1938 году японцы не смогут начать войну против СССР». По мнению немецкого посла в Японии Г. фон Дирксена, как говорилось далее в документе, «если Япония достигнет соглашения с Китаем, то она, безусловно, повернёт свои войска против СССР». Вместе с тем Дирксен опасался возможности возникновения конфликта между Японией и Англией и признавал, что такой оборот событий может совершенно нарушить расчёты германской политики [10, Д. 1123. Л. 5].

**Ч**то же представляла из себя армия Японии как противник, с которым Красной армии придётся сойтись в вооружённом противоборстве накануне Второй мировой спустя три десятилетия после русско-японской войны?

По данным советской разведки, доложенным Ворошилову, в 1931 г. японская армия насчитывала 250 тыс. чел., в 1933-м – 316 тыс.

В Маньчжурии и Корее насчитывалось до 100 тыс. солдат. К 1935 г., по данным советской разведки, Япония против СССР могла использовать 1500 сухопутных боевых единиц и 1500 морских [6].

Японцы, зомбированные националистической идеологией, принимали насаждаемую воинственную атмосферу, становясь благодатным материалом для формирования преданной императору регулярной армии. В случае гибели имя солдата, призванного на военную службу, заносилось в списки токийского храма Ясукуни, где поминались японцы, павшие в битвах. Культ подчинения императору и служения нации «Ямато дамаши» (японский дух) являлся для японского солдата эталоном, к которому необходимо было стремиться. Агрессивная пропаганда идеи, будто смерть в бою важнее, чем жизнь, привела к появлению на поле брани феномена камикадзе. Следствием этой же пропаганды стало и безразличное отношение в японской армии к собственным потерям. И если принять во внимание, как мало ценили японские солдаты собственные жизни и как ещё меньше ценили их жизни командиры, то понятно их отношение к своим противникам.

С октября 1937 г. Япония развернула кампанию по «мобилизации национального духа». Это была кампания по борьбе с антивоенными настроениями. Но этим стремление правящих кругов Японии к сплочению общества вокруг идеи войны как главного средства достижения своих целей не ограничилось. В де-

кабре 1937 г. были произведены аресты представителей левых партий и противников подготовки к войне. Всего за решётку было отправлено около 400 видных оппозиционеров. Позднее прошла волна новых арестов, и количество политических заключённых увеличилось. Публичное общественное недовольство в стране резко пошло на спад, чего добивались японские правящие круги. Оппозиция в парламенте тоже прекратила своё существование. Пожалуй, только коммунисты ещё могли позволить себе аккуратно вести политическую борьбу. Политические партии, ранее громко высказывавшие своё несогласие с милитаризацией страны, с её подготовкой к военной аванюре, стали всячески поддерживать политику правящего режима. Типичная картина тех лет как на Западе, так и на Востоке.

Считая, что война неизбежна, СССР предпринял дополнительные дипломатические шаги. Весной 1936 г. в Улан-Баторе был подписан Протокол о взаимной помощи между СССР и Монголией. Главным в Протоколе было то, что Советский Союз и Монгольская Народная Республика обязуются в случае военного нападения оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь.

Продолжая действовать в этом направлении, СССР заключил 21 августа 1937 г. в Нанкине Договор с Китайской Республикой о ненападении. В нём стороны отказались от военных действий в отношении друг друга и решили воздерживаться от нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами.

Америка воздерживалась от каких-либо переговоров, прагматично рассчитывая, что война должна ослабить как СССР, так и Японию. А это привело бы к нужному Вашингтону результату, когда измотанные военными действиями противники будут не в состоянии оказать противодействие продвижению американских интересов на Азиатском континенте [11].

В планах японского генерального штаба Монголия рассматривалась как выгодный плацдарм для нападения на СССР. Японцы намеревались энергичными действиями «малых сил» приковать к себе внимание советско-монгольского командования, а тем временем главной своей группировкой, Квантунской армией, сосредоточенной в Восточной Маньчжурии, вторгнуться в Уссурийскую и Амурскую области, в район Хабаровска и осуществить молниеносный захват всего Приморского края. По замыслам японского командования, этот плацдармом открыл бы Японии кратчайший путь в советское Забайкалье с юга, что поставило бы перед угрозой оккупации всего советского Дальнего Востока [12]. Первую «разведку боем» самурайская армия провела у оз. Хасан.

Японские осведомители и разведчики сообщали, что многие участки советской границы не были оборудованы необходимыми защитными сооружениями из-за сложности рельефа местности. Поддерживая гра-

дус напряжённости, японцы постоянно устраивали военные провокации на границе с СССР, которые исчислялись сотнями. Советская сторона отвечала жёстко, но сдержанно, не переходя в контрнаступление.

В конце июля 1938 г. японцы под предлогом территориальных претензий к СССР начали военные действия у оз. Хасан. Умело воспользовавшись крайне неблагоприятными особенностями приграничного района для сосредоточения и развёртывания оборонявшихся соединений, они незначительно продвинулись в глубь советской территории. Но в результате упорных боёв в начале августа советские войска разгромили противника, защитив государственную границу. События у оз. Хасан одновременно вскрыли серьёзные просчёты в мобилизационной готовности войск 1-й Дальневосточной (Приморской) армии и боевой подготовке личного состава.

В конце ноября 1938 г. Главный военный совет при народном комиссаре обороны оперативно принял решение по повышению боевой и мобилизационной готовности войск Дальнего Востока и усилению охраны границ. Нарастающий провокационный характер событий на Дальнем Востоке вынудил СССР в первой половине 1939 г. увеличить численность вооружённых сил на 345 тыс. чел. вместо 57 тыс., предусмотренных пятилетним планом военного строительства.

<sup>11</sup> Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. С. 188.

<sup>12</sup> История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 томах. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. С. 230, 236; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 томах. Т. 2. Накануне войны. М.: Воениздат, 1973. С. 215.

Учитывая обостряющуюся военно-политическую ситуацию в регионе и планы японской военщины по оккупации Монголии, на 3-й сессии Верховного Совета страны (май 1939 г.) советским правительством было заявлено, что границу Монгольской Народной Республики «мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную» [13].

В оправдание своих действий в отношении Монгольской Народной Республики японские власти утверждали, что границей между Монголией и Маньчжурией служит р. Халхин-Гол. Однако по официальным картам граница Монголии с Маньчжурией проходила восточнее этой реки. На этой линии со дня образования Монгольской Народной Республики постоянно находились её посты пограничной охраны. Но главное заключалось в том, что до начала событий на р. Халхин-Гол граница Монголии с Маньчжурией никем не оспаривалась. Однако японская сторона на своих топографических картах обозначила границу с Маньчжоу-Го точно по Халхин-Голу и была убеждена, что это создаёт «правовую основу» для нападения.

Даже сегодня некоторые историки ссылаются на созданный японцами топографический казус, эпатажно оспаривая закономерность перехода военно-политического противостояния в фазу военного конфликта.

Но есть один вопрос в их работах, который заслуживает дополнительных пояснений. С их точки зрения, развернувшиеся военные действия

в районе р. Халхин-Гол носили случайный (!) характер, будучи обусловленными отсутствием чёткого обозначения границы между Монголией и Маньчжоу-Го.

В архиве есть донесение командующего 57-м особым стрелковым корпусом Н. В. Фекленко, который сообщал в Центр, что «во всех маньчжурских нотах, присланных правительству МНР, указывается, что столкновения... происходят на маньчжурской территории. Учитывая это положение, я потребовал документы правительства МНР. Найдены документы, где указывается в точности прохождение границы по картам, а также люди, которые в своё время отмечали границу. Найдена карта от 05.07.1887 г., составленная в результате разрешения пограничных споров между баргутами и халхасцами (монголами). На карте граница проходит от Ара Дулайин Модон Тэтдек через гору Дархан Уда на Халхин Сумэ, материал проверен вместе с полпредом Чойбалсаном и Лунсаншарабом. Таким образом, все события происходят не на маньчжурской территории, а на территории МНР» [14].

**Н**а Халхин-Голе дело приближалось к драматической развязке. Боевые действия могли начаться в любой момент, ибо все условия для этого были созданы. Стороны подтянули военные соединения и ждали. По численности личного состава и авиации противник в три раза превосходил силы советско-монгольских войск.

<sup>13</sup> Третья сессия Верховного Совета СССР, 25–31 мая 1939 г. Стенографический отчёт. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1939. С. 475.

<sup>14</sup> РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37. Л. 72–73.

11 мая 1939 г. около 300 японских солдат перешли государственную границу Монголии. Выбранный японцами район слабо охранялся. Монгольские пограничные заставы были удалены от границы на 20–30 км, а друг от друга почти на 60 км. К тому же ни вблизи границы, ни в этом районе не было регулярных монгольских войск. Ближайшие части Красной армии располагались в 400–500 км. В этот же день монгольские пограничные заставы подверглись нападению япономаньчжурских войск и отошли на запад от границы к р. Халхин-Гол.

Битва на р. Халхин-Гол вошла в историю. По масштабу участия в сражениях бронетанковых войск это была крупнейшая операция того времени, приведшая к разгрому японской группировки. Противник капитулировал. В боях на Халхин-Голе японцы потеряли около 61 тыс. убитыми, ранеными, пленными. Это в три раза больше, чем потери в советских войсках.

Халхингольский котёл и разгром Квантунской армии потрясли Японию. Командование армии в полном составе было вынуждено уйти в отставку.

По мнению многих историков, разгром японских военных формирований явился настолько убедительным предостережением, что изменил вектор агрессивной направленности политики Страны восходящего солнца, уберёг её от активного участия во Второй мировой войне на стороне фашистской Германии против СССР.

16 сентября Япония вынуждена была признать поражение своих войск и попросила о прекращении военных действий.

В этот же день ТАСС сообщило об этом и о переговорах между японским послом Того и народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым, на которых стороны решили уточнить границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в районе боевых действий.

Военный корреспондент «Правды» В. Ставский, очевидец всего произошедшего на Халхин-Голе, направил из Читы в Москву журналистскую зарисовку этих переговоров. «...И генерал, и его офицеры долго выражают пожелание, чтобы результаты работ оказались хорошими, чтобы пункты соглашения были выполнены. В их торопливой этой настойчивости, выражении их лиц, угрюмых и злобных, мне ясно видны и удручённость, и внутренняя пустота, и даже опасение, просто божья...».

Но это не помешало им прибегнуть на переговорах к таким методам их ведения, за которые в приличном обществе... Так, «японцы подсовывают нам свою жульническую карту для того, чтобы получить вашу подпись под произведённым ими захватом куска монгольской территории восточнее реки Нумургин-Гол... они, очевидно, воспользовались перемирием, чтобы передвинуть свои передовые отряды на нужную им линию», – сообщали советские переговорщики в Москву [7, Л. 63–65].

Борьба за территориальные интересы Монголии переместилась с ТВД в кабинеты советских дипломатов.

20 ноября 1939 г. последовало сообщение Наркоминдела о создании смешанной комиссии для уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го.

9 января 1940 г. было подписано совместное коммюнике по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-Го [15].

Однако 1 февраля 1940 г. было опубликовано Примечание ТАСС, в котором весьма жёстко была представлена советско-монгольская позиция по этому вопросу.

В документе говорилось: «Ввиду того, что представленные японо-манчжоугоской стороной документы, имеющие целью обосновать пересмотр давно существовавшей и ранее никем не оспаривавшейся линии границы, оказались лишёнными признаков авторитетных официальных документов, советско-монгольская делегация отказалась признать эти документы в качестве основы для уточнения границы... смешанная комиссия разъехалась, не приняв общего согласованного решения» [16].

Только 13 апреля 1941 г. был подписан Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, а также Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монголии и Маньчжоу-Го, и обе стороны незамедлительно их ратифицировали.

Однако 17 июня 1941 г. на страницах газеты «Известия» было опубликовано Коммюнике смешанной комиссии по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в районе конфликта 1939 г.

В нём говорилось: «На основании соглашения Молотова – Того в сен-

тябре месяце прошлого года была начата работа на местности по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го, но в связи с... наступлением зимних холодов стороны вынуждены были временно прекратить работу. ...Решено снова начать работу на местности с 27-го июня 1941 года. г. Чита, 14 июня 1941 г.» [17].

**С**обытия на р. Халхин-Гол и последующее урегулирование военного противостояния растянулось во времени, им занялись политики и дипломаты.

11 февраля 1945 г. во время Крымской (Ялтинской) главами Советского Союза И. В. Сталиным, Соединённых Штатов Америки Ф. Д. Рузвельтом и Великобританией У. Черчилем было подписано Ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока, которое предусматривало вступление СССР в войну против милитаристской Японии через 2–3 месяца после капитуляции Германии при условии сохранения существующего *status quo* Монгольской Народной Республики, восстановления принадлежавших России прав, нарушенных в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. (Портсмутский мирный договор 1905 г.), а также передачи Советскому Союзу Курильских островов.

В последние десятилетия с новой силой разгорелись споры о правомерности вступления СССР в войну с Японией. Необходимость вступления Советского Союза в войну про-

<sup>15</sup> Известия. 1940. № 7. 9 января.

<sup>16</sup> Известия. 1940. № 25. 1 февраля.

<sup>17</sup> Известия. 1941. № 141. 17 июня.

тив Японии стала подвергаться сомнениям.

Имела ли право советская сторона начинать войну на Дальнем Востоке? Ведь у Советского Союза с Японией 13 апреля 1941 г. был заключён и действовал пакт о нейтралитете, ставят вопросы, аргументируя свою позицию, адепты.

Их противники, напротив, исходят из того, что во Второй миро-

вой войне Япония реально угрожала нападением на советский Дальний Восток и Сибирь. Она фактически вела необъявленную войну на море, постоянно совершала в этом регионе провокации, вынуждая Советский Союз держать на Дальнем Востоке в постоянной готовности значительный контингент своих вооружённых сил.

Ответы на эти вопросы прозвучали в судах над военными преступниками в Нюрнберге, Токио и Хабаровске.

Международный военный трибунал в Токио (1946–1948 гг.) признал наличие сговора Японии с нацистской Германией и фашистской Италией.

Признал развязывание и ведение японскими правящими кругами завоевательных войн на Дальнем Востоке против Советского Союза, и не только против него.

Признал, что Япония осуществила оккупацию Маньчжурии (1931 г.), вторжение в Китай и оккупацию его территории (1937 г.), военное нападение на Монголию в районе р. Халхин-Гол (1939 г.).

Токийский процесс установил факт военной агрессии Японии против СССР в районе оз. Хасан (1938 г.), которое планировалось и в котором были использованы значительные военные силы, что невозможно рассматривать как пограничный конфликт.

О преступном заговоре Японии с Германией и Италией против мира и человечества свидетельствуют материалы Нюрнбергского процесса (1945–1946 гг.). В Нюрнберге рассматривалась Директива командования вермахта № 24 «О сотрудничестве с Японией» от 5 марта 1941 г., которая была составлена на основании приказа Гитлера. Пунктом № 1 этой директивы значилось, что «целью сотрудничества, основанного на тройственном пакте с Японией, является заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке...» [18].

Перед трибуналом подсудимый Муро, будучи начальником первого отдела генерального штаба и занимаясь военным планированием, признал, что «...военные планы японского генерального штаба на 1939 и 1941 гг. были направлены на захват советских территорий... Квантунская армия должна была оккупировать советские города Ворошилов, Владивосток, Иман и затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку. План 1941 г., составленный до нападения Германии на СССР, предусматривал осуществление тех же целей... рассмотрение характера этих планов и военной политики Японии в отношении СССР приводит к заключению о том, что эти планы были агрессивными...» [19].

<sup>18</sup> Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. С. 412–413.

<sup>19</sup> Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 249–254.

Хабаровский процесс (1949 г.) не носил международный характер, но на нём рассматривались вопросы создания и применения японскими военными преступниками бактериологического оружия в Монголии и Китае, что по своему политико-правовому значению может быть сопоставимо с международными военными трибуналами.

Следует заметить, что планы Японии по агрессии против СССР готовились уже после подписания ею Пакта о нейтралитете с СССР (13 апреля 1941 г.). Японский генштаб не счёл нужным их менять.

В архиве Министерства обороны России сохранилось обращение главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского «К японской армии, к японскому народу в связи с объявлением состояния войны с Японией».

В нём маршал эмоционально и точно охарактеризовал политику правящей верхушки Японии: «...Десятки лет военная клика вашей страны, жульнически используя имена народа и императора, развращала вас разбойничьими идеями об установлении "нового порядка в Азии" и разжигала у вас ненависть к соседним странам и их народам. Многие годы японская военщина не выпускает меча из своих рук, стремясь залить кровью страны Дальнего Востока, окрасить ею воды Тихого океана, и только лишь для того, чтобы вашими руками грабить миролюбивые народы и установить над ними свою власть» [20].

Когда-то Дж. Кеннеди заметил, что ошибки во внутренней политике создают трудности, которые приходится преодолевать.

Но ошибки в международных делах, порой злонамеренные, приводят к катастрофам.

Полвека шла Япония по ошибочному пути завоеваний благ военной силой. Невосполнимо растратив свой материальный и людской потенциал, она в конечном итоге лишилась части своей суверенности и иллюзий.

Советский Союз, непобеждённый противник Японии, защищая свою землю, русский Дальний Восток и Монгольскую Народную Республику от агрессии, не только выстоял на фронтах Второй мировой войны и в тылу за счёт огромных усилий и жертв, но и определил вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции послевоенное мироустройство.

## Библиография • References

Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М.: Военный университет, Русский путь, 2003. – 896 с.

[Afganskije uroki: Vyvody dlya budushchego v svete idejnogo naslediya A. E. Snesareva. M.: Voennyj universitet, Russkij put', 2003. – 896 s.]

Бюлов Б. Воспоминания / пер. с нем. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 562 с.

[Byulov B. Vospominaniya / per. s nem. M.; L.: Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1935. – 562 s.]

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. – 646 с.

[Vneshnyaya politika SSSR. Sbornik dokumentov. T. IV. M., 1946. – 646 s.]

<sup>20</sup> ЦА МО РФ. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 1. Л.20–23.

- Игнатьев А. В.* К вопросу о характере войны 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке // Россия в международных конфликтах начала XX века (Русско-японская и Первая мировая война). М., 2009. – 124 с.  
[*Ignat'ev A. V.* K voprosu o haraktere vojny 1904–1905 gg. na Dal'nem Vostoke // Rossiya v mezhdunarodnykh konfliktakh nachala HKH veka (Russko-yaaponskaya i Pervaya mirovaya vojna). M., 2009. – 124 s.]
- Известия. 1940. № 25. 1 февраля.  
[*Izvestiya.* 1940. № 25. 1 fevralya]
- Известия. 1940. № 7. 9 января.  
[*Izvestiya.* 1940. № 7. 9 yanvarya]
- Известия. 1941. № 141. 17 июня.  
[*Izvestiya.* 1941. № 141. 17 iyunya]
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 томах. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. – 535 с.  
[*Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.* V 6 tomah. T. 1. Podgotovka i razvyazyvanie vojny imperialisticheskimi derzhavami. M.: Voenizdat, 1960. – 535 s.]
- История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 томах. Т. 2. Накануне войны. М.: Воениздат, 1973. – 474 с.  
[*Istoriya Vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 gg.* V 12 tomah. T. 2. Nakanune vojny. M.: Voenizdat, 1973. – 474 s.]
- Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 264 с.  
[*Mezhdunarodnyj process glavnyh yaaponskih voennyh prestupnikov.* M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 264 s.]
- Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. – 688 с.  
[*Nyurnbergskij process.* Sb. materialov. T. 1. M., 1955. – 688 s.]
- Правда. 1932. 9 мая.  
[*Pravda.* 1932. 9 maya]
- РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.  
[*RGASPI.* F. 82. Op. 2]
- РГВА. Ф. 33987. Оп. 3.  
[*RGVA.* F. 33987. Op. 3]
- РГВА. Ф. 37977. Оп. 1.  
[*RGVA.* F. 37977. Op. 1]
- РГВА. Коллекция документов.  
[*RGVA.* Kolleksiya dokumentov]
- Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1939. – 502 с.  
[*Tret'ya sessiya Verhovnogo Soveta SSSR. 25–31 maya 1939 g.* Stenograficheskij otchyot. M.: Izdanie Verhovnogo Soveta SSSR, 1939. – 502 s.]
- ЦА МО РФ. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 1. Л. 20–23.  
[*CA MO RF.* F. 66. Op. 3191. D. 1. L. 20–23]
- Шшов А. В.* Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001. – 576 с.  
[*Shishov A. V.* Rossiya i Yaponiya. Istoriya voennykh konfliktov. M.: Veche, 2001. – 576 s.]
- Штоль В. В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. – 434 с.

[Shtol' V. V. Rossiya i Zapad: nesostoyavshijsya al'yans, ili Protivostoyanie kak neizbezhnost'. SPB.: Aletejya, 2019. – 434 s.]

Эйдус Х. Т. Япония от Первой до Второй мировой войны. М., ОГИЗ Госполитиздат, 1946. – 246 с.

[Ejdus H. T. YAponiya ot Pervoj do Vtoroj mirovoj vojny. M., OGIZ Gospolitizdat, 1946. – 246 s.]

Статья поступила в редакцию 3 мая 2019 г.

**Продолжается подписка на 2019 г.  
на журнал «Обозреватель–Observer»  
в каталоге «Газеты и журналы»  
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

**47653** – на полугодие

**36789** – на год

**Requirements for materials,  
submitted to the editorial board  
“Обозреватель–Observer”,  
are published on the site:**

**<http://observer.materik.ru>**



**For more details see website  
of the Higher Attestation Commission:**

**<http://vak.ed.gov.ru>**

# Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии\*

Роман РАЙНХАРДТ

## Империи умирают, институты меняются, дипломатия остаётся

**В** современных условиях дипломатическая система демонстрирует тенденцию к качественной трансформации. Несмотря на то что отдельные связанные с этим процессом явления уже неоднократно находили отражение в отечественной и зарубежной специализированной научной литературе, многие теоретики, равно как и практики, до сих пор не в полной мере осознают комплексность и эпохальность наблюдаемых метаморфоз. Причина тому – глубокий, по большей части скрытый и эволюционный характер развития дипломатических систем в мире в целом и отдельных странах в частности. В этом состоит его

ключевое социально-историческое отличие, например, от научно-технических сдвигов и революционных скачков, обусловленных достижениями фундаментальных, а затем прикладных исследований.

Действительно, если историю человечества можно разделить на до и после чётко датированного изобретения парового двигателя, появления ядерного оружия, полёта в космос и т. п., то хронология возникновения даже некоторых внешнеполитических институтов до сих пор не поддаётся однозначной установке.

В этом контексте показателем пример Посольского приказа: к 10 февраля 1549 г., ныне отмечае-

---

**РАЙНХАРДТ Роман Отмарович** – кандидат экономических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России. *E-mail:* don.reinhardt@mail.ru

**Ключевые слова:** теория дипломатии, научная дипломатия, экономическая дипломатия, МГИМО МИД России.

\* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10123.

тому отечественным профессиональным сообществом в качестве праздника Дня дипломатического работника, относится лишь его первое документальное упоминание; когда конкретно он был учреждён – доподлинно не известно [1, с. 310]. То же относится и к появлению первых постоянных дипломатических представительств, сменивших посольства *ad hoc* как в России, так и за её пределами, в частности в Италии, родине дипломатической системы современного типа [1, с. 41].

С учётом объективных ограничений и пределов проведения дальнейшего исторического анализа на эмпирической (главным образом архивной) базе вероятность окончательного и полного разрешения данных вопросов не представляется высокой, а если подобное открытие и произойдёт, то это будет скорее случайностью, на которую едва ли стоит рассчитывать.

Если же оставить в покое начальные и ранние этапы становления внешнеполитических институтов и обратиться к новой и новейшей истории, то переходы от одной стадии к другой также видятся во многом размытыми при отсутствии явно определяемых триггеров.

Так, например, интересен вопрос об уместности связывания институционального зарождения экономической дипломатии с появлением в *Foreign Office* торгового отдела в 1866 г. и введением должности первого торгового атташе в британском посольстве в Париже в 1880 г. [2].

Аналогична постановка в отношении появления в Российской империи новой консульской службы лишь с образованием профильного подразделения в Министерстве иностранных дел в 1809 г., на чём делают акцент видные исследователи и эксперты [3], с учётом того, что функционально она возникла много раньше, однако курировалась другими органами исполнительной власти, в частности, Коммерц-коллегией. Целесообразно также обратить внимание на исторически присущую некоторым странам, в том числе России, инерционность реформ органов государственного управления. Так, Посольский приказ на протяжении определённого отрезка времени продолжал функционировать параллельно с петровской Коллегией иностранных дел, а последняя, в свою очередь, в течение ещё более длительного промежутка с министерством, учреждённым манифестом Александра I.

В истории отечественной дипломатии известен, по всей видимости, уникальный в мировой практике случай сосуществования в отдельных странах Европы заграничных учреждений НКИД (после Октябрьской революции 1917 г.) и посольств старого режима – Российской империи, не просто остававшихся «осколками исчезнувшей империи» и оплотами белой эмиграции, но частично продолжавших выполнять дипломатические (сбор политических и со-

<sup>1</sup> Зонина Т.В. Дипломатия: Модели, формы, методы. М.: Аспект Пресс, 2018.

<sup>2</sup> Дестерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М.: Навона, 2010. С. 13.

<sup>3</sup> Долгов В.И., Лебедева О.В. Консульская служба Российской Федерации на современном этапе. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 4.

циально-экономических сведений, информационно-разъяснительная работа) и консульские (содействие в получении нансеновских паспортов соотечественникам и т. п.) функции [4]. Объединённые под эгидой Совета послов, руководимого главой посольства в Риме М. Н. Гирсом, последние островки имперского дипломатического архипелага ушли под воду лишь во второй половине 1930-х годов, причём ряд таких представительств, по сути, преобразовался в продолжившие работать в том же ценностно-смысловом и идеологическом русле общественные организации [5]. Этот феномен, получивший уже достаточно, пусть и не исчерпывающее описание в научных и публицистических трудах, приведён исключительно для иллюстрации того, насколько неоднозначен и открыт вопрос об окончательном переходе от царской дипломатии к советской или «когда должна была умереть и фактически умерла Империя» [6] вместе с дипломатической системой как её неотделимым атрибутом, ведь империя без внешней политики и международных связей, в сущности, ничто.

Парфразируя известное высказывание итальянского политического деятеля и философа Дж. Ла Пира о городах, можно сказать, что некоторые дипломатические институты сохраняются, а главное – сама дипломатия остаётся, даже когда государства уходят в небытие.

Таким образом, учитывая то обстоятельство, что институциональные реорганизации и нововведения, как правило, не только запаздывают, но, в принципе, являются собой лишь отражение и реакцию на объективные процессы и едва ли определяют логику протекания этих процессов (в данном случае международных), то ориентироваться на первые для периодизации и тем более объяснения вторых с научной точки зрения вряд ли оправданно.

Проблема временного лага проявляется, *во-первых*, в том, что каждый новый институт должен «отстояться» и пройти проверку на прочность, особенно в периоды турбулентности.

Такую проверку, не прошло, например, Министерство внешних сношений СССР, создание которого за счёт объединения МИД и Министерства внешнеэкономических связей при иных условиях могло бы стать важной вехой в истории отечественной экономической дипломатии. Тем не менее поскольку соответствующее решение было принято в конце 1991 г., полтора месяца существования органа стали разве что лебединой песней дипломатической службы уже агонизирующей советской системы.

*Во-вторых*, зачастую изменения происходят настолько стремительно, что проблемы вызывает даже не предвидение их последствий, но сам факт осознания происходящего здесь и сейчас. Темпы исторических и в особенности миро-политических процессов, которые ещё

<sup>4</sup> Русская дипломатия в эмиграции. Вызов Октябрю 1917 г. Проект РСМД // URL: <https://russiancouncil.ru/russian-diplomacy-1917>

<sup>5</sup> Миронова Е. М. Совет послов Русского Зарубежья // Международная жизнь. 2011. № 13.

<sup>6</sup> Зыгарь М. В. Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917. М.: Альпина Паблишер, 2018.

пару десятилетий назад протекали куда более плавно, неуклонно растут, в связи с чем становится актуальным не просто описание действительности постфактум, но применение метода, обозначаемого в современных терминах *now-casting*, т. е. «определение текущей конъюнктуры в режиме реального времени» (по аналогии с *forecasting* – прогнозированием).

В практическом плане подобное ускорение может привести к тому, что на момент принятия политического решения, призванного повлиять на некоторый процесс, ситуация изменится столь кардинальным образом, что реализация связанных с данным решением мер не даст положительных результатов, а при наихудшем сценарии и вовсе усугубит положение. Как следствие, воз-

растает необходимость быстрого и оперативного реагирования на новейшие вызовы и быстро меняющиеся условия, что требует от лиц, принимающих решения, острого политического чутья.

Поскольку в современном мире работа, связанная с регулярным администрированием, тоже становится всё более напряжённой, а взгляды управленцев имеют свойство замыливаться, то отдельные функции всё чаще принято отдавать на аутсорсинг внешним и приглашённым специалистам. В итоге увеличивается роль и ценность профессиональных аналитиков – прежде всего представителей экспертного и научного сообществ – в позитивном описании (как есть) и нормативной разработке (как должно быть) дипломатических мер.

## Научная дипломатия в действии: теория и практика

**С**позиций современного науковедения и теории дипломатии данный вид активности (выработка рекомендаций в рамках целей международной политики) принято соотносить с одним из направлений научной дипломатии как одного из новых измерений внешнеполитической деятельности – «науки в дипломатии» [7].

Два других её трека – упрощение международного научного сотрудничества («дипломатия для науки»), а также использование научных альянсов в целях улучшения би- и мультилатеральных отношений между государствами («наука для ди-

пломатии»). Данные направления тесно связаны между собой и направлены на достижение единой цели научной дипломатии – продвижение национальными акторами (учёными, политиками и дипломатами) интересов государства на мировой арене.

В отечественных науковедческих, социологических и иных гуманитарных исследованиях работы по соответствующей проблематике немногочисленны и носят разрозненный характер, что свидетельствует о том, что в российской исследовательской среде её разработка находится на начальной стадии, в то время как в рамках западной практики научную дипломатию уже принято выделять в ка-

<sup>7</sup> New frontiers in science diplomacy. Navigating the changing balance of power // URL: [https://royalsociety.org/~media/royal\\_society\\_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf](https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf)

честве самостоятельного конструкта, раздела научной и внешней политики, подлежащего как теоретическому, так и прикладному анализу [8].

При том что указанное направление стало полноценным пунктом международной повестки сравнительно недавно (начиная со второй половины 2000-х годов), уместно говорить о том, что связанные с ним практики имели место и ранее.

Например, международное сотрудничество Советского Союза по линии Международной ассоциации политической науки и Международной социологической ассоциации, работа зарубежных организаций поддержки научных исследований в России в 1990–2000-е гг. и др.

Некоторые из практик, допустим, международное сотрудничество в области ядерных исследований по линии ЦЕРН и других аналогичных организаций, продолжают развиваться и в настоящее время, что косвенным образом позволяет судить об их перспективности и практической полезности для участников.

Перечень смежных тем, которые выделяются в качестве главных примеров научной дипломатии, в значительной степени отражает круг интересов зарубежных и пока что в меньшей степени российских экспертов:

- это сотрудничество в области ядерных технологий и нераспространения оружия массового уничтожения;

- сотрудничество по решению климатических проблем, работа

представителей науки в аппаратах внешнеполитических ведомств [8].

Характерно, что в фокус практически не попадают возможные спорные последствия расширения пространства научной дипломатии, в частности, формирование экспертных групп, работающих преимущественно в международном или наднациональном поле, у которых складывается собственный круг интересов, – фактически речь может идти о научной дипломатии как плацдарме формирования ещё одной разновидности транснациональных групп, «академических ТНК» [9].

Помимо этого, на современном этапе нуждается в переосмыслении, количественной и качественной оценке фактическое, равно как и потенциальное влияние научной дипломатии на международную жизнь.

Сотрудничество учёных в поле, выходящем за пределы содержательных научных вопросов («дипломатия для науки»), естественно, требует разностороннего рассмотрения.

К примеру, если наиболее успешный опыт такого сотрудничества – формирование наднационального уровня финансирования научных исследований в Европейском союзе [10], то особого внимания заслуживает вопрос о том, как именно это сотрудничество сказывается на национальных научных сообществах стран – членов ЕС.

Наличие подобной связи зиждется на уже доказанной гипотезе о не-

<sup>8</sup> Панченко В. Я., Торкунов А. В. Учёный как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // URL: <https://rg.ru/2017/06/26/kak-nauchnoe-sotrudnichestvo-pomogaet-resheniiu-mezhdunarodnyh-problem.html>

<sup>9</sup> Kauppinen I. Academic capitalism and the informational fraction of the transnational capitalist class // *Globalisation, Societies and Education*. 2013. № 1.

<sup>10</sup> Ибрагимова К. А. Европа 2030: Рамочная программа Европейского союза по исследованиям и технологическому развитию // *Обозреватель–Observer*. 2017. № 11.

разрывной связи в современном мире внутренней, внешней и наднациональной политики. Данный взгляд, разделяемый большей частью научного сообщества, хорошо иллюстрируется на отдельных под областях дипломатии, в частности экономической [11]. В свою очередь, что касается национальных экономико-дипломатических комплексов, не следует недооценивать (что нередко по-прежнему существует, в том числе в России) роль и потенциал научного сообщества в сглаживании неизбежных конфликтов интересов основных групп их агентов – государственных органов, с одной стороны, и представителей бизнес-сообщества – с другой.

Также в экономическом плане практика участия зарубежных фондов в финансировании исследований в России 90-х годов на уровне, сопоставимом с государственными источниками, подразумевает анализ тех последствий, которые такое положение дел повлекло для российской науки, в том числе в отношении выбора тем для научной разработки, предпочтения российскими учёными отдельных школ и теорий, их карьерных траекторий.

В целом же актуальность исследования практик научной дипломатии предопределена тем, что это направление, находящееся на ранних стадиях развития, имеет все шансы стать значимым для научной политики, а активное участие в формировании его поля со стороны российских деятелей науки всех уровней необходимо для того, чтобы оно сложилось с учётом специфики рос-

сийских проблем и особых точек зрения профессиональных сообществ – как научного, так и дипломатического.

Что касается имеющегося научного задела рассматриваемой области знания, следует учитывать, что если в России превалирует понимание науковедения, сложившееся в СССР, которое подразумевало в первую очередь обобщение и практическое применение количественных данных о науке, то в западных странах направление *science studies* сформировалось как объединение истории, философии и социологии науки с преобладанием качественных подходов к изучению научной деятельности. И сейчас развитие «научной дипломатии» движется именно по линии *science studies*, т. е. преимущественно с опорой на качественные исторические и социологические методы. Одновременно данное направление напрямую связано с полем теории международных отношений. Данной дисциплине, изначально сложившейся, в свою очередь, как ответвление политологии, тоже свойственны качественные подходы, и, таким образом, научную дипломатию следует относить к «понимающим» направлениям, в которых не идёт речь об установлении количественных закономерностей, а акцент делается на детальном анализе явлений.

Логичным образом данная сфера НИР развивается как международная – журнальные публикации и многие монографии демонстрируют широкий географический разброс как авторов, так и цитирований.

<sup>11</sup> Райнхардт Р. О. Экономическая дипломатия ведущих европейских стран. М.: МГИМО-Университет, 2016.

Одновременно этот круг позволяет выделить ряд центров, занимающих ведущие позиции.

В первую очередь, следует назвать *Лондонское Королевское общество*, иностранный секретарь которого М. Полякофф был одним из инициаторов создания систематизированного исследовательского подхода к научной дипломатии [12]. Интерес со стороны **Великобритании** во многом связан с тем, что её правительственные структуры располагают одной из самых разветвлённых сетей научных советников, включающей главного правительственного советника по науке, который руководит Научным бюро правительства, научных советников, представленных практически в каждом из министерств, а также научно-инновационную сеть, куда входят все представители науки, работающие в правительственных ведомствах. Определяющее значение для формирования направления в своё время имел доклад «Новые рубежи научной дипломатии», подготовленный Центром научной политики Королевского общества [7].

В **США** роль первой скрипки принадлежит *Центру научной дипломатии Американского общества продвижения науки*. Под эгидой общества с 2012 г. издаётся главный профильный журнал – «Наука и дипломатия» [13]. Фактически

именно вокруг этого издания складывается круг авторов, претендующих на роль лидеров нового направления. Разброс тем издания достаточно широк, однако в качестве наиболее часто появляющегося тематического пласта можно выделить научное сотрудничество США с развивающимися странами. В этом смысле представления о научной дипломатии перекликаются с концепцией «мягкой силы», предполагающей возможность продвижения национальных интересов с опорой на привлекательность культурных достижений. Более того, в данном контексте уместно говорить уже не о «мягкой силе» в исходных терминах Дж. Ная, но о так называемой «умной силе», трактуемой в основном как сочетание «мягкой» и «жёсткой» силы в ключе стратегического применения всего дипломатического арсенала (убеждение, принуждение, развитие компетенций и т. д.), а также придания такому применению политически и социально легитимной природы [14]. Подобный подход в достаточной степени коррелирует с исторически сложившейся смычкой Госдепартамента и национальных спецслужб в области практической и оперативной работы по обозначенному направлению: должности научного атташе или советника по науке посольства США, согласно опубликованным са-

<sup>12</sup> Харитонова Е. М. Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 2.

<sup>13</sup> Science & Diplomacy. A quarterly publication from the AAAS Center for Science Diplomacy // URL: <http://www.sciencediplomacy.org/>

<sup>14</sup> CSIS Commission on smart power. A smarter, more secure America // URL: [https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy\\_files/files/media/csis/pubs/071106\\_csissmartpowerreport.pdf](https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf)

мими американцами данным, изначально служили прикрытием для резидентов и использовались в виде эвфемизма для их обозначения [15]. Убежденность в необходимости дальнейшего фактически открытого развития научно-технологической разведки разделяется большей частью научно-дипломатического исследовательского сообщества, что находит отражение в стратегических доктринах.

До некоторой степени альтернативное по отношению к англосаксонской традиции восприятие «науки в дипломатии» присуще французским экспертам. В его основе явно прослеживается диалектическое противоречие между великодержавным наследием, богатыми традициями, с одной стороны, и определённым снижением влияния на современные глобальные процессы вследствие усиления позиций развивающихся стран вне европейского континента – с другой. Эффективным ответом на соответствующие вызовы учёным, а также лицам, принимающим решения, видится, *во-первых*, перевод научной дипломатии на экономические рельсы («экономизация», подробно рассмотренная ранее [11, с. 168]), а *во-вторых*, выделение и адресное стимулирование наиболее перспективных, передовых отраслей науки. В частности, по мнению П.-Б. Руфини, одной из немногих таких отраслей, в которых **Франция** сохраняет

лидерские позиции, выступает математика, и в силу этого именно математики могут сыграть роль в росте популярности французского языка, французского образования и французской культуры в целом [16]. Внимание математиков, других адептов точно- и естественно-научных методов к дипломатии исторически восходит к Б. Паскалю и Ф. де Кальеру, следовательно, ставка на их преемников при сочетании традиций и инноваций видится вполне обоснованной.

Наряду с Европой и Америкой исследования взаимосвязей науки и дипломатии также активно проводятся и в развитых странах других частей света: **Азии** (главным образом в **Японии**), **Австралии** и **Океании**.

Так, заметное место в продвижении научной дипломатии играет группа исследователей из **Новой Зеландии**, представители которой составили большинство среди авторов, по сути, первой коллективной монографии по данному направлению [17].

Основным центром выступает Университет Отаго, а ключевыми фигурами – профессор Л. Девис и главный научный советник премьер-министра Новой Зеландии П. Глукман.

Центральными темами для этой группы, которая активно сотрудничает с зарубежными, и в первую очередь американскими, коллегами,

<sup>15</sup> Райнхардт Р. О., Мозебах В. А. Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики // Человеческий капитал. 2017. № 12.

<sup>16</sup> Ruffini P.-B. Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Cham: Springer, 2017. P. 32.

<sup>17</sup> Davis L., Patman R. Science Diplomacy: New Day or False Dawn. Singapore: World Scientific, 2015.

является участие учёных в международном сотрудничестве по проблемам экологии.

Что же касается развивающихся стран и, в частности, тех из них, которые обладают высоким научно-

технологическим потенциалом (**Житай, Индия, Бразилия** и др.), то на текущем этапе они предпочитают заниматься не теорией, а практическим претворением в жизнь идей научной дипломатии.

## МГИМО как бастион российской научной дипломатии

**Е**сли говорить о состоянии дел в России, то одним из немногих, исторически первым, продолжающим сохранять позиции и преумножать потенциал в данной области, остаётся МГИМО МИД России, празднующий в нынешнем году 75-летний юбилей. Его уникальный характер и без преувеличения главенство в российской научной дипломатии определяется прежде всего тем, что в институте ведётся активная работа по всем трём её направлениям («наука в дипломатии», «дипломатия для науки», «наука для дипломатии»).

В настоящее время второй и третий трек соответственно входят в зону ответственности и компетенций таких административных подразделений, как:

1. *Международное управление, Управление магистерской подготовки, Европейский учебный институт, Институт международных отношений и управления*, занимающиеся реализацией программ и мероприятий по научно-академическому обмену, участвующие в организации зарубежных стажировок собственных профессоров, преподавателей и студентов («исходящая академическая дипломатия») и привлечением последних из-за рубежа («входящая академическая дипломатия»), при этом нацеленных на общее повышение международной академической мобильности.

2. *Управление научной политики, Центр научных и инновационных проектов, Российская ассо-*

*циация международных исследований (РАМИ)*, которые способствуют созданию, консолидации и институционализации альянсов между отечественными и зарубежными учёными за счёт установления контактов во время научно-практических мероприятий (конференций, круглых столов, семинаров и т. п.) и выполнения совместных исследований в рамках проектов, финансируемых как из собственных средств университета, так и с привлечением внешних источников финансирования (гранты РНФ, РФФИ, других фондов и организаций).

При том что в административном плане первое направление курируется проректором по магистерским и международным программам, а второе – проректором по научной политике, они тесно связаны, переплетены между собой и служат единой цели – укреплению позиций МГИМО в мировом научном и образовательном пространстве.

Реальными плодами и осязаемыми результатами такой деятельности можно считать:

- заключение и функционирование соглашений о сотрудничестве с ведущими зарубежными научно-исследовательскими и академическими центрами, в том числе фигурирующими в международных рейтингах (*QS World University Rankings, Global Go To Think Tank Index*, в которые входит и сам университет);

- проведение на регулярной основе конвентов РАМИ, а также иных научных форумов и встреч между-

народного уровня (например, с представителями Университета Тафтса, Сен-Эндрюс, Рединга и др.), равно как и другие более точечные, однако отличающиеся своим многообразием мероприятия. Аналогичная работа ведётся параллельно также на уровне всех факультетов МГИМО.

Возвращаясь к первому треку («наука в дипломатии»), следует отметить особую роль, *во-первых*, специальных подразделений (институциональный фактор) и, *во-вторых*, отдельных учёных (фактор личности).

Относительно первого необходимо подчеркнуть системообразующую роль Института международных исследований (ИМИ) – преемника и продолжателя аналитических традиций Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений, созданной в 1976 г. и действовавшей до 1990 г., Центра международных исследований (1990–2004 гг.) и Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.).

На сегодняшний день в структуру ИМИ входят 11 подразделений, занимающихся системным исследованием региональных и функциональных (в соответствии с ведомственным подходом Министерства иностранных дел) аспектов международной тематики.

В автономном режиме, однако плотно взаимодействуя с ИМИ, также действуют три центра (военно-политических исследований, комплексного Китаеведения и региональных проектов, международной информационной безопасности и научно-технологической политики) и созданная в 2018 г. Лаборатория анализа международных процессов, работающая под научным руководством профессора Дармтутского колледжа У. Уолфорта – одного из ведущих теоретиков современных международных отношений и основоположников парадигмы неоклассического реализма.

Наряду с продолжающимся совершенствованием уже существующей инфраструктуры выдвигаются

оптимизационно-рационализаторские предложения по её расширению путём внедрения дополнительных элементов, в частности, Центра исследований новых видов дипломатии.

Обращая дискурс ко второму – личностному – фактору, сложно перечислить всех сотрудников, внёсших тот или иной вклад в развитие международных научно-академических связей МГИМО. Более того, в силу специфики института – исторически и особенно на современном этапе – скорее уместно говорить практически об отсутствии сотрудников, не имеющих подобных заслуг. Разумеется, такой вклад сильно варьируется и в количественном и в качественном плане, зависит от научной специализации, занимаемой должности и иных обстоятельств. Тем не менее едва ли будет преувеличением утверждение о том, что большая часть административного персонала, равно как и почти весь профессорско-преподавательский состав МГИМО, суть «научные дипломаты».

Упомянуть поимённо только избранных было бы неэтично и некорректно по отношению к остальным, однако с учётом того, что многие задействованы на описанных выше функционально-практических участках работы (второй и третий треки), имеет смысл особо выделить роль одного из наиболее ярких деятелей первого (теоретического) измерения научной дипломатии – профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Т. В. Зонову, чья деятельность недавно была отмечена именной Благодарностью Президента России В. В. Путина.

Высокая награда – не просто дань уважения, но констатация значимости вклада в развитие комплексной теории дипломатии, при том что в отечественном научном сообществе Т. В. Зонина была пионером и одним из основоположников данного направления. Её монография

«Дипломатия: модели, формы, методы» [1], носящая фундаментальный характер, выдержала не одно переиздание и на протяжении уже многих лет широко используется в образовательном процессе при подготовке специалистов-международников.

В работе развиваются и углубляются идеи, ранее изложенные в докторской диссертации Т. В. Зоной, посвящённой эволюции структур, форм и методов в дипломатической службе Италии (1995 г.), а также нашедшие отражение в первом в стране системном труде по дипломатико-теоретической проблематике – учебнике «Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития» (2003 г.). Все названные книги, неоднократно отмеченные различными премиями, пользуются широкой популярностью не только у студентов, но также в среде практикующих специалистов, и особенно сотрудников МИД России. Присвоение автору дипломатического ранга Советника 1 класса, а также тот факт, что на протяжении семи лет (2000–2007 гг.) она возглавляла кафедру дипломатии МГИМО, вполне позволяет назвать её истинным «дипломатом от науки».

В трудах Т. В. Зоной наряду с описанием и подробным анализом особой и во многом самобытной модели российской дипломатической службы представлено холистическое видение процессов трансформации дипломатических систем, современниками и свидетелями которых мы являемся. В целом для дипломатии новейшего периода характерны следующие феномены:

1. *Глобализация, регионализация и интеграция* – влекущие за собой повышение роли международных организаций, стирание граней меж-

ду внешней и внутренней политической, равно как и между мировой политикой и экономикой в условиях трёх пост-: постбиполярного мира, постсовременных государств и в целом наступления эпохи «постправды», в которой определяющее значение приобретает не объективная реальность, но зачастую её искажённое отражение в массовом сознании (фейк-новости и т. п.) [18]. В связи с этим стоит отметить, что сочетание двух разнонаправленных трендов – конвергенции (превращение мира в «глобальную деревню») и дивергенции (обострение отношений как между отдельными странами, так и их объединениями, блоками, увеличивающийся разрыв между авангардом и арьергардом членов международного сообщества) – приводит к развитию дипломатии «на разных скоростях».

2. *Трансформация внешнеполитических институтов и структур* – в рамках которых министерства иностранных дела, аналогичные им и смежные ведомства утрачивают свою классическую роль монополиста в области разработки, принятия, реализации и последующей оценки эффективности решений и приобретают роль координатора таких процессов. В рамках последних функции участников зачастую пересекаются и даже дублируются, при этом вся система становится многоуровневой по своей архитектуре и демократичной по природе. Всё это происходит на фоне сокращения бюджетов соответствующих ведомств, перераспределения государственных финансовых ресурсов в пользу

<sup>18</sup> Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 2.

других, в частности военных, а также снижения численности и изменения роли их сотрудников.

«Классические» дипломаты широкого профиля исчезают как класс, а на смену им приходят профессионалы-специалисты в сферах, где имеет место международное сотрудничество. Это явление наблюдается не только в экономической и научной дипломатии, но и в таких областях, как, например, трансграничное взаимодействие по вопросам сельского хозяйства и кибербезопасность. С одной стороны, оно ставит вызов перед всем дипломатическим комплексом, с другой – требует от индивидов приобретения новых знаний и компетенций, а иногда и вовсе профессиональной переквалификации.

С тем чтобы активно противостоять таким вызовам и реагировать на качественное изменение обстановки, в «кузницах кадров» запускаются новые образовательные программы (например, подготовка в МГИМО сельскохозяйственных атташе и «спортивных дипломатов»), работают специализированные центры (в частности, упомянутый Центр международной информационной безопасности и научно-технологической политики), где проводятся профильные исследования.

3. *Переход дипломатии «на цифру»* – выражающийся в появлении «твипломатии», «фейсбук-дипломатии», виртуальных посольств и т. п., вплоть до носящих маргинальный характер вариантов государствен-

ного управления отдельными территориями по скайпу [19].

Речь идёт не просто об ускорении и изменении методов международной коммуникации, но о появлении принципиально новой, отчасти параллельной реальности, в которой в качестве ключевых игроков орудуют альтернативные дипломатам интернет-активисты, хакеры, сотрудники спецслужб и др.

Подтверждением этому могут служить новейшие кейсы Дж. Ассанжа, находившегося в течение длительного времени на территории посольства Эквадора в Лондоне, или скажем, недавнее назначение Данией посла в Силиконовой долине [20].

В связи с этим информационная безопасность становится одним из ключевых, если не самым главным пунктом международной повестки, которая обсуждается в глобальном масштабе на всех площадках – от ООН до форумов Совета молодых дипломатов МИД России. Более того, руководящим звеном российского внешнеполитического ведомства активно прорабатывается вопрос о создании в нём специального департамента, в чьё ведение входила бы указанная тематика. Каким образом такой проект институционализации будет реализован и приобретёт ли он характер «самосбывающегося пророчества», покажет время, однако дискуссия вокруг него недвусмысленно свидетельствует о том, что ситуация назрела и нахо-

<sup>19</sup> Dieser afrikanische König arbeitet als Mechaniker und regiert sein Volk via Skype // URL: <https://www.curioctopus.de/read/6497/dieser-afrikanische-koenig-arbeitet-als-mechaniker-und-regiert-sein-volk-via-skype>

<sup>20</sup> Зюнова Т. В. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/>

дится под пристальным вниманием лиц, принимающих решения.

Наряду с этим перед ними также встают технические вопросы, например, о том, как скоро выдача агреманов перейдёт в плоскость социальных сетей, или следует ли воспринимать досмотр личных вещей дипломатического агента новейшими сканерами и металлодетекторами, установленными в аэропортах, как нарушение иммунитетов, прописанных в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Можно предположить, что такая постановка вопросов всё больше обуславливает необходимость пересмотра нормативной базы в области международного права.

4. *Развитие новых видовых* (экономическая, научная, религиозная и др.) и *смысловых* (открытая, публичная, сетевая) *измерений дипломатии* наряду с возрастанием активности новых дипломатических акторов: ТНК, НКО, международных отделов государственных органов и частных компаний, международных и наднациональных организаций, церквей и конгрегаций, фондов, научно-исследовательских цен-

тров, наконец, частных лиц, таких как звёзды спорта и шоу-бизнеса, выступающие послами доброй воли, в том числе под эгидой ООН. Составить полный и исчерпывающий список всего многообразия форм и участников современных дипломатических процессов на деле невозможно.

5. То же относится и к новым формам организации данных процессов, например, *передаче ряда представительских и консульских функций вспомогательным структурам* – от визовых центров до более изоциранных вариантов внешнеполитического аутсорсинга: отстаивание национальных интересов дипломатическими ведомствами других стран или вовсе наднациональными органами, функционирование миссий по правам собственности и секций интересов. Неоднозначность международно-правового регулирования подобных институтов, с одной стороны, но и их потенциал в ключе налаживания двусторонних отношений и урегулирования конфликтов, с другой стороны, не следует недооценивать.

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть, что современная внешняя политика остро нуждается не просто в профессионалах, но также в теоретической базе и самих теоретиках. Иначе говоря, дипломатии не хватает науки и учёных, однако МГИМО и его отдельные сотрудники активно работают над восполнением этого пробела.

Так, важным событием для развития исследований научной дипломатии не только в институтском, но и во всероссийском масштабе стал прошедший в мае 2017 г. круглый стол «Современная научная дипломатия: опыт России и Великобритании», организованный совместно РФФИ, МГИМО и Лондонским Королевским обществом. Центральной темой обсуждения было развитие научных каналов связи, способных брать на себя часть нагрузки, с которой не справляются политические каналы, а также замещение в международных коммуникациях языка идеологии языком науки.

В целом эта линия была продолжена в статье академиком РАН В.Я. Панченко (председатель совета РФФИ) и А.В. Торкунова (ректор МГИМО) «Учёный как дипломат», опубликованной в сентябре 2017 г. в «Российской газете», где делался акцент на роли учёных в формировании международного порядка [8].

Данная линия прослеживается и в многочисленных работах научной школы МГИМО, представленной сотрудниками различных структурных подразделений и кафедр: А. В. Шестопапом, М. В. Силантьевой, Н. В. Литваком, В. И. Конновым (кафедра философии), П. И. Касаткиным, М. Д. Крынжиной, Д. А. Талагаевой, М. В. Харкевичем, И. А. Чупровой, А. О. Домановым, Р. О. Райнхардтом, О. Н. Барабановым, К. А. Ибрагимовой, Е. Я. Павловым и др., что свидетельствует об её активном поступательном развитии в русле междисциплинарного диалога.

Подводя итог и смотря в будущее, остаётся выразить надежду, что наряду с «бастионом студенческой дружбы» (строки из гимна, сочинённого министром иностранных дел С. В. Лавровым) МГИМО также и впредь будет оставаться «бастионом научной дипломатии».

## Библиография • References

- Дегтерев Д. А.* Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М.: Навона, 2010. – 176 с.  
 [Degterev D. A. Ekonomicheskaja diplomatija: ekonomika, politika, pravo. M.: Navona, 2010. – 176 s.]
- Долгов В. И., Лебедева О. В.* Консульская служба Российской Федерации на современном этапе. М.: МГИМО-Университет, 2011. – 184 с.  
 [Dolgov V. I., Lebedeva O. V. Konsulskaja sluzhba Rossiskoi Federazii na sovremennom etape. M.: MGIMO-Universitet, 2011. – 184 s.]
- Зонова Т. В.* Дипломатия: Модели, формы, методы. М.: Аспект Пресс, 2018. – 350 с.  
 [Zonova T. V. Diplomatiya. Modeli, formy, metody. M.: Aspekt Press, 2018. – 350 s.]
- Зонова Т. В.* Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/>
- [Zonova T. V. Novoje v diplomatii: ot "TviPlomacy" k "TekhPlomacy" // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/>]
- Зыгарь М. В.* Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917. М.: Альпина Паблишер, 2018. – 910 с.  
 [Zygar M. V. Imperija dolzhna умерet'. Istorija russkikh revoluzii v lizakh. 1900–1917. M.: Alpina Pablisher, 2018. – 910 s.]
- Ибрагимова К. А.* Европа 2030: Рамочная программа Европейского союза по исследованиям и технологическому развитию // Обозреватель–Observer. 2017. № 11. С. 51–61.  
 [Ibragimova K. A. Evropa 2030: Ramochnaja programma Evropeiskogo sojuza po issledovanijam i tekhnologicheskomu razvitiju // Obozrevatel'–Observer, 2017. № 11. S. 51–61]
- Миронова Е. М.* Совет послов Русского Зарубежья // Международная жизнь. 2011. № 13. С. 1–19.  
 [Mironova E. M. Sovet poslov Russkogo Zarubezhija // Mezhdunarodnaja Zhizn. 2011. № 13. S. 1–19]
- Панченко В. Я., Торкунов А. В.* Учёный как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // URL: <https://rg.ru/2017/06/26/kak-nauchnoe-sotrudnichestvo-pomogaet-resheniiu-mezhdunarodnyh-problem.html>

- [*Panchenko V. Ja., Torkunov A. V.* Uchyony kak diplomat: nauka vlijaet na reshenije mezhdunarodnykh konfliktov i problem // URL: <https://rg.ru/2017/06/26/kak-nauchnoe-sotrudnichestvo-pomogaet-resheniiu-mezhdunarodnyh-problem.html>]
- Райнхардт Р. О.* Экономическая дипломатия ведущих европейских стран. М.: МГИМО-Университет, 2016. – 168 с.
- [*Raunkhardt R. O.* Ekonomicheskaia diplomatija veduzhikh stran. M.: MGIMO-Universitet, 2016. – 168 s.]
- Райнхардт Р. О., Мозебах В. А.* Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики // Человеческий капитал. 2017. № 12. С. 28–33.
- [*Raunkhardt R. O., Mozenbach V. A.* Dejatel'nost' attache po nauke: otechestvennyje i zarubezhnyje pratiki // Chelovecheski capital. 2017. № 12. S. 28–33]
- Русская дипломатия в эмиграции. Вызов Октябрю 1917 г. Проект РСМД // URL: <https://russiancouncil.ru/russian-diplomacy-1917>
- [*Russkaja diplomatija v emigratsii. Visovy Oktyabrju 1917 g. Projekt RSMD* // URL: <https://russiancouncil.ru/russian-diplomacy-1917>]
- Харитонова Е. М.* Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 2. С. 61–91.
- [*Kharitonova E. M.* Nauchnaja diplomatija vo vneshej politike Velikobritanii: teoreticheskije i institucionalno-organizacionnie aspekty // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 25. Mezdunarodnie otnoshenija i mirovaja politika. 2018 № 2. S. 61–91]
- Чугров С. В.* Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.
- [*Chugrov S. V.* Post-truth: transformazija politicheskoi realnosti ili samorazrushenije liberalnoj demokratii // Polis. Politicheskije issledovanija. 2017. № 2. S. 42–59]
- CSIS Commission on smart power. A smarter, more secure America // URL: [https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy\\_files/files/media/csis/pubs/071106\\_csissmartpowerreport.pdf](https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf)
- Dieser afrikanische König arbeitet als Mechaniker und regiert sein Volk via Skype* // URL: <https://www.curioctopus.de/read/6497/dieser-afrikanische-konig-arbeitet-als-mechaniker-und-regiert-sein-volk-via-skype>
- Davis L., Patman R.* Science Diplomacy: New Day or False Dawn. Singapore: World Scientific, 2015.– 298 p.
- Kauppinen I.* Academic capitalism and the informational fraction of the transnational capitalist class // Globalisation, Societies and Education. 2013. № 1. P. 1–22.
- New frontiers in science diplomacy. Navigating the changing balance of power // URL: [https://royalsociety.org/~media/royal\\_society\\_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf](https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf)
- Ruffini P.-B.* Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Cham: Springer, 2017. – 132 p.
- Science & Diplomacy. A quarterly publication from the AAAS Center for Science Diplomacy // URL: <http://www.sciencediplomacy.org/>

Статья поступила в редакцию 25 апреля 2019 г.

# Отношения России с соотечественниками за рубежом

## Проблемы конституционно-правового обеспечения

Алёна АКИМОВА

### Направления деятельности российской диаспоры

События, которые происходят во-круг России – санкции стран Запада, нападки мирового сообщества на нашу страну по любому поводу, – стали объединяющими факторами для россиян и способствовали консолидации населения. Русская диаспора равнодушно относится к внутренней и внешней политике России. Активные действия российской диаспоры показали её готовность в разных странах мира принимать активное участие в развитии российского государства и русского общества.

До недавнего времени деятельность русской диаспоры ограничивалась в целом национально-культурной, образовательной, обще-

ственной, научной и религиозной сферами. Однако процессы, происходившие в России в течение последнего года, изменили направления деятельности русской диаспоры – выросла его политическая и правовая активность.

Деятельность русской диаспоры не осталась вне внимания отечественных учёных, однако такие исследования имеют в основном историческое и социологическое направления.

Среди комплексных правовых исследований надо указать диссертационную работу В. В. Вышелавова «Соотечественники, проживающие за рубежом, как фактор национальной безопасности современной России». Также вопросов стату-

---

**АКИМОВА Алёна Олеговна** – аспирант Московского государственного областного университета. *E-mail:* alena\_akimova\_1994@mail.ru

**Ключевые слова:** соотечественники за рубежом, гражданство, диаспора.

са соотечественников касались И. И. Бабин, С. М. Вдовенко, Т. В. Гришук, К. О. Заслонова, Л. Л. Лабенский, К. В. Степаненко, В. М. Наконечный и др.

Внесение изменений в российское законодательство, регулирующее статус соотечественников за рубежом, принятие ряда подзаконных нормативно-правовых актов и фактическая деятельность русской диаспоры обуславливают необходимость проведения комплексного исследования проблемных вопросов, связанных с конституционно-правовым статусом соотечественников за

рубежом и обеспечения их взаимосвязей с Россией.

Сегодня, по разным данным, до 45% этнических россиян живут за пределами России в статусе соотечественников за рубежом (около 20 млн) и граждан России (порядка 8 млн). Среди самых известных организаций соотечественников за рубежом – Всемирный конгресс российских соотечественников, который объединяет более 100 общественных, религиозных, научных и молодёжных организаций из 30 стран мира и поддерживает контакты с российскими общинами семи стран мира.

## Статус россиян за рубежом и его конституционные основы

Россияне, проживающие за рубежом, как показывает анализ, имеют разный статус.

Интересной является классификация, предложенная профессором С. М. Вдовенко, который разделяет соотечественников за рубежом по уровням идентификации на такие категории:

- имеют русское происхождение, но сами не причисляют себя к россиянам, т. е. во время переписи записывают себя к другой национальности;

- записывают себя россиянами и, собственно, по статусу являются соотечественниками за рубежом;

- входят в состав организационных структур этнических обществ и ассоциаций, принимающих участие в деятельности художественно-творческих коллективов, препо-

дают в школах, т. е. транслируют свои национальные убеждения в среде россиян;

- организаторы, руководители российских общин, те, кто больше всего прилагает усилий по сплочению соотечественников за рубежом [1].

Однако приведённая классификация требует уточнения, учитывая такие критерии, как:

- самоидентификация лица как россиянина;

- принадлежность лица к гражданству Российской Федерации или иностранного государства, или же отсутствие гражданства любого государства;

- приобретение статуса соотечественника на основании решения компетентного органа государственной власти.

<sup>1</sup> Вышеславов В. В. Соотечественники, проживающие за рубежом, как фактор национальной безопасности современной России. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 182.

Беря за основу эти критерии, россиян, которые постоянно проживают за пределами страны, можно разделить на следующие группы:

- россияне, которые являются гражданами России и постоянно проживают на территории иностранного государства;

- соотечественники за рубежом, которые получили такой статус на основании решения компетентного органа власти;

- россияне, которые являются гражданами иностранного государства или лицами без гражданства, однако не приобрели статус соотечественников за рубежом.

Представляется интересным проанализировать особенности конституционно-правового статуса соотечественников за рубежом и обеспечения их взаимосвязей с Россией.

Основой правового регулирования конституционно-правового статуса соотечественников за рубежом является Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [2].

В Конституции России нет упоминания об этой категории лиц, поэтому учёные неоднократно предлагали внести соответствующие изменения в Основной закон, в частности, Л. Л. Лабенская и К. А. Заслонова считают целесообразным дополнить ст. 26 Конституции Российской Федерации положением о праве иностранцев и лиц без гражданства по-

лучить в условиях и порядке, установленных законом, статус соотечественников за рубежом [3].

Представляется, что принятия специального законодательного акта вполне достаточно для регулирования статуса соотечественников за рубежом и целесообразность внесения предложенных изменений в Конституцию вызывает сомнение.

Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» закрепляет следующую дефиницию: «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нём и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии» [2].

Анализируя приведённое определение, можно сделать вывод, что соотечественником за рубежом может быть каждый россиянин, который имеет иностранное гражданство или является лицом без гражданства, если он имеет русское этническое происхождение или считается выходцем из России.

На самом деле, правовой статус соотечественника за рубежом лицо приобретает на основании решения компетентного органа государственной власти (согласно ст. 3 Федерального Закона № 99-ФЗ решение о предоставлении, отказе или прекращении статуса соотечествен-

<sup>2</sup> Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_23178/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/)

<sup>3</sup> Лабенская Л. Л. Конституционно-правовой статус русских соотечественников: вопросы практической реализации // Диаспоры. 2015. № 1. С. 26.

ника за рубежом принимает Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом).

Именно поэтому в законодательной дефиниции надо учесть обязательный признак статуса соотечественника за рубежом – его приобретения на основании решения компетентного органа власти. Кроме этого, представляется оптимальным использование в законодательной дефиниции словосочетания «происходит из России» вместо «имеет гражданство Российской Федерации».

Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» предусматривает следующие условия предоставления лицу такого статуса:

- российская самоидентификация;
- российское этническое происхождение или происхождение из Российской Федерации;
- письменное обращение о желании иметь статус соотечественника за рубежом;
- достижение лицом 16-летнего возраста;
- отсутствие российского гражданства.

Вызывает определённые замечания законодательное положение о достижении лицом 16-летнего возраста как обязательного условия получения статуса соотечественника за рубежом.

Вероятно, целесообразно законодательно закрепить возможность обретения ребенком, у которого отсутствует российское гражданство, статуса соотечественника за рубежом при условии наличия у одного из его родителей такого правового

статуса по заявлению родителя, который обладает этим статусом. Достижение лицом 16-летнего возраста может быть условием личного представления заявления для получения статуса соотечественника за рубежом без получения согласия родителей.

Анализируя положения Закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», необходимо обратить особо пристальное внимание на отсутствие предусмотренного права лица, которому отказано в предоставлении статуса соотечественника за рубежом, на обжалование принятого отрицательного решения Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом в административном порядке.

Законом лишь предусматривается возможность повторного обращения о предоставлении статуса соотечественника за рубежом в Правительственную комиссию, поэтому лицо должно повторно оплатить услуги, связанные с оформлением и выдачей удостоверения соотечественника за рубежом. Конечно, данное лицо может обратиться в суд для защиты своих законных прав и интересов, однако судебное обжалование действий Правительственной комиссии предполагает дополнительные финансовые затраты, а также длительное рассмотрение дела.

Поэтому целесообразно предусмотреть в законе внесудебную возможность и процедуру обжалования решения Правительственной комиссии об отказе в предоставлении статуса российского соотечественника за рубежом.

## Основания предоставления и отказа в статусе соотечественника за рубежом

Среди причин отказа в предоставлении статуса соотечественника за рубежом законом предусмотрено следующее:

- действия, совершённые лицом, которые противоречат интересам национальной безопасности Российской Федерации;

- представление заведомо ложных данных или поддельных документов для получения соответствующего статуса;

- нарушение других требований, предусмотренных порядком оформления и выдачи удостоверения соотечественника за рубежом.

Однако нет законодательного определения, какие именно действия лица могут считаться противоречащими интересам национальной безопасности России, этот вопрос остаётся на усмотрении Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом. Совершенно очевидно, что стоит детализировать указанное основание отказа в предоставлении статуса соотечественника за рубежом и предусмотреть обязательность документального подтверждения совершения лицом указанных действий, например, наличие приговора суда, которым лицо было признано виновным в совершении преступления против основ национальной безопасности России (в сфере охраны государственной тайны, неприкосновенности государственных границ, преступлений против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и других преступлений, которые противоречат интересам националь-

ной безопасности страны). Также среди оснований отказа в предоставлении статуса соотечественника за рубежом целесообразно отметить совершения лицом преступлений против мира, безопасности человечества и международного правопорядка в связи с их особой опасностью и последствиями, к которым они могут привести.

Среди оснований прекращения статуса соотечественника за рубежом закон предусматривает:

- представление лицом соответствующего заявления со дня его регистрации в Правительственной комиссии;

- приобретение соотечественником за рубежом гражданства Российской Федерации;

- если этот статус приобретён в результате представления заведомо ложных данных или поддельных документов;

- если в течение шести месяцев со дня смены имени, фамилии, гражданства или места жительства лицо не сообщило об этом в МИД России или российское дипломатическое учреждение за рубежом;

- если лицо совершило действия, которые противоречат интересам национальной безопасности страны;

- подало заведомо ложные данные или поддельные документы для получения соответствующего статуса.

Положение о возможности утраты лицом статуса соотечественника за рубежом, если в течение шести месяцев со дня изменения имени, фамилии, гражданства или места жительства оно не сообщило об этом в МИД России или наше ди-

пломатическое учреждение за рубежом, представляется нецелесообразным.

С одной стороны, это является основанием утраты действия удостоверения соотечественника за рубежом, поскольку в нём указываются анкетные данные, гражданство и страна проживания лица, но с другой – лишение лица статуса соотечественника за рубежом за несвоевременное сообщение изменения имени, фамилии, гражданства или места проживания является слишком суровым последствием.

В таком случае лицо будет вынуждено повторно обращаться в Правительственную комиссию для получения статуса соотечественника, повторно доказывать своё этническое происхождение, уплачивать соответствующий взнос, ожидать решения Правительственной комиссии и выдачи удостоверения. Такая усложнённая процедура не способствует заинтересованности россиян, проживающих за рубежом, сохранять связь с Россией за счёт получения статуса соотечественника за рубежом.

## Проблемы статуса соотечественника за рубежом

Необходимость совершенствования законодательства России, регулирующего конституционно-правовой статус соотечественника за рубежом, поддерживают сами лица, наделённые этим статусом.

Так, фонд «Русский мир» провёл (Москва, 4–5 марта 2018 г.) Международный форум «Вместе с Россией», где были обсуждены основные проблемы соотечественников и предложено внести изменения в российское законодательство, которые бы предусматривали право для них быть избранными в Государственную думу для участия в защите интересов своих общин, а также формирование в Государственной думе комитетов по работе с россиянами за рубежом и создание Государственного комитета по делам соотечественников за рубежом – центрального государственного органа, который должен осуществлять государственную политику России, касающуюся

соотечественников за рубежом, в частности, правовой, финансовой помощи россиянам и российским общинам, работать над созданием программы возвращения и поддержки граждан России, которые выехали за границу с целью заработка или для реализации своих научных и творческих планов [4].

Однако предоставление иностранцам даже российского происхождения, которыми являются соотечественники за рубежом, права избираться в Государственную думу является нецелесообразным из-за невозможности эффективно работать в законодательном органе из-за постоянного проживания за пределами страны и отсутствия понимания фактической сущности её внутренних и внешних проблем. Предложение по образованию Комитета Госдумы и Центрального государственного органа по делам соотечественников за рубежом целесообразно

<sup>4</sup> Шнирельман В.А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2.

но из-за невысокой эффективности деятельности действующих органов.

Однако создание новых структур не решит всех имеющихся проблем, так как необходимо увеличение государственного финансирования программ сотрудничества с соотечественниками за рубежом и совершенствование законодательного регулирования статуса соотечественников за рубежом, компетенции и порядка деятельности органов власти.

Среди проблем соотечественников за рубежом можно назвать:

- неэффективную деятельность дипломатических и консульских учреждений за рубежом;

- несоблюдение соотечественниками русскоязычного рабочего режима;

- отсутствие межгосударственных соглашений по обеспечению социальных, гражданских и национальных прав россиян в странах их проживания;

- проблемы с пенсионным обеспечением тех соотечественников за

рубежом, которые до выезда за границу работали на российских предприятиях, а также тех лиц, которые выехали за пределы страны, уже получая российские пенсии, и т. п.

В правовой науке встречаются утверждения о важности закрепления права соотечественников за рубежом на двойное гражданство, ведь «сегодня действующий формальный запрет двойного гражданства не способствует ни законодательной легитимизации существующей практики и не служит преградой распространению правового нигилизма в РФ» [5]. Стоит отметить, что часть соотечественников, проживающих в странах, где двойное гражданство не запрещено, фактически являются российскими гражданами и иностранного государства. Однако согласно Закону «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» отсутствие гражданства России является обязательным условием для получения статуса соотечественника за рубежом.

### **Совершенствование законодательства о статусе соотечественника за рубежом**

**В**сё вышесказанное свидетельствует о необходимости совершенствования действующего в России законодательства, регулирующего правовой статус соотечественников за рубежом, и заключения ряда международных договоров о социальном обеспечении, трудовой деятельности

соотечественников и регулирования миграционных процессов.

Политику в отношении россиян за рубежом надо как можно быстрее закрепить на законодательном уровне, а её финансирование провести отдельным пунктом государственного бюджета.

<sup>5</sup> Грищук Т.В. Русская западная диаспора и её роль в развитии гражданского общества // Научный журнал Томского государственного педагогического университета. Серия № 22. Политические науки и методика преподавания социально-политических дисциплин. Вып. 8. Сб. науч. трудов. 2012. С. 29.

Одним из путей улучшения ситуации в этой сфере является создание концептуального акта по определению стратегических основ национальной политики в отношении соотечественников за рубежом [6].

Соотечественники за рубежом принимают участие в предусмотренных законодательством формах в:

- избирательных кампаниях в России в качестве международных наблюдателей;

- инвестиционных проектах, инвестировании денежных средств;

- создании совместных предприятий и развитии взаимовыгодной кооперации;

- помощи в оказании открытия торговых и культурно-просветительских учреждений;

- обеспечении медицинским оборудованием и оказании гуманитарной помощи сиротам, интернатам, общеобразовательным и музыкальным школам, больницам, пострадавшим от чернобыльской катастрофы на территории России;

- финансировании выступлений российских спортсменов на мировой арене;

- учреждении премий за высокие достижения в развитии образования, науки, литературы, искусства;

- оплате обучения российской молодёжи и стажировке учёных

в престижных научно-образовательных центрах Америки и Европы;

- предоставлении стипендий и дотаций и т. п.

Россия должна поддерживать соотечественников за рубежом и не разрывать связи с ними.

Мы должны видеть в россиянах не только объект государственного внимания, но и субъект сотрудничества, что требует дальнейшего совершенствования координации действий органов государственной власти и ведущих центров соотечественников за рубежом [7].

Именно поэтому стоит создать эффективный механизм взаимодействия с иностранцами, которые имеют российское этническое происхождение, поддерживать их стремление к российской самоидентификации с последующим получением статуса соотечественника [8, 9].

В правовом поле одним из первоочередных мероприятий должно стать совершенствование законодательства, регулирующего статус соотечественников, увеличение льгот для лиц, получивших этот статус, организация и участие в финансировании совместных мероприятий, что является важным для российской диаспоры, а также способствует поддержанию заинтересованности молодых россиян в сохранении связей с Россией.

<sup>6</sup> Этнос в своей и инонациональной среде. Материалы советско-американского симпозиума / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. Ереван, 1989. С. 325.

<sup>7</sup> Усманова Л. В поисках национальной идентичности (тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии) // Диаспоры. 2005. № 2.

<sup>8</sup> Бабин И. И. Правовой статус русских соотечественников: особенности конституционного регулирования // Права человека в условиях современного государства: теоретические и практические аспекты. Сб. тезисов докладов по материалам IV Международной научно-практической конференции студентов и молодых учёных (11–12 декабря 2009 г.). Тюмень, 2009. С. 73.

<sup>9</sup> Гиматдинов Р., Насыров И. Участие Республики Татарстан в работе с соотечественниками за рубежом // Обозреватель–Observer. 2019. № 2.

## Библиография • References

- Бабин И.И.* Правовой статус русских соотечественников: особенности конституционного регулирования // Права человека в условиях современного государства: теоретические и практические аспекты. Сб. тезисов докладов по материалам IV Международной научно-практической конференции студентов и молодых учёных (11–12 декабря 2009 г.). Тюмень, 2009. С. 71–73.
- [*Babin I.I.* Pravovoj status russkikh sootchestvennikov: osobennosti konstitucionnogo regulirovaniya // Prava cheloveka v usloviyah sovremennogo gosudarstva: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Sb. tezisov dokladov po materialam IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i molodyh uchyonyh (11–12 dekabrya 2009 g.). Tyumen', 2009. С. 71–73]
- Вышеславов В.В.* Соотечественники, проживающие за рубежом, как фактор национальной безопасности современной России. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009. – 236 с.
- [*Vysheslavov V.V.* Sootchestvenniki, prozhivayushchie za rubezhom, kak faktor nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii. Diss. ... kand. polit. nauk. M., 2009. – 236 s.]
- Гиматдинов Р., Насыров И.* Участие Республики Татарстан в работе с соотечественниками за рубежом // Обозреватель–Observer. 2019. № 2. С. 77–90.
- [*Gimatdinov R., Nasyrov I.* Uchastie Respubliki Tatarstan v rabote s sootchestvennikami za rubezhom // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 2. S. 77–90]
- Гришук Т.В.* Русская западная диаспора и её роль в развитии гражданского общества // Научный журнал Томского государственного педагогического университета. Серия № 22. Политические науки и методика преподавания социально-политических дисциплин. Вып. 8. Сб. науч. трудов. 2012. С. 27–33.
- [*Grishchuk T.V.* Russkaya zapadnaya diaspora i eyo rol' v razvitii grazhdanskogo obshchestva // Nauchnyj zhurnal Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 22. Politicheskie nauki i metodika prepodavaniya social'no-politicheskikh disciplin. Vyp. 8. Sb. nauch. trudov. 2012. S. 27–33]
- Лабенская Л.Л.* Конституционно-правовой статус русских соотечественников: вопросы практической реализации // Диаспоры. 2015. № 1. С. 21–26.
- [*Labenskaya L.L.* Konstitucionno-pravovoj status russkikh sootchestvennikov: voprosy prakticheskoy realizacii // Diaspory. 2015. № 1. S. 21–26]
- Усманова Л.* В поисках национальной идентичности (тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии) // Диаспоры. 2005. № 2. С. 6–39.
- [*Usmanova L.* V poiskah nacional'noj identichnosti (tyurko-tatarskaya diaspora v Severo-Vostochnoj Azii) // Diaspory. 2005. № 2. S. 6–39]
- Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_23178/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/)
- [Federal'nyj zakon ot 24 maya 1999 g. № 99-FZ «O gosudarstvennoj politike Rossijskoj Federacii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom» // URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_23178/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/)]
- Шнирельман В.А.* Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2. С. 6–33.
- [*Shnirel'man V.A.* Mify diaspory // Diaspory. 1999. № 2. S. 6–33]
- Этнос в своей и инонациональной среде. Материалы советско-американского симпозиума / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. Ереван, 1989.
- [Etnos v svoej i inonacional'noj srede. Materialy sovetsko-amerikanskogo simpoziuma / отв. red. YU. V. Arutyunyan. Erevan, 1989]

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2019 г.

# Политика патриотического воспитания студентов в США и Китае

## Сравнительный анализ

Лариса ФЕДОРЧЕНКО

Британский социальный психолог Г. Таджфел ещё в 70-е годы провёл эксперимент, разбив студентов-добровольцев на две случайные группы. Разделение было произвольное, но студентам было сказано, что они якобы были определены в группы по уникальным признакам. После этого стала фиксироваться групповая идентификация. Он назвал группу, с которой студенты себя отождествляли, ингруппой, а другую – аутгруппой. Таджфел обнаружил, что студенты всегда действовали так, чтобы это стало выгодно остальным членам их группы. Иными словами, определив своё социальное место, люди стремятся

повысить статус своих групп, усматривая в этом способ самоутверждения.

К схожим результатам пришёл и профессор психологии Мичиганского университета С. Престон, объясняя данное явление в рамках модели «перцептивного действия», когда появляется эмоциональное состояние: человек испытывает такие же эмоции, как и его близкие, друзья, знакомые по социальным группам, предварительно получая некое представление об их состоянии.

Социальный психолог из Нью-Йоркского университета Дж. Ван Бейвел позже решил повторить экс-

---

**ФЕДОРЧЕНКО Лариса Владимировна** – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения и геополитика транспорта» Института международных транспортных коммуникаций Российского университета транспорта (МИИТ). *E-mail:* kascandra@mail.ru, *SPIN-код:* 2031-6628

**Ключевые слова:** патриотизм, студенты, США, Китай, политика патриотического воспитания.

перимент Таджфела, но уже с использованием современного оборудования. Сначала он также вольно разделил добровольцев на две группы. После этого их помещали в томограф и предлагали посмотреть изображения членов ингруппы и аутгруппы. Эксперимент дал интересные результаты: когда участники видели изображения членов своей ингруппы, у них активизировалось миндалевидное тело – наиболее древняя структура мозга, отвечающая за эмоциональную валентность. Когда же они видели изображения членов аутгруппы, то подобная активность мозга проявлялась намного меньше [1]. Кроме того, когда участники просматривали фотографии представителей своей ингруппы, у них активизировалась веретенообразная лицевая часть зрительной коры головного мозга, играющая важную роль в оценочной деятельности.

Профессор психологии Мэрилендского университета А. Круглански предложил теорию «когнитивного укрытия», проведя исследования в Пакистане, Индонезии и Индии. Согласно его предположению, человек, причисляющий себя к определённой группе, меньше испытывает чувство тревоги, слабости.

Как видно, существующие исследовательские разработки и теории выявляют тесную связь между психологической природой человека и его самоидентификацией, что заставляет современные системы об-

разования учитывать данный фактор в формировании гражданина через технологии патриотического воспитания.

Всё больше к аспекту патриотизма обращаются и отечественные политологи. Но особенность их работ заключается в выборе аксиологического (ценностного) подхода к научной проблеме.

Как отмечает главный эксперт Центра изучения проблем национальной и международной безопасности из Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского А. В. Рудаков, «...политика в области патриотического воспитания должна быть нацелена на реализацию сложной и долгосрочной стратегии. Она должна включать в себя проблемы семейного воспитания, укрепления исторического сознания, проблемы более широкого использования в идеологической и воспитательной работе символической и обрядовой стороны, преодоление недооценки их значимости, разумного сочетания местной, региональной и общегосударственной символики...» [2, 3].

**Б**ольшое значение патриотическому воспитанию уделяется в вузах Соединённых Штатов Америки. Основная цель американского воспитания – формирование и развитие личности гражданина-патриота своей страны, профессионала, нацеленного на постоянное самосовер-

<sup>1</sup> Пьоре А. Почему мы патриоты // URL: <http://inosmi.ru/social/20151207/234705376.html>

<sup>2</sup> Рудаков А. В. О проблемах совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2018. № 1.

<sup>3</sup> Штоль В. В. Патриотизм на словах и на деле // Обозреватель-Observer. 2017. № 1.

шенствование [4]. Базовые условия патриотического воспитания американских студентов следующие:

– наличие целенаправленной государственной политики, проявляющейся в ежедневном контроле и заботе со стороны соответствующих органов о развитии у американской молодёжи высоких патриотических чувств;

– учёт наиболее полного совпадения интересов различных акторов – американского государства, армии, каждого гражданина – в обеспечении национальной безопасности страны.

В 2014 г. на базе Высшей школы экономики (ВШЭ) был проведён опрос 1399 российских и 382 американских студентов-бакалавров (Принстонский университет) по вопросам патриотизма.

Исследование показало, что у большинства студентов Принстонского университета доминирует ориентация на ценности либеральной демократии.

23% студентов считают, что страна «может существовать только как великая держава», тогда как 16% высказались, что «нашу страну должны бояться, только тогда её будут уважать». У опрошенных российских студентов (МГИМО, ВШЭ, МГУ) соответствующие показатели равны 62% и 50% [5].

Примечательно, что американские студенты миролюбивее рядовых американцев. Это можно объяснить тем, что у студентов США

есть более критическая оценка источников политической информации, тогда как рядовые американцы больше подвержены манипулятивному воздействию со стороны национальных и мировых средств массовой информации, так как патриотическое воспитание в американских вузах связано с формированием в рамках гуманитарных дисциплин и сократического метода преподавания так называемого критического мышления, направленного на поддержание эффективной культуры инноваций, в которой заинтересован бизнес – основной работодатель американских студентов [6].

М. Нуссбаум не случайно усматривает в любых попытках современных американских политиков более жёстко ориентировать систему образования на экономический рост серьёзную угрозу для будущего страны и выступает за сохранение той модели, когда американские студенты обязаны выбирать большое количество курсов, в том числе и значительное число социально-гуманитарных дисциплин.

По мнению Нуссбаум, данная модель оптимальна для воспитания образованного, самостоятельного и благожелательного гражданина демократического государства.

Справедливость в качестве оценки действий страны поддерживают 71%, а интересы страны – 6% американских студентов.

<sup>4</sup> Новашина М. С. Концепция воспитания чувства патриотизма у студентов США // Культура: теория и практика. 2017. Вып. 4 (Июль-август) // URL: <http://theoryofculture.ru/issues/77/977/>

<sup>5</sup> Урнов М., Касамава В. Как любят родину американские и российские студенты элитных вузов. Сложный анализ на патриотизм // Независимая газета. 2017. 25 апреля // URL: [http://www.ng.ru/scenario/2017-04-25/9\\_6981\\_patriotism.html](http://www.ng.ru/scenario/2017-04-25/9_6981_patriotism.html)

<sup>6</sup> Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014.

При этом среди заявивших о важности для страны равенства всех граждан перед законом доля равняется 97%.

Удельный вес высказавшихся, что для США важна гарантированность прав меньшинств, – 94% (у российских студентов – 92% и 62% по тем же показателям). У американских студентов мнения о будущем своей страны более спокойные и последовательные, чем у российских. Уровень тревожности у студентов Америки тоже заметно ниже.

Но возможно ли это связать с патриотическим воспитанием?

Специалисты отмечают: «...Вневоинсковая подготовка (патриотическое воспитание) американской молодёжи осуществляется на двух уровнях: первый охватывает подростков – учащихся школ, а второй – студентов университетов и колледжей... Второй уровень вневоинсковой подготовки американской молодёжи проводится на так называемых курсах ROTC. По оценке американских экспертов, они являются основным источником пополнения вооружённых сил офицерами, особенно в мирное время. Курсы ROTC с четырёх- и двухлетним сроком обучения для сухопутных сил функционируют примерно при 300 университетах и колледжах США, для ВВС – при 600, для ВМС – при 60. Они финансируются государством, выделяющим значительные денежные ассигнования» [7].

Американское государство целенаправленно практикует разнообразные приёмы воздействия на студенчество и молодёжь для воспитания патриотизма в гражданах [4]. Важнейшими технологиями военно-патриотического воспитания у американских студентов являются:

– пропаганда положительного и созидательного образа «отцов-основателей».

Например, образ флага семантически привязан к конкретным событиям. Это означает, что флаг Штатов вывешивается в день инаугурации, день рождения президента Авраама Линкольна. Тесно связаны американский флаг и Президентский день (раньше – день рождения президента Джорджа Вашингтона). Американская политическая мифология видна и в связи образа флага с таким событием, как День Христофора Колумба.

Также большое значение отводится роли исторических личностей;

– участие традиционных религиозных конфессий в укреплении патриотического духа.

Как правило, «вдохновение верой» включается в риторику американских политиков разного уровня, а также звучит в речах американских президентов, губернаторов;

– пропаганда основных государственных символов. Существуют политические кампании поддержки и распространения образов государственного гимна, герба, флага;

– формирование глубоко уважительного отношения к американским вооружённым силам, воинскому труду как к таковому, военнослужащим США. Это видно на примере пропаганды связи флага с Днем вооружённых сил страны;

– активная популяризация героических поступков военнослужащих во время боевых действий;

– вовлечение молодёжи в разнообразные военно-патриотические клубы и движения;

<sup>7</sup> Балдуков Н., Иваничкин Ю. Патриотизм по-американски // Красная звезда. 2014. 18 февраля // URL: <http://www.redstar.ru/index.php/syria/item/14445-patriotizm-po-amerikanski>

– пропаганда патриотических ценностей, находящая отражение в продукции индустрии комиксов, компьютерных и видеоигр;

– кинематографическая и анимационная пропаганда;

– организация патриотических мероприятий через американские студенческие братства и сестринства;

– работа ветеранских организаций.

Между тем необходимо отметить, что академическая сфера в США довольно автономна и политики откровенного навязывания элементов патриотического воспитания в учебном процессе, что есть, к примеру, в Китае, здесь, конечно, нет. Скорее можно говорить о специфике – уважение к собственной истории у американских студентов органично сочетается с возможностью критики внутренней и внешней политики собственного правительства. Поэтому более активное патриотическое воспитание осуществляется через военно-патриотические клубы и общества, участвовать в которых студентам не воспрещается.

В целом патриотическую политику современных государств имеет смысл изучать не только через кейсы пропаганды, но и через так называемую «систему духовных регуляторов», которая, по мнению некоторых авторов, «...призвана обеспечивать нормальные, упорядоченные взаимодействия лично-

стей, предотвращать и исправлять социальные отклонения (девиации), которые способны дезорганизовать общественную и политическую жизнь...» [8].

**И**нтересно рассмотреть и кейс политики патриотического воспитания студентов в Китае. Это становится особенно актуальным на фоне намечающегося соперничества Вашингтона и Пекина за различные геополитические регионы [9].

В Законе о высшем образовании КНР записано: «Студенты должны соблюдать законы и правила, соблюдать нормы поведения и все правила системы управления учебного заведения, уважать учителей, усердно учиться, повышать уровень физической подготовки, воспитывать в себе патриотизм, коллективизм и социалистическую идеологию, усердно изучать марксизм, ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, обладать прекрасной идеологической нравственностью, обладать относительно высоким научным и культурным знанием и профессиональными навыками» [10].

В китайском варианте патриотического воспитания особая роль уделяется сохранению семейных ценностей, что достигается при воспитании честности, верности, порядочности, сострадания, любви на примере межличностных взаимоотношений.

Важно подчеркнуть, что патриотическое воспитание в среде китайских студентов невозможно пред-

<sup>8</sup> *Абрамов А. В.* К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №. 3.

<sup>9</sup> *Ибрагимов А. Г.* Соперничество США и Китая в Южно-Китайском море // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №. 4.

<sup>10</sup> *Васильева Н.Б.* Патриотическое воспитание студентов в вузах КНР // European Research. 2016. № 9.

ставить без деятельности Коммунистической партии и фактора коммунистической идеологии.

В своё время Министерство образования КНР в вузах запустило кампанию «Я люблю свою родину и буду вечно следовать за партией». Согласно распоряжению министерства элементы патриотического воспитания интегрированы во всю программу обучения, включая учебные материалы и экзамены.

В 2017 г. Департамент по связям с общественностью ЦК КПК официально заявил, что в стране планируется создать 41 новый образовательный центр патриотического воспитания. В итоге общее количество подобных центров вырастет до 428. Образовательные центры будут использовать важнейшие исторические события революционной эпопеи Китая, которые планируется связать с так называемым Великим походом китайских коммунистов 1934–1936 гг., когда китайские солдаты Рабоче-крестьянской красной армии совершили поход с юга на север страны для отражения наступления националистов Гоминьдана и противодействия японским оккупантам.

Как и США, КНР занимается формированием патриотизма в студенческой среде через конкретные технологии:

- патриотическая политика в рамках мероприятий Компартии;

- формирование нормативной среды патриотического воспитания. С появления постановления о праздновании государственных праздников и памятных дат в 1949 г. государственные праздники весны, с 2007 г. праздники начала лета и середины осени используются Ком-

партией для укрепления китайской культуры и традиций. Также в КНР вступил в силу новый закон о патриотическом воспитании;

- использование годовщин исторических событий, празднований для восстановления исторической памяти и исторического сознания.

Например, в Китае проходила «Золотая неделя», посвящённая 68-летней годовщине образования Китайской Народной Республики;

- организация патриотических мероприятий в рамках системы комсомола;

- проведение исторических реконструкций, посвящённых важным событиям Китая;

- создание в университетах специальных предметов по выбору – «Культура праздников», «Фольклорная культура»;

- роль армии.

В 2016 г. китайская армия начала специальный проект, направленный на продвижение патриотических ценностей в студенческие массы. Студентам было разрешено посещать казармы, военные базы и летние лагеря ракетных войск;

- кинематографическая и анимационная пропаганда, цензура. Помимо пропаганды собственных ценностей в Китае действует квота – за год на экраны кинотеатров страны выходит лишь 20 зарубежных фильмов, поэтому иностранные компании, чтобы проникнуть на китайский рынок, вынуждены сотрудничать с местным бизнесом;

- активное использование интернет-коммуникаций для распространения патриотической тематики. Для продвижения патриотических ценностей используется националь-

ная поисковая система *Baidu.com* (аналог *Google*), онлайн-энциклопедия Байдупедия, популярные среди китайских студентов мессенджеры *QQ*, *WeChat*. Также действуют тематические интернет-порталы, посвящённые патриотической проблематике (портал «Дом патриота», «Китайское патриотическое воспитание» и др.), освящающие политические и любые другие современные новости через призму интересов Китая и патриотическую оценку;

– управление политической и общественной повесткой через социальные сети. Китайские власти уже давно осознали, что одной цензурой Интернета, режимами блокировок, практиками файерволла «Великая китайская огненная стена», программами контроля контента типа «Зелёная дамба – сопровождение для молодёжи» и пр. добиться серьёзного доверия со стороны населения в современных условиях уже невозможно. По этой причине практикуется активное взаимодействие властей с блогерами, которые защищают интересы Коммунистической партии и ценности существующего политического режима в самом Интернете. Например, известен кейс использования ресурса микроблогинга *Sina Weibo* (аналог *Twitter*) для создания специальной системы рейтингов, подразумевающей награждение баллами пользователей, обнаруживаю-

щих слабые места в тезисах критиков существующей власти [11, 12].

Третья волна политологического проекта «Глобальное исследование политизации социальных сетей» показала, что в Соединённых Штатах и Китае существуют так называемые сетевые политические идентичности, на которые пытаются оказать влияние различные акторы [13]. В условиях наступления сетевого, цифрового общества любому государству важно выигрывать информационную войну за поколение, которое проводит много времени в социальных сетях Интернета. Также важно отметить, что патриотическое воспитание всё больше связано с политическими технологиями и политическим кодированием, когда «...роль конкретных политико-коммуникационных кодов, масштабирующих политическую реальность для граждан, могут выполнять политические месседжи, метафоры, символы, имиджи, бренды, хэштеги, мемы, рингтоны, стеротипы, мифы, симулякры (киберсимулякры), сплетающиеся в общий поток управляемой интересантами политической повестки» [14].

Создаётся впечатление, что это понимают как в Китае, так и в США. Современной России, конечно, необходимо учитывать подобный опыт для защиты своей национальной безопасности.

<sup>11</sup> Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015.

<sup>12</sup> Бахвалов Т. Китай и его прагматичный патриотизм // Мир ПК. 2012. № 6.

<sup>13</sup> Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Белюстин А. А., Федорченко Л. В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3.

<sup>14</sup> Федорченко С. Н. Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 3.

Современные технологии патриотического воспитания активно используются как в американских, так и в китайских высших учебных заведениях. Их сходство в том, что важнейшим модератором патриотической политики выступает государство. И в КНР, и в США государство успешно пользуется формированием патриотических ценностей через сохранение традиций государственных праздников.

Отличие заключается в том, что академическая сфера в США намного более автономна и политики откровенного навязывания элементов патриотического воспитания в учебном процессе, как в Китае, здесь не наблюдается.

Уважение к собственной истории у американских студентов органично сочетается с возможностью критики внутренней и внешней политики собственного правительства. Более активное патриотическое воспитание в США осуществляется через военно-патриотические клубы и общества. Параллельно американское правительство для закрепления патриотических ценностей использует каналы коммерческого сектора (кинематограф, компьютерные игры, комиксы).

Китай практикует схожие приёмы, но более централизованно – через систему органов Коммунистической партии, комсомола, технологии цензуры и квот (особенно в сфере кинематографической продукции). Вместе с тем современный Китай всё больше стремится использовать не традиционные методы политической цензуры, а ориентироваться на активное сотрудничество властей с интернет-пользователями для формирования политической повестки.

## Библиография • References

- Абрамов А. В.* К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №. 3. С. 136–148.
- [*Abramov A. V.* K voprosu o dukhovnykh regulyatorakh politicheskoy zhizni sovremennoogo rossiyskogo obshchestva // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T. 1. №. 3. S. 136–148]
- Бахвалов Т.* Китай и его прагматичный патриотизм // Мир ПК. 2012. № 6.
- [*Bakhvalov T.* Kitay i ego pragmatichnyu patriotizm // Mir PK. 2012. № 6]
- Балуков Н., Иваничкин Ю.* Патриотизм по-американски // Красная звезда. 2014. 18 февраля // URL: <http://www.redstar.ru/index.php/syria/item/14445-patriotizm-po-amerikanski>
- [*Balukov N., Ivanichkin YU.* Patriotizm po-amerikanski // Krasnaya zvezda. 2014. 18 fevralya // URL: <http://www.redstar.ru/index.php/syria/item/14445-patriotizm-po-amerikanski>]
- Васильева Н. Б.* Патриотическое воспитание студентов в вузах КНР // European Research. 2016. № 9. С. 59–63.
- [*Vasil'eva N. B.* Patrioticheskoe vospitanie studentov v vuzakh KNR // European Research. 2016. № 9. S. 59–63]
- Ибрагимов А. Г.* Соперничество США и Китая в Южно-Китайском море // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №. 4. С. 56–67.
- [*Ibragimov A. G.* Soperничество SShA i Kitaya v Yuzhno-Kitayskom more // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2018. T. 2. №. 4. S. 56–67]

- Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015. – 312 с.  
[*Kin Dzh.* *Demokratiya i dekadans media.* М.: VShE, 2015. – 312 s.]
- Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Бelyustin A. A., Федорченко Л. В.* Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №. 3. С. 84–110.  
[*Lyumar' E. M., Fedorchenko S. N., Belyustin A. A., Fedorchenko L. V.* *Final'nyy akkord: III volna issledovaniya politizatsii sotsial'nykh setey Interneta* // *Zhurnal politicheskikh issledovaniy.* 2018. T. 2. №. 3. S. 84–110]
- Новашина М. С.* Концепция воспитания чувства патриотизма у студентов США // Культура: теория и практика. 2017. Вып. 4 (Июль-август) // URL: <http://theoryofculture.ru/issues/77/977/>
- [*Novashina M. S.* *Koncepciya vospitaniya chuvstva patriotizma u studentov SSHA* // *Kul'tura: teoriya i praktika.* 2017. Vyp. 4 (Iyul'-avgust) // URL: <http://theoryofculture.ru/issues/77/977/>]
- Нуссбаум М.* Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014. – 192 с.  
[*Nussbaum M.* *Ne radi pribyli. Zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki.* М.: VShE, 2014. – 192 s.]
- Пьоре А.* Почему мы патриоты // URL: <http://inosmi.ru/social/20151207/234705376.html>
- [*P'ore A.* *Pochemu my patrioty* // URL: <http://inosmi.ru/social/20151207/234705376.html>]
- Рудаков А. В.* О проблемах совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2018. № 1. С. 91–99.  
[*Rudakov A. V.* *O problemakh sovershenstvovaniya gosudarstvennoy politiki v oblasti patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossiyskoy Federatsii* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki».* 2018. № 1. S. 91–99]
- Урнов М., Касамава В.* Как любят родину американские и российские студенты элитных вузов. Сложный анализ на патриотизм // Независимая газета. 2017. 25 апреля // URL: [http://www.ng.ru/scenario/2017-04-25/9\\_6981\\_patriotism.html](http://www.ng.ru/scenario/2017-04-25/9_6981_patriotism.html)
- [*Urnov M., Kasamara V.* *Kak lyubyat rodinu amerikanskie i rossiyskie studenty elitnykh vuzov. Slozhnyy analiz na patriotizm* // *Nezavisimaya gazeta.* 2017. 25 aprelya // URL: [http://www.ng.ru/scenario/2017-04-25/9\\_6981\\_patriotism.html](http://www.ng.ru/scenario/2017-04-25/9_6981_patriotism.html)]
- Федорченко С. Н.* Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №. 3. С. 44–78.  
[*Fedorchenko S. N.* *Politicheskoe kodirovanie: postanovka problemy i komparativistika kommunikatsionnykh tekhnologiy upravleniya massovym soznaniem* // *Zhurnal politicheskikh issledovaniy.* 2017. T. 1. №. 3. S. 44–78]
- Штоль В. В.* Патриотизм на словах и на деле // Обозреватель–Observer. 2017. № 1. С. 32–46.  
[*Shtol' V. V.* *Patriotizm na slovah i na dele* // *Obozrevatel'–Observer.* 2017. № 1. S. 32–46]

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2019 г.

# Госполитика России в сфере исторического образования

## Воспитательный аспект

Екатерина ГУЗЬ

**М**инистерство образования России обратило внимание на необходимость восстановления воспитательной работы в сфере образования лишь в конце 90-х годов.

По итогам коллегии министерства, прошедшей 28 сентября 1999 г., была введена в действие Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 гг., которая выявила ряд факторов, затруднявших реализацию школой своей воспитательной функции. К их числу были отнесены:

- хроническое отставание их (образовательных учреждений. – Авт.) материально-технической базы от современных запросов;
- научно-методическая необеспеченность;
- отсутствие необходимых финансовых средств на организацию деятельности;
- неустроенность и нахождение за чертой бедности большинства членов педагогического коллектива.

Отмечалось также, что периодические журналы по проблемам воспитания и образования оказались практически недоступными для большинства образовательных учреждений. Существенный ущерб в 90-е годы был нанесён социальной инфраструктуре для детей, в результате чего резко уменьшилась доступность культурных центров, театров, музеев, спортивных сооружений. Это стало в первую очередь следствием того, что инфраструктура детского досуга коммерциализировалась, ори-

---

**ГУЗЬ Екатерина Вячеславовна** – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. *E-mail:* ekaterina\_guz@mail.ru

**Ключевые слова:** историческое образование, патриотическое воспитание, гражданственность.

ентируясь на обслуживание культурных запросов состоятельной части населения. Главной причиной создавшегося положения, по мнению представителей Министерства образования, являлось «...отсутствие государственной стратегии в вопросах воспитания детей и молодёжи» [1].

Действительно, со второй половины 80-х годов государственная политика по воспитанию гражданина и патриота оказалась свёрнутой, прежняя мировоззренческая система, «...на которой воспитывалось не одно поколение молодёжи, оказалась практически демонтированной, а новая – чёткая, доступная и понятная всем... не создана» [2].

### Что делать?

Осознание необходимости преодоления критического положения пришло в начале 2000-х годов, когда проблемы общего исторического образования были возвращены в приоритеты государственной политики.

Основные положения новой образовательной стратегии были сформулированы президентом В. В. Путиным в выступлении на заседании Госсовета РФ 29 августа 2001 г. и нормативно-правовых актах, принятых правительством: «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» (постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751), «О концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» (распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2001 г. № 1756-р) и др.

В Национальной доктрине образования впервые было записано, что наряду с воспитанием «...граждан

правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободу личности и обладающих высокой нравственностью...», необходимо развернуть патриотическое воспитание молодёжи [3]. Доктрина впервые в новейшей истории России акцентировала внимание на особой роли исторического и обществоведческого образования не только в гражданско-правовом воспитании молодёжи, но и в формировании у неё гражданственности на основе соответствующих духовно-нравственных и патриотических качеств.

Однако единая трактовка понятия «гражданственность» в документе отсутствовала. Что касается специалистов, то здесь под гражданственностью принято понимать способность личности пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности как в личных интере-

<sup>1</sup> Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 гг. О реализации решения коллегии от 28 сентября 1999 г. № 19 (с изм. на 14 июля 2000 г.). Приказ Министерства образования Российской Федерации от 18 октября 1999 г. № 574 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753440>

<sup>2</sup> Федосов А. В. Кризис патриотического воспитания в России в конце XX в. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 6. С. 244.

<sup>3</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 г. Москвы «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html>

сах, так и на благо общества. Гражданственность в конечном счёте означает осознание своей причастности к Родине, её народу, её истокам и корням.

Понятия гражданственности и гражданской идентичности во многом синонимичны. По мнению исследователя Д. В. Григорьева, гражданская идентичность предполагает свободное отождествление человека с народом (российской нацией), включённость человека в общественную и культурную жизнь страны, ощущение причастности к прошлому, настоящему и будущему российской нации [4]. Из этого определения следует, что одним из ключевых компонентов гражданской идентичности является сформированное историческое сознание индивида.

Что касается политологической науки, то здесь понятие «гражданственность» чаще всего коррелируется с категорией «политическая культура» [5]. В предметных границах политологии гражданственность относят прежде всего к практической стороне политической культуры, т. е. осознанию индивидом своих прав и свобод, а также его моральных и юридических обязательств перед обществом; степени их реализации в практической деятельности, а также способности и готовности индивида принимать

конструктивное участие в политической жизни. В таком семантико-смысловом поле гражданственность по своему содержанию близка к понятию государственно-гражданской (общественно-государственной) формы патриотизма, предполагающего осознание и переживание индивидом чувства принадлежности к многонациональному государственно-организованному обществу, включающему уважение к государству, конституции, законам, государственным символам, желание и готовность защищать государственный строй и существующий правопорядок [6].

Формирование именно этой государственно-гражданской формы патриотизма стало предметом усилий Российского государства.

Новацией политико-правовой практики этого периода стало последовательное принятие федеральных целевых программ (ФЦП) патриотического воспитания граждан Российской Федерации с пятилетним сроком действия (2001–2005, 2006–2010, 2011–2015, 2015–2020 гг.) [7]. В контексте данных программ (особенно третьей и четвёртой) общеобразовательной школе отводилась роль уже не просто базисной структуры образовательного пространства, а одного из важнейшего государственно-частного института по воспроизводству социальных ценно-

<sup>4</sup> Григорьев Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника. Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования» // URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com>

<sup>5</sup> Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «гражданственность» // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 2. № 4. С. 188.

<sup>6</sup> Кузнецова Л. В. Развитие содержания понятий «гражданственность» и «гражданское воспитание» в педагогике XX в. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 9. С. 18.

<sup>7</sup> Штоль В. В. Патриотизм на словах и на деле // Обозреватель–Observer. 2017. № 1.

стей, способствующих формированию у подрастающего поколения позитивных и устойчивых ценностно-поведенческих установок. С точки зрения выявления особенностей

становления государственнического подхода к организации исторического образования важное значение имеет анализ содержания целевых программ.

## Возрождение патриотического воспитания

Уже в первой целевой программе патриотизму была отведена роль фактора, способствующего «консолидации общества и укрепления государства, поддержания политической и экономической стабильности, упрочения единства и дружбы народов Российской Федерации» [8]. Основной задачей первой ФЦП стало формирование институциональной основы патриотического воспитания в стране, а также соответствующей нормативно-правовой базы. Координация деятельности была возложена на Правительственную комиссию по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, созданной в 1999 г. В остальном результативность первой ФЦП была достаточно скромной. Оценивая её итоги, правительство России в своём постановлении было вынуждено констатировать, что «патриотизм ещё не стал в полной мере объединяющей основой общества» [9].

Одной из причин этого стало то, что Программа 2001–2005 гг. сосуществовала с Законом «Об образовании» (от 10 июля 1992 г. № 3266-1), в соответствии с которым образова-

тельная деятельность продолжала строиться на основе принципов деидеологизации и деполитизации. Подобный симбиоз не позволял оформить относительно непротиворечивую концептуальную основу патриотического воспитания как в стране, так и в общеобразовательной школе. Вместе с тем в этот период был сделан ряд важных шагов, призванных упорядочить организацию исторического образования.

В 2001 г. был впервые утверждён федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством образования и науки РФ для использования в общеобразовательных учреждениях (приказ Министерства образования РФ от 26 декабря 2001 г. № 4244). Необходимость ужесточения государственного контроля за качеством учебной литературы была вызвана тем, что к этому времени в системе образования циркулировало свыше ста разнородных учебников и учебных пособий по истории.

В декабре 2001 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы пре-

<sup>8</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122 «О Государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы"» // URL: <http://www.bestprav.ru/rossijskoje/er-pravila/t8o/index.htm>

<sup>9</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июля 2005 г. № 422 «О Государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы"» // URL: <http://base.garant.ru/188373/#ixzz5NUxIsGFb>

подавания новейшей отечественной истории», одобряя Концепцию преподавания отечественной истории XX в. Признав обоснованность многофакторного подхода к анализу исторического процесса, она подтвердила целесообразность организации исторического образования в государственных школах на основе государственно-патриотического подхода, не разъяснив, правда, в чём заключается сущность и содержания подобного рода воспитательной работы [10].

В 2004 г. был утверждён федеральный компонент государственного образовательного стандарта (ФК ГОС) по всем предметам Базисного учебного плана, включая историю и обществознание.

Однако основные задачи, поставленные перед этими учебными предметами (сформулированные в пояснительной записке к ГОС), продолжали носить преимущественно когнитивный характер. И это вошло в противоречие с формирующимся государственным заказом в области новой образовательной политики, что вынудило Министерство образования и науки РФ спустя два года начать работу над новым государственным стандартом общего образования второго поколения.

Его разработка пришлась на период действия второй Федеральной целевой программы по патриотическому воспитанию Российской Федерации (2006–2010 гг.), главной целью которой являлось совершенствование системы патриотического воспитания, «обеспечивающей... формирование у граждан Россий-

ской Федерации высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей» [9]. В программе речь фактически шла о формировании системных основ, позволявших повысить эффективность работы по воспитанию государственно-гражданского патриотизма.

Координировать выполнение второй Федеральной целевой программы поручалось Российскому государственному военному историко-культурному центру при Правительстве Российской Федерации, созданному в 1997 г. (Росвоенцентр).

Реализация программы сопровождалась введением новых элементов соответствующей институциональной структуры.

Так, в мае 2008 г. было создано Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь), одной из уставных задач которого являлась организация работы, направленной на нравственное и патриотическое воспитание молодёжи. В рамках Росмолодёжи был организован Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи, инициировавшего интернет-проект «Дневник истории России».

В ноябре 2009 г. на базе Российской оборонной спортивно-технической организации (РОСТО) была восстановлена прежняя (советского образца) структура – общероссийская общественно-государственная организация «Добровольная организация содействия армии, авиации и флоту» (ДОСААФ), призванная организовать воспитание членов общества в духе постоянной готовности к защите интересов Родины. Таким образом, на неё возлагалась задача по организации военно-патриотического воспитания.

<sup>10</sup> Вяземский Е. Е. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2013. № 3. С. 7.

В 2009 г. при Президенте РФ была учреждена Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, просуществовавшая вплоть до 2012 г. [11]. Информационное обеспечение деятельности комиссии возлагалось на Министерство образования и науки РФ.

Помимо создания новых субъектов в сфере патриотической работы особенностью второй целевой программы являлся её операциональный характер, предполагавший измерение результативности патриотического воспитания на основе критериального подхода. С этой целью в 2006 г. межведомственной рабочей группой был разработан перечень критериев и основ методики определения результатов работы по патриотическому воспитанию населения. Критерии носили по преимуществу количественный характер, что позволяло лишь с определённой степенью погрешности оценить степень сформированности духовно-нравственных качеств у соответствующей целевой аудитории.

В этот перечень, в частности, включались такие обобщенные показатели, как:

- доля граждан, участвующих в мероприятиях по патриотическому воспитанию по отношению к общему количеству граждан;
- доля граждан, положительно оценивающих результаты проведения мероприятий по патриотическому воспитанию;
- количество подготовленных организаторов и специалистов патриотического воспитания;
- количество действующих патриотических объединений, клубов, центров и др.

В рамках данной ФЦП была предпринята попытка гармонизировать

организацию патриотического воспитания с образовательным пространством, которое начиная с 2009 г. стало регулироваться на основе существенно модернизированных федеральных государственных образовательных стандартов второго поколения (ФГОС).

После неоднократных доработок был утверждён Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (октябрь 2009 г.), затем в декабре 2010 г. – образовательный стандарт основного общего образования, в мае 2012 г. – среднего (полного) общего образования.

В отличие от ГОС это был уже не внутриведомственный документ, а федеральный закон, утверждённый Государственной думой. Имплитной частью стандарта впервые стала программа воспитания и социализации обучающихся. Ключевые цели образования определялись на основе ценностных ориентиров.

Если в прежнем стандарте под результатами учебной деятельности понимались так называемые предметные результаты (реализация знанкового компонента), то в новом стандарте приоритетное место заняли личностные результаты, мотивация и направленность деятельности подростка. В определённом смысле подобный подход к функциональному предназначению образовательного процесса сближал данный проект с концепцией советской трудовой школы 20-х годов.

Перед историческим и обществоведческим образованием в новом стандарте ставились значительно более объёмные задачи по сравне-

<sup>11</sup> Пономарева Е. Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания // Обозреватель–Observer. 2016. № 5.

нию с предыдущим. Изучение этих предметов было ориентировано на:

- формирование у молодого поколения исторических ориентиров самоидентификации в современном мире;

- гражданской идентичности личности;

- воспитание учащихся в духе патриотизма, уважения к своему Отечеству, многонациональному Российскому государству на основе идей взаимопонимания и толерантности между людьми и народами, формирование у учащихся системы базовых национальных ценностей, на основе которых возможна духовно-нравственная консолидация многонационального народа России.

Особое значение при этом придавалось изучению истории малой родины в рамках внеклассного исторического краеведения [12]. Эти знания учащиеся могли получить прежде всего на уроках истории и обществоведения. Вместе с тем особая роль истории в формировании гражданской идентичности выделена не была.

В целом госстандарты второго поколения впервые поставили задачу по обеспечению в образовательных учреждениях единого образовательного и воспитательного пространства. Оценивать качество воспитательной работы, однако, предполагалось на основе всё тех же обобщённых количественных показателей, которые использовались при оценке эффективности патри-

тического воспитания в рамках федеральных целевых программ. Это создавало предпосылки для утверждения в этой сфере формалистического подхода, несовместимого с подлинным воспитательным процессом.

Пик в организации патриотического воспитания в стране пришёлся на период действия третьей целевой программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы», в которой констатировалось, что «в стране, в основном, создана система патриотического воспитания граждан» [13]. Новшеством программы стало то, что здесь было обращено внимание на «необходимость развития материально-технической базы патриотического воспитания в образовательных, трудовых, творческих и воинских коллективах и общественных объединениях».

Вместе с тем, как и прежде, основное содержание программы предполагало организацию масштабных (удобных для отчётности) мероприятий: всероссийских конкурсов, совещаний, межрегиональных семинаров-совещаний и пр. Ожидаемые результаты были сформулированы расплывчато, в частности, проводимая работа должна была способствовать «...становлению современной творческой молодежи – патриотов России; приобщению учащейся молодёжи к вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания; воспита-

<sup>12</sup> Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2010.

<sup>13</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902239462>

нию учащейся молодёжи на славных событиях истории страны...» и т. д.

Тем временем руководство страны в своей публичной риторике всё чаще обращалось к вопросам, связанным с патриотическим воспитанием и формированием государственной и национальной идентичности населения. Широкое распространение в средствах массовой информации получили различные проекты патриотической направленности.

В частности, на телевидении были запущены проекты «Имя России», «Семь чудес России», телеочерки об известных военных династиях «Вера. Надежда. Любовь», программа «Служу России» на телеканале «Звезда» и ряд других.

Масштабность проводимой государством информационно-пропагандистской кампании говорила о намерении сделать патриотизм официальным политико-идеологическим конструктом.

Всё более значимая роль на этом направлении стала отводиться Министерству образования и науки.

Так, 22 ноября 2012 г. правительством была утверждена государ-

ственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг., где перед образовательными учреждениями была поставлена задача по проведению эффективной политики по воспитанию молодёжи. В введённом в действие с 1 сентября 2013 г. Законе «Об образовании в Российской Федерации» образование впервые трактовалось как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения... осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства» [14].

Закон определял патриотическое воспитание как один из «основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования». Соответственно, воспитание должно было стать частью единого образовательного процесса.

Наряду с патриотическим воспитанием образовательное учреждение должно было обеспечить гуманистический характер образования, предполагавший воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, ответственности и правовой культуры обучающихся.

## Проблемы и противоречия

**К**онцептуальная основа закона содержала ряд внутренних противоречий, способных значительно снизить эффект нововведений. В частности, закон предполагает возможность реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанци-

онных образовательных технологий, а также семейного образования, где целенаправленный воспитательный аспект обучения реализовать проблематично.

При реализации третьей программы система патриотического воспитания, сопровождаясь даль-

<sup>14</sup> Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // URL: <https://duma.consultant.ru/page.aspx?1646176>

нейшим усложнением соответствующей институциональной и нормативно-правовой структуры, приняла всеобъемлющий характер.

20 июня 2012 г. было учреждено (фактически воссоздано по опыту императорской России) Российское историческое общество.

В декабре 2012 г. была создана общероссийская общественно-государственная организация «Российское военно-историческое общество» (также существовавшее в императорской России).

4 сентября 2014 г. распоряжением правительства была введена в действие Концепция развития дополнительного образования детей, одной из задач которой являлось обеспечение их духовно-нравственного, гражданского, патриотического и трудового воспитания.

Государство продолжило экспериментирование с созданием новых молодёжных структур, ориентированных на патриотическое и военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения. В октябре 2015 г., в частности, была учреждена общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников».

На завершающем этапе реализации третьей целевой программы была утверждена Стратегия развития воспитания до 2025 г. [15], конкретизировавшая ранее принятую Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012–2017 гг. Стратегия должна была способствовать развитию высоконравственной личности молодого человека, который разделял бы традиционные духовные ценности, обладал бы знаниями и умениями, необходимыми для реализации своего личностного потенциала в условиях современно-

го общества. Стратегией впервые предусматривалось введение профессионального стандарта специалиста в области воспитания, а также создание гибкой системы материального стимулирования качества воспитательной работы. При этом также поднимался вопрос о повышении роли семейного воспитания в позитивной социализации молодёжи.

Несмотря на то что Стратегия требовала полноценного использования в образовательном процессе воспитательного потенциала учебных дисциплин, особая роль истории и на этот раз не выделялась.

Идентификация роли и места исторического образования в патриотическом воспитании была осуществлена лишь в четвёртой федеральной целевой программе (2016–2020 гг.). До принятия целевой программы был проведён мониторинг результативности предыдущей программы.

По официальным данным, за время действия целевых программ в стране было создано около 2 тыс. оборонно-спортивных лагерей, в 78 субъектах Федерации появились центры военно-патриотического воспитания и подготовки граждан (молодёжи) к военной службе.

На момент проведения мониторинга в стране функционировало более 22 тыс. патриотических объединений, клубов и центров, в том числе детских и молодёжных. Доля молодых граждан, участвовавших в мероприятиях по патриотическому воспитанию, проводимых в рамках реализации региональных программ по патриотическому воспитанию или допризывной подготовки молодёжи, составляла в среднем около 22% от общего числа.

<sup>15</sup> Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://edu53.ru/np-includes/upload/2016/03/11/9720.pdf>

Четвёртая программа уточнила определение патриотического воспитания, под которым теперь понималась «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [16].

Одним из основных компонентов патриотического воспитания в новых условиях должно было стать формирование у молодёжи устойчивого исторического сознания, что предполагало в том числе противодействие попыткам дискредитации и девальвации патриотических ценностей в средствах массовой информации, литературе и искусстве. Для повышения качества патриотического воспитания образовательные учреждения должны были активизировать механизмы социального партнёрства с учреждениями культуры, а также общественными и некоммерческими организациями. Военно-патриотическое воспитание предполагалось дополнить:

- институтом шефства над образовательными организациями со стороны воинских частей и трудовых коллективов;

- созданием и функционированием оборонно-спортивных лагерей, военно-патриотических и военно-исторических клубов;

- проведением военно-спортивных игр и организацией поисковой работы и др.

Согласно ожидаемым результатам эта многогранная деятельность должна была способствовать повышению мотивации молодёжи к воинской службе и готовности к защите Отечества.

Достижению этой цели способствовали такие всероссийские акции, как:

- «Мы – граждане России!», «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка»;

- исторические викторины, исторические диктанты, организованные на региональном и федеральном уровнях, и др.

Фактически речь шла о формировании в стране системы непрерывного военно-патриотического воспитания детей и молодёжи.

В четвёртой целевой программе помимо государственно-гражданского было введено понятие гражданско-патриотического воспитания, которое предполагалось осуществлять прежде всего на основе дальнейшего развития волонтёрского и поискового движения. Гражданско-патриотическое воспитание определялось как целенаправленный, нравственно обусловленный процесс подготовки детей и учащейся молодёжи к:

- работе и взаимодействию в условиях демократического общества;

- инициативному труду, участию в управлении социально ценными делами;

- реализации прав и обязанностей;

<sup>16</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы"» // URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>

– укреплению ответственности за свой политический, нравственный и правовой выбор;

– за максимальное развитие своих способностей в целях достижения жизненного успеха.

Расширение объёмности поставленных задач повлекло за собой создание новых институциональных структур и общественных движений.

В июле 2016 г. в рамках существующей детско-юношеской организации «Российское движение школьников» было учреждено всероссийское военно-патриотическое юнармейское движение, заявленной задачей которого является всестороннее развитие и патриотическое воспитание россиян в возрасте от 8 лет.

В рамках юнармейского движения была создана добровольная общественная организация «Движение юных патриотов», образованная при слиянии военно-спортивных игр «Зарница», «Орлёнок» «Гайдаровец» и различных военно-патриотических клубов.

Министерство обороны учредило военно-патриотический клуб культуры и отдыха Вооружённых сил РФ, а Росмолодёжь инициировала собственную программу патриотического воспитания граждан (на 2016–2020 гг.).

По программе ожидалось, что доля россиян (из числа призывников в армию), гордящихся своей страной, на 8–10%.

В апреле 2016 г. был учреждён фонд «История Отчества», задачей которого является воспитание патриотизма и уважения к России, её истории, борьба за сохранение истинности трактовок исторических событий на основе объективного изложения исторических фактов.

Разветвлённая, многоуровневая институциональная структура патриотического воспитания страдала, однако, прежним имманентным недостатком – отсутствием внятной, принятой на основе общественного

консенсуса общенациональной идеологии.

В этом качестве, как показали дальнейшие события, предстояло выступить непосредственно патриотизму. 6 февраля 2016 г. на встрече с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров, президент России В. В. Путин заявил о том, что в России не может быть никакой иной объединяющей идеи кроме патриотизма. Речь шла о формировании патриотизма в его государственно-гражданском понимании.

Что касается общественно-научного дискурса, то здесь оформились иные, помимо официального, подходы к определению феномена патриотизма.

В частности, представители социального консерватизма исходят из того, что патриотизм и гражданственность в её западном понимании носят искусственный для российского менталитета характер, тем самым воспроизводя в превращённой форме концепцию «официальной народности». В свою очередь, представители либерально-радикальных кругов настаивают на том, что патриотизм и гражданственность исключают друг друга, но уже по другой причине – распространение официального (казённого) патриотизма возможно только за счёт ущемления гражданских прав и свобод основной части населения.

В общественном понимании патриотизм разграничивается на различные виды: естественный, имперский, этнический, государственный, подлинный, абстрактный, гражданский, военный патриотизм и др. Такая полифоничность лишней раз свидетельствует о сложно-

сти и противоречивости данного феномена [17].

Итак, в ходе стабилизационной (2000–2008 гг.) и последовавшей затем модернизационной фазы (2008 г. – по наст. вр.) формирования единого образовательного и воспитательного процесса историческое образование характеризовалось следующими особенностями.

*Во-первых*, осознав высокую значимость патриотического воспитания и формирования полноценной гражданской идентичности подрастающего поколения государственная власть стала выстраивать эту работу на комплексной основе. Речь шла о создании государственно-гражданской формы патриотизма, тесно сопряжённой с военно-патриотическим воспитанием, которое было, не в последнюю очередь, обусловлено резким усложнением международной обстановки после вооружённого конфликта России с Грузией (2008 г.), а затем присоединения Крыма к России (2014 г.).

*Во-вторых*, несмотря на развёртывание патриотического воспитания в стране на государственном уровне, осознание роли и места общего исторического образования в обеспечении единства образовательного и воспитательного пространств пришло не сразу, что до сих пор не позволило в полной мере использовать его воспитательный потенциал.

Это было обусловлено также внутренними противоречиями, проявившимися в этой сфере. Патриотическое воспитание, предполагающее формирование готовности

служению Родине («коллективного целого»), по-прежнему находится в имманентном противоречии с преобладающим в обществе ценностным рядом, присущим рыночной экономике (эгоизм, отчуждение граждан друг от друга и общества, пропаганда жизненного успеха любой ценой и др.). Как следствие, духовно-нравственное состояние российского общества до сих пор не преодолело кризисные явления.

Другое противоречие заключается в том, что образовательное пространство переживает смену парадигмы, смысл которой заключается в переходе к так называемой техницистской «экономике знаний», где воспитательному аспекту по определению отводится вспомогательная роль. Одним из проявлений подобного подхода является такая форма итоговой аттестации, как Единый государственный экзамен (ЕГЭ), предполагающий контрольное тестирование прежде всего фактологического аспекта истории. О том, насколько сложным является обеспечение даже когнитивной стороны вопросы, говорят итоги социологических исследований, согласно которым значительная часть молодёжи не справляется со школьной программой по истории.

Так, в 2017–2018 гг. историю в качестве предмета итоговой аттестации выбрали порядка 20% участников ЕГЭ. Но даже эта категория выпускников испытывала сложности при анализе исторических процессов, слабо ориентировались в истории Великой Отечественной войны.

По оценке Рособнадзора, выпускники были плохо осведомлены об известных исторических

<sup>17</sup> Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 44.

личностях, затруднялись в установлении причинно-следственных связей исторических событий [18].

Стремление оценить качество образования через ЕГЭ и основной государственный экзамен (ОГЭ), а также составление рейтингов школ (основными критериями которых являются результаты всё того же ЕГЭ и победы учащихся на олимпиадах) оставляют за рамками внимания контролирующих органов такие важнейшие вопросы школьной образовательной среды, как органи-

зация воспитательного процесса, состояние морально-психологического климата в школе и другие системообразующие аспекты деятельности школы. Это тем более недопустимо, что школа как социальный институт находится в настоящее время под постоянным разнородным воздействием внешней информационной среды, что усугубляет противоречивость мировоззренческих взглядов и ценностно-поведенческих установок учащейся молодёжи.

Таким образом, говорить о наступлении переломного этапа в формировании единства образовательного и воспитательного процесса, в том числе средствами исторического образования, преждевременно. Подобное отношение может стать упущенной возможностью.

Согласно итогам многочисленных соцопросов, россияне по-прежнему проявляют устойчивый интерес к историческому прошлому страны, стремясь найти здесь ответы на злободневные вопросы современности. При этом основным социальным институтом и источником, где они приобрели базовые исторические знания, они назвали общее историческое образование [19].

## Библиография • References

- Вяземский Е. Е.* Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2013. № 3. С. 5–26.
- [*Vyazemskij E. E.* *Obrazovatel'naya politika postsovetskoj Rossii i reforma obshchego istoricheskogo obrazovaniya* // *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2013. № 3. S. 5–26]
- Горкунова О. С.* Массовое историческое сознание россиян рубежа XX–XXI вв. // Вестник АГУ. 2014. Вып. 2. С. 64–70.
- [*Gorkunova O. S.* *Massovoe istoricheskoe soznanie rossiyan rubezha NKH–NKH1 vv.* // *Vestnik AGU*. 2014. Vyp. 2. S. 64–70]
- Григорьев Д. В.* Формирование гражданской идентичности современного школьника. Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования» // URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com>
- [*Grigor'ev D. V.* *Formirovanie grazhdanskoj identichnosti sovremennogo shkol'nika. Internet-konferenciya «Perspektiva grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya v sisteme obrazovaniya»* // URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com>]

<sup>18</sup> Рособрнадзор подвёл итоги ВПР и ЕГЭ по истории – 2017 // URL: <https://drofa-ventana.ru/news/itogi-vpr-i-ege-po-istorii-2017/>

<sup>19</sup> *Горкунова О. С.* Массовое историческое сознание россиян рубежа XX–XXI вв. // Вестник АГУ. 2014. Вып. 2. С. 68.

- Кузнецова Л. В.* Развитие содержания понятий «гражданственность» и «гражданское воспитание» в педагогике XX в. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 9. С. 10–18.
- [*Kuznetsova L. V.* Razvitie sodержaniya ponyatij «grazhdanstvennost'» i «grazhdanskoe vospitanie» v pedagogike HKH v. // Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole. 2006. № 9. S. 10–18]
- Лубский А. В.* Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 42–56.
- [*Lubskij A. V.* Grazhdanskij patriotizm: o sovmestimosti patriotizma i grazhdanstvennosti v rossijskom obshchestve // Gumanitarij Yuga Rossii. 2017. T. 23. № 1. S. 42–56]
- Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н.* О понятии «гражданственность» // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 2. № 4. С. 188–194.
- [*Nikiforov YU. N., Skalina A. N.* O ponyatii «grazhdanstvennost'» // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2007. T. 2. № 4. S. 188–194]
- Пономарева Е. Г.* Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания // Обозреватель–Observer. 2016. № 5. С. 5–20.
- [*Ponomareva E. G.* Fal'sifikaciya istorii Velikoj Otechestvennoj vojny – tekhnologiya transformacii soznaniya // Obozrevatel'–Observer. 2016. № 5. S. 5–20]
- Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июля 2005 г. № 422 «О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы"» // URL: <http://base.garant.ru/188373/#ixzz5NUxIsGFb>
- [*Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 iyulya 2005 g. № 422 «O gosudarstvennoj programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2006–2010 gody"» // URL: http://base.garant.ru/188373/#ixzz5NUxIsGFb*]
- Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122 «О Государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы"» // URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/er-pravila/t8o/index.htm>
- [*Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 16 fevralya 2001 g. № 122 «O Gosudarstvennoj programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2001–2005 gody"» // URL: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/er-pravila/t8o/index.htm*]
- Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы"» // URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
- [*Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2015 g. № 1493 «O gosudarstvennoj programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016–2020 gody"» // URL: http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf*]
- Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 г. Москвы «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html>
- [*Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 4 oktyabrya 2000 g. № 751 g. Moskvy «O nacional'noj doktrine obrazovaniya v Rossijskoj Federacii» // URL: https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html*]

- Постановление Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902239462>
- [Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 oktyabrya 2010 g. № 795 «O gosudarstvennoj programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2011–2015 gody» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902239462>]
- Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 гг. О реализации решения коллегии от 28 сентября 1999 г. № 19 (с изм. на 14 июля 2000 г.). Приказ Министерства образования Российской Федерации от 18 октября 1999 г. № 574 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753440>
- [Programma razvitiya vospitaniya v sisteme obrazovaniya Rossii na 1999–2001 gg. O realizacii resheniya kollegii ot 28 sentyabrya 1999 g. № 19 (s izm. na 14 iyulya 2000 g.). Prikaz Ministerstva obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 18 oktyabrya 1999 g. № 574 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753440>]
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://edu53.ru/np-includes/upload/2016/03/11/9720.pdf>
- [Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 maya 2015 g. № 996-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // URL: <http://edu53.ru/np-includes/upload/2016/03/11/9720.pdf>]
- Рособрнадзор подвёл итоги ВПР и ЕГЭ по истории – 2017 // URL: <https://drofaventana.ru/news/itogi-vpr-i-ege-po-istorii-2017/>
- [Rosobrnadzor podvyol itogi VPR i EGE po istorii – 2017 // URL: <https://drofaventana.ru/news/itogi-vpr-i-ege-po-istorii-2017/>]
- Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2010.– 31 с.
- [Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obshchego obrazovaniya. M.: Prosveshchenie, 2010.– 31 s.]
- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // URL: <https://duma.consultant.ru/page.aspx?1646176>
- [Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // URL: <https://duma.consultant.ru/page.aspx?1646176>]
- Федосов А. В. Кризис патриотического воспитания в России в конце XX в. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 6. С. 243–246.
- [Fedosov A. V. Krizis patrioticheskogo vospitaniya v Rossii v konce HKH v. // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2008. T. 14. № 6. S. 243–246]
- Штоль В. В. Патриотизм на словах и на деле // Обозреватель–Observer. 2017. № 1. С. 32–46.
- [Shtol' V. V. Patriotizm na slovah i na dele // Obozrevatel'–Observer. 2017. № 1. S. 32–46]

Статья поступила в редакцию 26 марта 2019 г.

# Выбор оптимальной избирательной системы – неотъемлемая составляющая феномена демократии

Екатерина **НОСКОВА**

**П**остроение демократического государства невозможно без детально разработанных и реализованных выборных процедур и процессов. При этом одной из основных тенденций избирательного права является поиск избирательных систем, обеспечивающих наиболее полный учёт волеизъявления всех избирателей и адекватное этому волеизъявлению распределение мандатов.

Споры о наиболее оптимальном виде избирательной системы в политической науке ведутся уже достаточно длительное время, и до настоящего момента поиск лучшей системы учёными так и не найден. Однако следует согласиться с современными политологами, которые утверждают, что идеальной избирательной системы не существует, потому что одни и те же системы могут проявлять себя совершенно по-разному в различных государствах и в разнообразных политических условиях [ 1].

Следовательно, выбор наиболее оптимальной избирательной системы с анализом её достоинств и недостатков не может носить абсолютного характера. Его правильнее связывать с конкретными историческими, поли-

---

**НОСКОВА Екатерина Юрьевна** – аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. *E-mail*: shaposhnikova-ea@yandex.ru

**Ключевые слова:** выборы, избирательная система, демократия, партийные выборы.

<sup>1</sup> Norris P. Choosing Electoral Systems: Proportional, Majoritarian and Mixed Systems // International Political Science Review. 1997. Vol. 18. № 3. P. 299.

тическими и другими условиями, в которых данная система реализуется (например, политический режим, историческая эпоха или партийная составляющая).

Следует отметить, что большое значение при выборе избирательной системы имеют политические приоритеты. Так, если основной целью является формирование стабильного эффективного правительства, то выбор падает на определённый подвид мажоритарной избирательной системы, а в случае расстановки акцентов в пользу адекватного представительства в представительном органе интересов различных групп населения выбор падает на пропорциональную избирательную систему (или избирательную систему партийных списков) [2].

Исходя из этого, выбор определённого вида избирательной системы для страны является очень важным шагом, влияя в дальнейшем на политическую структуру государства и положение политических партий в политической системе страны.

Итак, основных избирательных систем в политической теории две – мажоритарная и пропорциональная. Также выделяют смешанную избирательную систему, объединяющую в себе основные достоинства мажоритарной и пропорциональной систем (поэтому смешанную систему иногда называют мажоритарно-пропорциональной избирательной системой). Все существующие в теории избирательные системы характеризуются общеобязательными принципами и направлены на решение следующих задач:

– *во-первых*, представительство политических сил в выборных органах должно быть сопоставимо (или хотя бы приблизительно) действительной поддержке избирателями той или иной политической силы;

– *во-вторых*, избирательная система должна поддерживать связь между избирателями и депутатами (именно поэтому многие политологи высказываются против использования пропорциональной системы на местных выборах, говоря о потере связи между народом и избранными народными представителями);

– *в-третьих*, все голоса избирателей на выборах должны быть равными;

– *в-четвёртых*, возможность выбора между различными политическими силами [3].

О теории избирательных систем, а также их достоинствах и недостатках сказано уже немало, но необходимо остановиться на изучении каждой из вышеперечисленных избирательных систем и определить их сильные и слабые стороны именно в рамках демократизации политического процесса.

<sup>2</sup> Холодковский К. Г. Будущая избирательная система России и опыт Запада // Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 63; Лысенко В. И. Представительные начала и избирательные системы в контексте правового регулирования избирательного процесса // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 3. С. 76; Таагенера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // Политические исследования. 1997. № 3. С. 116.

<sup>3</sup> Айвазян М. С., Левитанский В. А., Лысенко В. И. [и др.]. Обновление избирательного законодательства в России // Государство и право. 1993. № 8. С. 33.

## Мажоритарная избирательная система

Первой избирательной системой в историческом развитии общества при избрании представительных органов стала мажоритарная система, несомненным преимуществом которой необходимо назвать способность обеспечения прямого представительства для избирателей конкретного округа. Именно мажоритарная система проста и понятна избирателю. Но она же не рассчитана на то, что на выборах политические силы получают места в представительном органе власти пропорционально долям полученных голосов. В результате в политической практике при использовании мажоритарной системы более широкое представительство получают крупные партии и недостаточное мелкие политические силы.

Таким образом, происходит формирование политической системы с доминированием двух-трёх основных сильных политических партий.

Мажоритарная система обладает большим количеством достоинств, позволяющим ей быть применяемой и достаточно популярной в международной практике. Главным достоинством следует назвать учёт мнения большинства (не всегда абсолютного, но всё-таки большинства) избирателей определённого округа при формировании представительных органов власти. При этом избиратели голосуют за определённого кандидата, оценивая

его личные достоинства и недостатки, навыки и умения.

Выборы по мажоритарной системе способствуют стабильности политической системы общества в целом, так как обеспечивают непосредственную «обратную связь» депутата со своими избирателями.

К определённым преимуществам, которыми обладает мажоритарная избирательная система, можно отнести и её историчность, т. е. именно мажоритарная система когда-либо была использована практически всеми зарубежными демократическими государствами. Именно мажоритарные выборы соответствуют принципам «демократии участия», позволяя избирателям участвовать в выборе самих кандидатов, а не партий, основываясь на их политических взглядах.

Довольно простая, понятная для избирателей и выгодная для крупных политических сил данная избирательная система всё же имеет значительное количество недостатков [4].

Так, мажоритарные выборы слабо обеспечивают представительство интересов социально-политических групп населения, так как основная их цель – не представительство интересов различных групп избирателей в представительном органе, а избрание отдельного должностного лица или создание парламентского большинства какой-либо политической силы [5, с. 36]. Следова-

<sup>4</sup> Reynolds A., Reilly B. [et al.]. Electoral System Design. Stockholm: IDEA, 1997. P. 140.

<sup>5</sup> Скосаренко Е. Е. Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М.: Формула права, 2007.

тельно, удобна данная система в первую очередь кандидатам-самовыдвиженцам.

К числу недостатков мажоритарной системы также следует отнести следующие:

- *во-первых*, при использовании данной системы большое количество голосов избирателей просто не учитывается при определении результатов выборов.

Например, система относительного большинства позволяет кандидату получить место в представительном органе при условии, что в его поддержку подано всего лишь 10–15% голосов, а система абсолютного большинства, наоборот, допускает потерю значительного количества голосов при условии, когда нет подавляющего перевеса победившей партии. В последнем случае потерянными могут оказаться около 49% голосов избирателей, проголосовавших за побеждённых кандидатов. При наличии большего

числа кандидатов на одно место в органе власти процент потерянных голосов резко возрастает.

Таким образом, принцип всеобщности избирательного права, несомненно, нарушается, потому что голоса, поданные за «проигравших» кандидатов, пропадают [6];

- *во-вторых*, использование мажоритарной системы не всегда позволяет получить результаты реального соотношения поддержки партии избирателями и количеством её представителей в органе;

- *в-третьих*, применение мажоритарной системы, когда территория страны разделяется на избирательные округа, может привести к столкновению в парламенте местных интересов и региональных. Однако этот недостаток следует относить скорее к государствам с федеральным устройством, но он может проявиться и на региональном уровне, особенно в децентрализованных регионах.

## Пропорциональная избирательная система

**В** соответствии с данной избирательной системой места в представительном органе в результате проведения выборов распределяются пропорционально общему числу голосов, полученных партией.

Основная задача пропорциональных выборов состоит в представительстве интересов наибольшего количества избирателей в законодательных органах. Интересы избирателей представляют кандидаты, т. е. политические партии, кото-

рым избиратели в результате выборов отдали свои голоса.

Именно благодаря пропорциональным выборам каждая политическая партия получает возможность попасть в представительный орган (по возможности в точном соответствии с количеством полученных голосов).

Так же как и мажоритарная система выборов, пропорциональная система не лишена недостатков.

Например, «пропорциональная система не устраняет, а только ос-

<sup>6</sup> Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М.: ИЛ, 1958. С. 114–116.

лабляет лишение представительства некоторой части избирателей» [5, с. 45], т. е. непредставленными в представительном органе остаются избиратели, которые отдали свои голоса за непреодолевших заградительный барьер (заградительный пункт).

Следовательно, применение пропорциональной системы выгодно

для политических партий. Поэтому по-другому она и называется – избирательная система партийных списков. Но для общества она хороша лишь тогда, когда партии действительно необходимы как инструмент политического представительства. И это происходит, когда у партии широкая социальная база.

### Недостатки мажоритарной системы

Оба типа избирательных систем обладают как преимуществами, так и недостатками. Они могут быть общими или специфическими и касаться исключительно опыта конкретного государства, однако интересное сравнение систем и выделение основных недостатков представил американский политолог Р. Даль.

Обратимся к его видению недостатков мажоритарной системы относительного большинства в сравнении с пропорциональной [7, с. 54].

*Во-первых*, «система относительного большинства не способствует развитию многопартийности».

Данная система приводит к установлению двухпартийной (иногда трёхпартийной) монополии, при которой крупные партии становятся бюрократизированными и невосприимчивыми, а вся система управления находится в руках партийной элиты.

Несомненно, при данной системе могут появляться новые небольшие политические партии, но возникают они только на непродолжительное

время и пропадают после того, как их потенциальные сторонники понимают их бесполезность, а голоса избирателей тратятся впустую на тех кандидатов, которые не могут выиграть.

При такой системе небольшие политические партии не находят поддержки ни избирателей, ни политической элиты, тем самым в стране устанавливается двух-трёхпартийная система с реальным отсутствием истинной конкуренции. В свою очередь, пропорциональная система выборов способна преодолеть существующую в стране партийную монополию и способствовать развитию многопартийного соперничества.

*Во-вторых*, «успехи мажоритарной системы преувеличены». Количество мест, достающихся самой крупной партии или партиям, увеличивается вследствие результатов выборов, предопределённых мажоритарной системой (этот феномен иногда называется «сфабрикованным большинством», основанным на принципе «победителю достаётся всё»).

<sup>7</sup> Даль Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000.

По мнению Р. Даля, пропорциональная избирательная система приводит в довольно близкое соответствие предоставляемое число мест в законодательном органе с полученным на выборах количеством голосов, а следовательно, обеспечивает более широкое представительство политических и социальных групп.

*В-третьих*, «происходят манипуляции с границами избирательных округов». Необходимость добиваться большинства внутри расплывчатых географических границ подталкивает правящую партию или партии на законодательную манипуляцию с разбивкой на избирательные окру-

га в целях получения политических преимуществ. А когда появляется возможность манипулировать с границами, то преимущества партийного политического доминирования ещё больше усиливаются. Партии концентрируют свои силы именно на тех районах, где у них есть хорошая поддержка.

Именно выборы по партийным спискам, или пропорциональная избирательная система, устраняют значение манипуляции с границами избирательных округов, так как места между партиями распределяются в соответствии с общей поддержкой, оказанной этим партиям на выборах.

## Недостатки пропорциональной системы

Однако, как отмечает Р. Даль, пропорциональная система тоже не лишена недостатков. Выделим основные из них:

– *во-первых*, представительные органы, сформированные по пропорциональной системе, чаще всего являются коалициями, созданными несколькими партиями и являющимися достаточно нестабильными.

Именно мажоритарная система позволяет добиться формирования более сильного и эффективного законодательного большинства с недвусмысленным мандатом от избирателей, что позволяет действовать правительству решительно и эффективно, поскольку эти действия поддерживаются основной массой граждан;

– *во-вторых*, пропорциональная избирательная система представляет малым партиям довольно много влияния в представительном орга-

не власти, что зачастую приводит к конфликтам, а также подрывает законодательную последовательность и эффективность;

– *в-третьих*, наиболее серьёзным недостатком системы пропорционального представительства является «нарушение прямых взаимоотношений между избранными депутатами и избирателями».

При мажоритарных системах один депутат, которого «знают в лицо» его избиратели, представляет один избирательный округ.

При пропорциональном представительстве большие многомандатные избирательные округа делают более сложной для депутатов задачу поддержания связей с избирателями и выполнение их просьб и наказов, и здесь, скорее всего, депутаты будут нести ответственность перед партией, а не перед избирателями [7, с. 62].

## Смешанная избирательная система

Обе системы, и мажоритарная, и пропорциональная, обладают в равной степени как достоинствами, так и недостатками. Поэтому в политической теории есть система, которая направлена на смягчение имеющихся недостатков существующих систем и усиление их достоинств. По мнению политолога Джин-Хьёк Кима, именно смешанная избирательная система – «социально оптимальная избирательная система» [8].

Однако смешанная избирательная система тоже не лишена недостатков, которые нельзя оставить без внимания. Например, смешанная избирательная система не даёт в полной мере эффективно реализоваться партийному потенциалу. Материал для партийного строительства даёт лишь её пропорциональная составляющая, в то время как мажоритарная акцентирована на реализацию потенциала беспартийных кандидатов. При смешанной системе партии имеют лишь минимальные стимулы к тому, чтобы укорениться в обществе, создать себе структурированную базу поддержки, взаимодействовать с гражданским обществом и основными его институтами.

Но если вспомнить, что смешанная система является «сборной» системой главных достоинств мажоритарной и пропорциональной, то следует указать, что именно эта система имеет наименьшее количество недостатков, а её основные достоинства следующие:

– *во-первых*, смешанная избирательная система достаточно проста и понятна, довольно легко поддаётся простому арифметическому исчислению. Сочетание мажоритарной (выборы в одномандатных округах) и пропорциональной (выборы по партийным спискам) составляющей при наличии достаточно низкого (до 5%) заградительного барьера позволяет представлять в парламенте практически все основные идейно-политические течения, но при наличии высокого заградительного барьера становится инструментом воздействия крупных политических партий;

– *во-вторых*, смешанная избирательная система является эффективным инструментом диалога власти и оппозиции. Сочетая в себе компонент пропорциональной избирательной системы (выборы по партийным спискам), наделяющий лидеров партий высокой автономией от избирателя и даже собственных партий, она может открыть дорогу к элитным договорённостям, особенно важным в нестабильных демократиях, и позволить лидерам политической оппозиции идти на компромиссы с властью по важнейшим вопросам;

– *в-третьих*, смешанная избирательная система сохраняет избирателю непосредственного избранника народа – избранного по одномандатным округам депутата, что в перспективе означает надёжную систему «обратной связи» депутатов со своими округами.

<sup>8</sup> Kim J.-H. A Welfare Analysis of Mixed-Member Electoral System // Prepared for the 2006 Meeting of the Public Choice Society at New Orleans. 2006. February. P. 3.

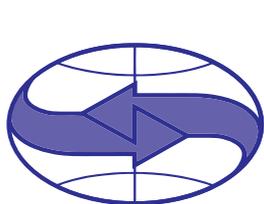
Итак, каждая избирательная система имеет свои достоинства и недостатки, которые могут по-разному проявить себя в различных государствах, в различное историческое время и при разных условиях реализации.

Поэтому при выборе избирательной системы необходимо внимательно подойти к оценке её достоинств и недостатков, а также к их возможной трансформации в политической системе конкретного государства.

## Библиография • References

- Айвазян М. С., Левитанский В. А., Лысенко В. И. [и др.]. Обновление избирательного законодательства в России // Государство и право. 1993. № 8. С. 32–42.  
[Ayvazyan M. S., Levitanskiy V. A., Lysenko V. I. [i dr.]. Obnovlenie izbiratel'nogo zakonodatel'stva v Rossii // Gosudarstvo i pravo. 1993. № 8. S. 32–42]
- Даль Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. – 204 с.  
[Dal' R. O demokratii. M.: Aspekt Press, 2000. – 204 s.]
- Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М.: ИЛ, 1958. – 303 с.  
[Lejkman E.H., Lambert Dzh. D. Issledovanie mazhoritarnoj i proporcional'noj izbiratel'nyh sistem. M.: IL, 1958. – 303 s.]
- Лысенко В. И. Представительные начала и избирательные системы в контексте правового регулирования избирательного процесса // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 3. С. 76–88.  
[Lysenko V. I. Predstavitel'nye nachala i izbiratel'nye sistemy v kontekste pravovogo regulirovaniya izbiratel'nogo protsessa // Vestnik TsIK RF. 1997. № 3. S. 76–88]
- Скосаренко Е. Е. Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М.: Формула права, 2007. – 205 с.  
[Skosarenko E. E. Izbiratel'naya sistema Rossii: mify i politicheskaya real'nost'. M.: Formula prava, 2007. – 205 s.]
- Таагенера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // Политические исследования. 1997. № 3. С. 114–136.  
[Taagepera R., Shugart M. S. Opisanie izbiratel'nyh system // Politicheskie issledovaniya. 1997. № 3. S. 114–136]
- Холодковский К. Г. Будущая избирательная система России и опыт Запада // Избирательный закон. Материалы к обсуждению. М., 1993. – 217 с.  
[Xolodkovskij K. G. Budushhaya izbiratel'naya sistema Rossii i opy't Zapada // Izbiratel'ny'j zakon. Materialy` k obsuzhdeniyu. M., 1993. – 217 s.]
- Norris P. Choosing Electoral Systems: Proportional, Majoritarian and Mixed Systems // International Political Science Review. 1997. Vol. 18. № 3. P. 297–312.
- Reynolds A., Reilly B. [et al.]. Electoral System Design. Stockholm: IDEA, 1997.
- Kim J.-H. A Welfare Analysis of Mixed-Member Electoral System // Prepared for the 2006 Meeting of the Public Choice Society at New Orleans. 2006. February.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2019 г.



# ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

## Contents




---

### Political science

---

#### **«Transitional period»: evolution of the policy of military-power confrontation of the Western military-political coalition (2010–2024). Part 2**

5

A. Podberyozkin

The strategy of the western military-political coalition with the leading role of the United States of America is undergoing significant changes over the last decade. It can be named as «transitional period». Possibly, this period will be finished not earlier than by the mid of the next decade. And this period will become the escalation of military tensions towards new centers of force and power – Russia, China, Iran and some others.

**About the author:** PODBERYOZKIN Alexey I. – PhD in historical sciences, professor of MGIMO (University) MFA of Russia, academician of Academy of Military sciences and Academy of Natural sciences, director of the center of Military-political researches of MGIMO and Concern VKO «Almaz-Antey».

**Key words:** «transition period», MIC, military-industrial complex, power policy, armed conflict, armed conflict, MST, «disarming» blow, strategic stability.

#### **Syrian conflict – the epicenter of instability in the region**

21

S. Ivanov

The article discusses the situation in the Syrian Arab Republic (SAR) and its impact on the overall situation in the Middle East. Special attention is paid to

the analysis of the participation of regional centers of power and external players in the Syrian conflict. The author comes to the conclusion, that it is necessary to intensify the peace negotiations on Syria in Geneva and Astana. With the consent of the opposing sides, it is allowed only to conduct a peacekeeping operation under the auspices of the UN.

**About the author:** IVANOV Stanislav M. – Candidate of Historical Sciences, Leading researcher at the Center for International Security, IMEMO RAN.

**Key words:** Syria, Middle East, radical Islam, jihadists, Iran, the US, Kurds.

## France and the new challenges of European integration

31

L. Romanova

The issue of creating a European army arose in Europe immediately after the end of the Second World War, a year before the creation of NATO, passing the stages of the Brussels Pact, the Western European Union and NATO pillars in Europe. The updated idea of E. Macron was supported by Europeans as a whole, but its realization is a big question given that the crisis of multiculturalism is a real threat to European security and identity.

**About the author:** ROMANOVA Lyudmila A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economic Theory, MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia.

**Key words:** France, NATO, European army, migration, Aachen Treaty, E. Macron, A. Merkel.

## Khalkhin-Gol – 1939 in context of history. To the 80th anniversary of the military conflict: the origins and lessons

39

A. Seryogin

The article is based on the archival documents and modern historical studies that allow us to consider this period as a failure of militaristic Japan's invasion of Eastern Siberian territories of the Soviet Union, starting with the Russian-Japanese War of 1904-1905, until the end of the World War II. The military and political efforts of the USSR helped to protect the independence of Mongolia and consolidate the post-war alignment of forces in the Far Eastern region at the international level.

**About the author:** SERYOGIN Alexander V. – Candidate of cultural science, Professor of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

**Key words:** USSR, Japan, r. Khalkhin-Gol, Mongolia, Far East, lake Hassan.

## Science about diplomacy, for diplomacy, in diplomacy

58

R. Reinhardt

The article deals with the rising role of science diplomacy in Russian and other countries' foreign policy. The author analyses its three key dimensions, i.e. elaboration of recommendations for the tasks of international politics, smoothing the process of international science cooperation, using science alliances for improving relations between countries.

**About the author:** REINHARDT Roman O. – PhD (World Economy), Associate Professor at the Department for Diplomatic Studies, Moscow State University of International Relations (MGIMO).

**Key words:** theory of diplomacy, science diplomacy, economic diplomacy, MGIMO-University of the MFA of Russia.

## Russia's relations with compatriots abroad. Problems of constitutional and legal support

73

A. Akimova

The author's classification of Russians permanently residing abroad is represented in the article. It was proposed to improve the current legislation that regulates the legal status of compatriots, and to conclude a number of international treaties on social security, work activities of compatriots and regulation of migration flows.

**About the author:** AKIMOVA Alyona O. – graduate student of Moscow State Regional University.

**Key words:** compatriots abroad, citizenship, diaspora.

## Policy of Patriotic education of students in the USA and China. Comparative analysis

82

L. Fedorchenko

The analysis of the problem of Patriotic education of students of the modern University takes the minds of researchers from the last century. Also, this topic has always been of interest to politicians - because patriotism is closely related to the legitimization of modern power, the trust of students – the future of the country – to the existing socio-economic order. The issue is also relevant from the point of view of the construction of political identities, target audiences focused on certain political subjects of the country, political parties. This is also realized by foreign, transnational political interests, knowing that the government, which cannot rely on the Patriotic masses of young people and students, can always be put under pressure through lobbyists and improve the

position of its representatives in the country's market, ignoring the national priorities. The author analyzes the Patriotic policy of the USA and China, focusing on the specifics of their models.

**About the author:** FEDORCHENKO Larisa V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations and Geopolitics of Transport at the Institute of International Transport Communications of the Russian University of Transport (MIIT).

**Key words:** patriotism, students, USA, China, policy of Patriotic education.

### Features of state policy of the Russian federation in ensuring educational aspect of historical education.

91

E. Guz'

In the article features of state policy of the Russian Federation on ensuring unity of educational and educational spaces in the country on the basis of the federal target programs for patriotic education starting at the beginning of the 2000th years are considered. The main problems and contradictions connected with attempt of involvement in this process of the general historical education come to light.

**About the author:** GUZ' Ekaterina V. – applicant of department of political science and right of the Moscow state regional university.

**Key words:** historical education, patriotic education, civic consciousness.

### Choosing an optimal election system – an integral component of the phenomenon of democracy.

106

E. Noskova

The issues of determining the optimal electoral system for the political system of the state still remain acute and controversial. Within the framework of the studied question the author cites the shortcomings and advantages of the existing electoral systems and concludes on the possibility of their application in the framework of democratization of the political process.

**About the author:** NOSKOVA Ekaterina Yu. – post-graduate student of Moscow State University. M. V. Lomonosov.

**Key words:** elections, electoral system, democracy, party elections.

## **Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК**

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: [observer-rau@yandex.ru](mailto:observer-rau@yandex.ru).

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языке) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

**Требования к материалам опубликованы на сайте:**

<http://observer.materik.ru>

**Подробнее смотрите сайт ВАК:**

<http://vak.ed.gov.ru>

## **Requirements for materials, submitted to the editorial board “Обозреватель–Observer”**

The article is sent to the editor with a cover letter by e-mail: [observer-rau@yandex.ru](mailto:observer-rau@yandex.ru).

The total volume of the material is up to 20–25 thousand characters with spaces. Authors need to pay attention to compliance with the Russian language.

The text is given in a 14 size of type with 1.5 line spacing and should be structured (i.e. have sections).

References to sources are to be provided in Arabic numerals in square brackets, with continuous numbering, output data, page indication and is to be marked page-by-page. At the end of the article all references are grouped in alphabetical order (in Russian, then in foreign languages) specifying the output data (place of publication, publisher, year of publication, the total number of pages) and placed without numbering. Sources in the bibliography are given as well in Latin under the Russian title.

Foreign sources are indicated in the original language with the output data.

It is necessary to indicate the Universal Decimal Classification and to apply an abstract to the article (not more than 300–500 characters), keywords and brief information about the author (surname, name and patronymic, academic degree, the other title, place of employment, position and contact numbers, SPIN-code), the title of the article. All information – in English and Russian languages.

All text materials should be sent in a single file.

Drawings, graphs, charts are to be provided in JPG or EPS files separately.

As the accompanying documents, the author makes an extract from the decision of the department (scientific division), where the work, containing the recommendation to the article for the publication in the journal. Statement is to be signed by the head of the department (the head of the scientific department) or his deputy and certified by the signature of the corresponding division.

Author of the article is to provide a review made out and certified by the expert – the doctor of sciences, containing recommendation for the publication of the article in the journal.

The originals of the accompanying documents in case of publication of the article must be submitted to the editors.

**Requirements for materials are published on the site:**

**<http://observer.materik.ru>**

**For more details see website  
of the Higher Attestation Commission:**

**<http://vak.ed.gov.ru>**

**Уважаемые читатели!**  
**Продолжается подписка на 2019 год**  
**на ежемесячный научно-аналитический журнал**

**«Обозреватель–Observer»**

**Подписка проводится в отделениях связи**  
**«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»**  
**агентства «РОСПЕЧАТЬ»**

**47653 – на полугодие**

**36789 – на год**

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.  
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)  
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ  
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории  
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет



Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

E-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>**

Подписано в печать 15.05.19. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.  
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. Заказ № .